

САРКИС КАНТАРДЖЯН

ДНЕВНИК ШУШИНКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

**ЕРЕВАН
"АЙАГИТАК"
2007**

Редактор Г.И.Кубатьян

Корректор А.Р. Галстян

В книге рассказывается о доселе неизвестных страницах жизни одной шушинки и ее русского супруга, двадцать семь лет проработавших в контрразведке царской России.

КАНТАРДЖЯН С.Л.
ДНЕВНИК ШУШИНКИ - 141стр.

© **Кантарджян С.Л.**

ОТ АВТОРА

Свою предыдущую книгу я посвятил судьбам представителей одной семьи и прототипами персонажей избрал моих родственников по отцовской линии.

Настоящую книгу я написал, опираясь на биографические сведения о родне по материнской линии.

Жанр документальной повести имеет свою специфику, которая и предопределила характер дальнейшего повествования.

Из определения, данного «Литературным энциклопедическим словарем» (М., «Советская энциклопедия», 1987), вытекает, что документалистика, в том числе и документальная повесть, активно использует эстетические отбор и оценку реалий. «Документальная литература, – сказано в словаре, – это художественная проза, исследующая исторические события и явления общественной жизни путем анализа документальных материалов, воспроизводимых целиком, частично или в изложении».

Далее в статье утверждается, что «качество отбора и эстетическая оценка изображаемых фактов, взятых в исторической перспективе, расширяют информационный характер документальной литературы и выводят ее как из разряда газетно-журнальной документалистики (очерк, записки, хроника, репортаж) и публицистики, так и из исторической прозы». А имеет ли право автор документального произведения на художественное обобщение фактов, на собственную концепцию исторических событий, на сознательный отбор материала, на литературную обработку рассказов очевидцев, наконец, на собственные выводы? В энциклопедическом словаре говорится на сей счет следующее: «Сводя к минимуму творческий вымысел, документальная литература своеобразно использует художественный синтез, отбирая реальные факты, которые сами по себе обладают значительными социально-типическими свойствами». Несомненно, что документальная литература строго ориентирована на достоверность и правдивость. Однако достижимы ли вообще полная достоверность, абсолютная правда?

По словам лауреата Нобелевской премии Альбера Камю, полная правда была бы возможна только в том случае, если бы киноаппарат запечатлел всю жизнь человека от рождения до смерти. Но вот вопрос: где найти того, кто согласится пожертвовать единственной своей жизнью ради бесконечного просмотра этой удивительной киноленты? А если таковой и найдется, сможет ли он за внешними событиями увидеть внутренние причины поведения своего героя, в нашем случае героини? Во что превратилось бы мое повествование, откажись я – совершенно сознательно! – от творческого отношения к собранным фактам? Нет, роль пассивного собирателя не по мне.

В этой повести я вновь использовал оправдавшие себя, кажется, в предыдущей книге принципы, сформулированные Анатолием Тоссом в его романе «Американская история».

Первый из них сводится к следующему: «Если взять понравившуюся идею, очистить от шелухи, выделить суть, то она может стать исходной точкой для цепочки преобразований... Крутишь, вертишь как-то неожиданно, так и этак, и, глядишь – под каким-нибудь неуклюжим углом блеснет новое, видоизмененное продолжение».

Сущность второго принципа – «компилирование существующих идей, нахождение нового, несуществующего сочетания» – А. Тосс разъясняет устами своего героя: «Существуют несколько идей, каждая из которых – такой многогранный куб со множеством плоских поверхностей. И они, находящиеся перед тобой многогранники, не сочетаются, не стыкуются друг с другом своими плоскостями. Тем не менее, у каждого куба существует единственная сторона, которая подходит для стыковки, и если такие стороны найти у всех кубов и правильно приложить друг к другу, то многогранники естественно притрутся. В результате получится совершенно новый конгломерат, который может заключить в себе абсолютно новую, оригинальную идею».

Словом, эта моя документальная повесть основана на конгломерате идей, почерпнутых из разных интернет-сайтов. Каждый из этих сайтов имеет определенное целевое назначение, и я категорически отверг материалы с пометкой «авторские права защищены». Материалы же, взятые с «незащищенных» сайтов и цитируемые дословно, закавычены. В первую очередь это касается цитат из рапортов, докладов и писем, принадлежащих консулам, послам, министрам и другим официальным лицам различных государств. В отличие от предыдущей книги, в настоящей повести широко использованы рассекреченные донесения русских разведчиков и контрразведчиков; с ними может ознакомиться всякий, у кого есть доступ к всемирной сети.

Я намерен рассказать без утайки все, что мне удалось разузнать о судьбе Саркиса Бек-Шакарова и членах его большого семейства.

СЛОВО О ГЕРОИНЕ

В конце 90-х годов прошлого столетия наш родственник, брат маминой золовки, известный архитектор Ованес Христофорович Халпахчян передал моему младшему брату Геворку Кантарджяну, вот уже много лет собирающему материалы о наших предках по материнской линии, копии старых чертежей. В них, этих чертежах, отразились обмеры пяти старинных шушинских церквей, которые Ованес Христофорович сделал около полувека назад. Архитектор заметил, что ему редкостно повезло: он поехал в тот раз в Карабах как нельзя более вовремя. Прошел год или два, и остовы трех из этих пяти церквей пустили под бульдозер. Та же участь постигла развалины семи тысяч армянских домов и десятков культурно-просветительских и административных зданий, сгоревших (или, вернее, сожженных) 22 марта 1920 года, сразу после резни. В тот страшный день, как и за пятнадцать лет до этого, тюрко-татарские громилы полностью разрушили и сожгли верхнюю, армянскую, часть города. Выгорели целые улицы, погибли тысячи мирных жителей. Теперь бульдозеры разровняли землю, и там выросли стандартные пятиэтажки, так называемые «хрущобы».

Пока брат знакомился с чертежами, старый архитектор вышел из комнаты; дело происходило в его московской квартире. Через минуту он протянул брату пухлый конверт.

– Посмотри, – сказал, – может, и заинтересует. Это дневник вашей двоюродной бабушки, ну, словом, младшей сестры деда. Дарю.

– Откуда он у вас? – спросил брат, разглядывая полуобгоревшую тетрадь.

– Нашел в развалинах дедовского дома. Там и ваша мама родилась, и две ее старшие сестры, и два старших брата.

– А вы точно знали, что это дом нашего деда?

– Знал. Мне подробно рассказал, где он находится, зять, муж старшей сестры.

В 37-м его репрессировали, а незадолго до моей поездки выпустили, реабилитировали. Услышал, что меня командировали в Карабах, и специально зашел. Попытайся, говорит, найти отцовский дом. Может, развалины и сохранились. Сфотографируй их, если есть что фотографировать. – Старый архитектор помолчал, видимо, вспомнил, как искал развалины, как их обнаружил. – Мало что там осталось. Я нашел дом по чистой случайности. После пожара прошло тридцать пять лет. Деревья, кустарники, трава чуть не в человеческий рост – всё разрослось и совсем скрывало закопченные, обгорелые стены. Походил я между этих стен... Огромный был дом. От него сохранилось, да и то частично, лишь одно крыло. Руины я осматривал тщательно. Вижу, под грудой обвалившейся штукатурки – смесь глины с соломой – валяется наполовину обожженный кожаный саквояж с оторванной ручкой. Вытащил его кое-как и заглянул. А там эта самая тетрадь, толстая, потрепанная, в коленкоровом переплете. И ни единой пометки на обложке, да ещё подгорелая. Оказалось, это дневник твоей двоюродной бабушки или, скорее, последовательное изложение событий, участницей которых она была.

Велся дневник по-армянски, – продолжал Ованес Христофорович. – Он с первых же слов буквально приковал мое внимание. Пока добирался до Еревана, я его, что называется, проглотил. И пришел в полнейшее смятение. Дело в том, что когда твоего дядю арестовали в 37-м, ни моей сестре, ни всей нашей многочисленной родне так и не удалось понять, из-за чего его взяли. И хотя людей тогда частенько хватали, сам знаешь, без всяких причин, какая-то загадка все-таки оставалась. А дневник, кажется, проливает на нее свет. Кто-кто, а уж я-то знал про мытарства сестры и племянников. Ее муж, наш зять, отсидел в лагере десять лет и еще шесть провел в ссылке. Семья его за эти годы хлебнула столько горя, что я не решился рисковать и промолчал о находке, никому не сказал ни слова.

Так что ты, – архитектор положил руку на плечо моему брату, – первый узнаешь о ней. Времена, слава Богу, изменились, если о том, что написано в тетради, станет известно, то ничего страшного не случится. В общем, сочтешь нужным – огласи содержание дневника. Я тебе разрешаю. Но с одним условием. Сделай это только после смерти моей старшей сестры. Не раньше, прошу тебя.

Просьба знаменитого архитектора выполнена.

Прошло несколько месяцев. Узнав, что я намерен посвятить книгу карабахским родственникам, младший брат передал мне все собранные им материалы по Шуши. Был среди них и дневник нашей двоюродной бабушки.

К сожалению, далеко не все записи в этом дневнике датированы, и о времени, когда произошло то или иное событие, приходится только догадываться. Не буду томить читателя и немедленно приступлю к делу – изложу то, что почерпнул в чудом уцелевшей тетради. Впрочем, без оговорок не обойтись. Нельзя вкратце поведать о целой жизни, к тому же жизни неординарной, о трагической судьбе. Поэтому в книге присутствует известная доля обобщения. Кое-какие эпизодические персонажи соединены, местами изменены фамилии действующих лиц. А повествование по мере необходимости прерывается разного рода пояснениями.

Вот и всё. Теперь откроем дневник. Вот что писала наша двоюродная бабушка в позапрошлом уже веке:

25 ноября 1888 года.

Я завела дневник сразу же по прибытии в Петербург. Буду писать обо всем, что произойдет со мной вдали от родного дома, по крайней мере – о самом важном. Поверю бумаге свои новые впечатления, прежде всего для того, чтобы самой в них разобраться. Писать буду по-армянски. Очень удобно, не надо даже прятать. А читать дневник никогда и никому не дам, это все равно что полностью обнажить перед кем-то душу. Я на такое не способна.

11 декабря 1888 года.

Пока в моей жизни было три события, о которых стоит упомянуть. Первое – мое детство, проведенное в Шуши, где я родилась, выросла и окончила гимназию. Это, конечно, не одно событие, а целый их ряд, однако они сливаются в моей памяти во что-то нераздельное. Второе – когда отец решил увезти меня в Петербург, чтобы выучить на провизора. Педиатр, он всегда мечтал открыть для меня в Шуши аптеку. И третье, самое главное – вот уже дней десять, как я

познакомилась и сразу же по уши влюбилась в студента-математика. Мало того, согласилась выйти за него замуж. На днях я переберусь в комнату, где живет Алеша. Это полуподвальное помещение снято пять лет назад, когда мой будущий муж приехал в столицу из Костромы. Кстати, на этой неделе мы с ним отправляемся туда – Алексей познакомит меня с родителями и родней.

Итак, речь идет о достопамятном 1888 году. Почему достопамятном? А потому, что царская семья посетила тогда Закавказье. Отец моей героини Саркис Левонович Шакарян (Бек-Шакаров) поставил на ноги одного из сыновей Александра III, десятилетнего Михаила, был пожалован за это личным дворянством и приглашен в Петербург. Однако обо всем по порядку.

В начале октября 1888 года Саркис Левонович получил указание срочно выехать в Баку. Депеша пришла от управляющего медицинской частью Тифлисского отделения МВД России Платона Антоновича Главацкого, однокашника по медицинскому факультету Московского университета. Назначенный на Кавказ, Главацкий посетил с инспекторской проверкой Карабах и воочию убедился, каким уважением пользуется в Шуши его однокурсник Сережа (так Саркиса звали в Москве). Еще бы! Педиатр он был от Бога и вдобавок никогда не делал различия между армянскими и татарскими детьми. В депеше Шакаryanу предписывалось захватить с собой травяную настойку собственного изобретения, которой он лечил расстройство желудка у шушинской детворы.

В Баку Шакаryanа представили педиатру императорского двора Карлу Андреевичу Раухфусу, который в числе других лейб-медиков сопровождал царскую семью в ее поездке по Кавказу. Придворный врач пожаловался, что расстройство началось у юного великого князя еще в Кутаиси, дней десять тому назад. Попытки вылечить ребенка известными, многократно использованными способами не увенчались успехом. И тут Платон Антонович вспомнил про своего однокурсника. «Вся надежда на вас», – растерянно улыбнулся почтенный немец.

Настойка, которой напоили великого князя, произвела потрясающий эффект. Болезнь как рукой сняло, и на следующий день царственный ребенок был совершенно здоров. Искусного врача пригласили на торжественную закладку храма в память князя Александра Невского. Церемония состоялась 8 октября 1888 года в присутствии царя и членов императорской семьи. Вернувшись домой, Шакарян раз за разом рассказывал – охотников послушать было предостаточно, – как высокие гости положили в особую нишу в фундаменте по кирпичику и золотому червонцу чеканки текущего года. Положили в нишу и медную позолоченную табличку со сведениями, при ком и когда произошла закладка храма, хранящего в алтарной стене перед престолом мощи святого Александра Невского.

У Саркиса Левоновича и Карла Андреевича как-то сразу завязались дружеские отношения, закрепленные карабахской тутовкой. «Божественная водка! – с пафосом восклицал придворный врач и тут же снижал пафос: – Но чертовски крепкая». За рюмкой тутовки Шакарян и поведал гостю о планах открыть для дочери аптеку. Тот идею поддержал и сообщил интересную новость: недавно принято решение допустить женщин к экзаменам в Военно-медицинской академии на степень провизора. Правда, учиться надлежало на специальных курсах или

самостоятельно. Поскольку курсы работали с перебоями, готовились девушки обычно частным образом у профессоров той же академии, не афишируя занимавшихся с ними аналитической и судебной химией. Причем безвозмездно.

– Быть того не может, – изумился карабахец.

– Представьте себе, – важно подтвердил придворный врач, переведя дух после очередной рюмки.

– А время обучения?

– От трех до шести месяцев.

Именно Карл Андреевич и сообщил коллеге приятную новость. Чокнувшись с ним, он доверительно шепнул:

– Его величество очень вами доволен. Услышал, что мальчик поправился, и тут же распорядился возвести вас в дворяне. Завтра вам объявят это официально. – С удовольствием проследил за реакцией сотрапезника и заговорщически добавил: – Дворянство, понятно, личное, а не потомственное. Так ведь и это не фунт изюма. Мне ли вам говорить, как трудно ныне образованному человеку пробиться в дворянское сословие. При Петре и матушке Екатерине было попроще. А теперь... Надо занимать достаточно высокий пост, и планку всё поднимают и поднимают. А вы, я смотрю, за чинами не гонитесь.

– Не гонюсь, – развел руками Шакарян.

– И правильно делаете. Фортуна, бывает, ошибается, но на этот раз отметила достойного. Все-таки, – он по-свойски подмигнул, – кое-какие привилегии.

Они засмеялись и выпили.

На пути в Петербург 17 октября 1888 года царь с семьей угодил в тяжелейшую катастрофу на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге. Семь жутко покореженных вагонов, множество жертв. В роковую минуту царской семье только-только подали в вагоне-ресторане пудинг. И тут рухнула крыша. Но Александр III недаром славился богатырской силой. Огромным усилием он удерживал потолок на руках и плечах, пока жена и дети не выбрались наружу. «Им теперь не до меня, – с грустью подумал Саркис Левонович. – В императорской канцелярии, наверное, переполох, полно бумаг. А тут какой-то туземный врач. Забудут». Он огорчился. Но напрасно. В конце месяца из Тифлиса пришла срочная телеграмма за подписью Главацкого: 15 ноября вам предписано прибыть в Петербург для торжественного вручения диплома. «Ну и хорошо», – с облегчением вздохнул про себя Саркис Левонович и велел дочери собираться в дорогу. Вот как Надежда описала поездку в своем дневнике (дата не проставлена):

Отчетливо помню самое первое ощущение, охватившее меня при виде жуткого монстра – Московского вокзала в Петербурге. Я почувствовала себя червячком во чреве ужасного огнедышащего дракона. Чудище это совсем не походило на вокзал в моем понимании. На вокзале все куда-то едут. А здесь всё просто живет. Само здание, бездомные подростки и бродяги, пьяницы, женщины легкого поведения и бородатые носильщики, и контролеры. Здесь живут и те, кто забежал на минутку купить газету или проглотить отвратительного (как выяснится потом) вкуса чай и не менее отвратительные блинчики с мясом (скорее всего, собачьим).

Я очутилась посреди этой чужой мне жизни. Папа крепко держал меня под руку. В бытность студентом он с друзьями-карабахцами несколько раз приезжал в северную столицу на каникулы и неплохо здесь ориентировался. Но извозчики все равно знают город лучше. Кликнув извозчика, папа назвал адрес нашего бывшего соседа Маргара Арустамова. Тот окончил Медицинскую академию, участвовал в русско-турецкой войне, а по возвращении в Петербург вплотную занялся докторской диссертацией. По словам папы, работа над ней уже близилась к концу.

Папа снял для меня комнату неподалеку от дома, где квартировал будущий доктор медицины, и оставил меня под его присмотром. А сам получил диплом, удостоверяющий его дворянство, записал меня на частные провизорские курсы и с чувством исполненного долга вернулся домой.

Друг отца Маргар и его жена Анаит стали поначалу единственными близкими мне людьми в этом необычайно красивом городе. Впервые оказавшись без привычного шушинского окружения, без опеки родителей, бабушек и дедушек, старшего брата, многочисленных тетушек и дядюшек, без школьных подруг, я чуть с ума не сошла и страшно робела. Это была другая жизнь, другой мир. Он казался мне слишком плотным, насыщенным и в то же время каким-то призрачным, невсамделишным. И лишь одно не теряло в нем осязаемости, реальности – вечерние прогулки по городу с четой Арустамовых.

Супруги делали вид, будто они свои в этом огромном, красивом, но холодном городе. Дескать, он для них совершенно привычен. Я тем не менее понимала – на деле всё не так. Разве случайно не было вечера, чтобы вчерашние шушинцы – они покинули Карабах всего-то несколько лет назад – не затевали ностальгического разговора о родных местах?

Мы ежевечерне прогуливались по одному и тому же маршруту, вскоре ставшему мне почти таким же знакомым, как городской бульвар в Шуши: Биржевой мост – стрелка Васильевского острова – Дворцовый мост – Дворцовая площадь – Адмиралтейская набережная – Сенатская площадь – Мойка и Театральная площадь – канал Грибоедова – Невский проспект и Знаменская площадь. Огромный, вечно сыроватый, а зимой (ох уж эта бесконечная русская зима!) и промозглый Петербург, конечно, поражал красотой своей архитектуры, но казался враждебным. Этакий противный теплой человеческой натуре скользкий бессердечный монстр. И разве можно было сравнить неустойчивые петербургские погоды с мягким и целительным воздухом Шуши! Петербург стоит на море, а Шуши – далеко-далеко от него, но климат у нас нежный, ласково-влажный, слегка туманный, куда больше напоминает морской, чем континентальный. Отчужденность и даже враждебность, с первых дней внушенные мне Петербургом, не рассеялись окончательно и позднее, когда я вышла замуж и обзавелась множеством друзей и знакомых. Между прочим, все они, не в пример мне, нежно любили северную столицу и гордились ею.

МОИ ШУШИНСКИЕ РОДСТВЕННИКИ

Задолго до начала событий в Нагорном Карабахе брат подарил мне семейный альбом, посвященный нашей шушинской родне. С первой страницы альбома на меня смотрели две фотографии. На одной запечатлен мой прадед Саркис Левонович Шакарян (1835–1900), а на другой – он же со своим сыном, отцом моей матери Левонем Саркисовичем (1860–1938), кстати сказать, державшим в родном городе книжный магазин. Сестра Левона, моя героиня Надежда Саркисовна, родилась через два года после него. Мне, к сожалению, не известны сведения о роде Шакарян, о его происхождении, о видных его представителях, если таковые имелись. Известно только, что моя прабабушка Заруи (Айан) была на десять лет моложе мужа и скончалась в Ереване, пережив его на тридцать три года – на треть века.

На второй странице альбома помещено семейное фото другого моего прадеда Герасима Кафиева, владельца ковровой фабрики в Шуши и мануфактурных магазинов в Баку и Тифлисе. Мамина мама Наталья Герасимовна (1870–1925) окружена здесь родителями и старшими их детьми. Фотография сделана в 1882 году, когда ей исполнилось 12 лет.

Бабушка с дедушкой поженились в 1891 году. Об этом свидетельствует надпись на обороте соседней фотографии.

Снимок, помещенный на третьей странице, – это единственное изображение моей героини. Она запечатлена в 1914 году в один из редких ее наездов в Шуши. Надежда Саркисовна, облаченная для колорита в национальную одежду, сидит слева от своей матери Айян, а та держит на коленях младшенькую из пяти внуков и внучек – мою маму Изабеллу Львовну (1912–1970). У мамы было две старшие сестры – Нина Львовна (1892–1978) и Елена Львовна (1896–1967) и два старших брата: Гевонд Левонович (1900–1961) и Саркис Левонович (1902–1972).

После шушинских погромов 1920 года семья бежала в Тифлис. Именно там, на похоронах моей бабушки (она скончалась пятидесяти пяти лет от воспаления легких), и сделана в 1925 году большая групповая фотография. На переднем плане крайний слева – Тигран Семенович Ахумян, третий муж Нины Львовны, моей тети. Рядом стоят мама, чуть позади Елена Львовна, затем Нина Львовна, прабабушка Айян, Гевонд Левонович и Саркис Левонович. Их окружают другие шушинцы: брат покойной Петрос Кафиев, ее двоюродные сестры Арусяк Мелкумова и Майко Юзбашева. Последняя стоит в шаге от брата, специалиста по электромеханике Мкртича Юзбашева, чьи лекции мне довелось слушать будучи студентом Ереванского политехнического института. Кстати, дядя Саркис сыграл немалую роль в моей судьбе. Его репрессировали, о нем не было ни слуху, ни духу, а я, словно по заказу, появился на свет в 1939 году в день его рождения, 13 июня, и мама нарекла меня его именем. А за Саркисом на снимке виден Симон Пирумов, отец ныне здравствующего контр-адмирала Владимира Пирумова, родившегося в 1926 году.

На четвертой странице альбома – два шакаровских дома, зимний и летний. Оба стояли в квартале Гяур-кала (*по-турецки «крепость неверных», то есть христиан*), недалеко от Летнего общественного собрания. После того как царь пожаловал прадеду дворянство, зимний дом, на первом этаже которого и практиковал знаменитый в Шуши педиатр, именовался «дворянское гнездо» – ни больше, ни меньше. А вот гости по воспоминаниям старших родичей чаще бывали в летнем доме, на широком его балконе чуть ли не каждый вечер устраивались шумные застолья. Одно из них запечатлено на соседнем снимке. В середине правого ряда – мать дважды Героя Советского Союза Нельсона Степаняна. Он родился в 1913 году. В моей книге «Я выбираю Вас»¹ описывается, как мама привела меня в ереванскую квартиру прославленного летчика и своего сверстника; это случилось в первые дни, как стало известно о его гибели в небе Балтики. Кстати, среди девяноста пяти знаменитых шушинцев, чьи фотоснимки и краткие биографии приведены в книге «Шуши. Город трагической судьбы»², я насчитал свыше двадцати моих родственников, их ближайших друзей и знакомых.

¹ Ереван, «Айагитак», 2005, с. 38–39.

² Ереван, «Амарас», 1997, с. 150–159.

Две фотографии на пятой странице альбома свидетельствуют – излюбленным времяпрепровождением Саркиса Бек-Шакарова (крайний слева на левом фото), а потом и его сына Левона (на правом фото под барабанщиком) были пикники в живописных окрестностях Шуши. На них приглашались артисты, литераторы, художники, преподаватели Шушинского реального училища. Помню, дядя Гевонд, мамин старший брат, с гордостью говорил, что выпускников этого училища принимали в Петербургский политехнический институт без экзаменов.

Я решил воспроизвести в этой книге и копии двух свидетельств Гевонда Левоновича – об окончании дополнительного класса Шушинского реального училища (в 1919 году) и о крещении (в сентябре 1916-го).

Обращаю внимание читателя, что к свидетельству об окончании реального училища, заполненному на русском языке, пришта фотография, а подлинность документа заверена сургучной печатью. Свидетельство о крещении составлено на армянском и русском языках, а на царской гербовой печати, удостоверяющей подписи члена консистории Ф. М. Апресянца и его секретаря А. Тер-Оганесяна, можно прочитать: «Карабагская Армяно-Григорианская Епархиальная Консистория». Ну, что скажете на это, азербайджанские историки? Как вы будете доказывать, что проживавшие в Шуши армяне, у которых были здесь и древние церкви, и свои училища, и гимназии, и театр, которые издавали по-армянски и по-русски свои книги и газеты, являются пришлым народом, а мусульмане – коренным?

Хотя оба шакаровских дома относились к числу тех, что зовутся «полная чаша», они никоим образом не походили на дома подлинно богатых шушинцев. Семья доктора Бек-Шакарова считалась семьей среднего достатка, не захудалой, разумеется, но и не роскошествовавшей. Из татарской части города ежедневно приходили три прислужницы. В сторожке у ворот зимнего дома жили повар и дворник, наводивший чистоту у обоих домов, тоже татары. Вообще прислугу в Шуши составляли, за редким исключением, выходцы из близлежащих татарских деревень, перебравшиеся в город в поисках заработка. Зимой, когда летний дом наглухо закрывался, шакаровские работники расходились по деревням.

В дни мартовского 1920 года погрома они первыми оказались у хозяйских ворот. Сперва вломились в зимний дом, по заранее намеченному плану поделили между собой украшавшие стены знаменитые карабахские ковры, навьючили ими и всевозможной утварью, а потом, разграбив подчистую летний дом, подожгли оба.

На последнем фото – развалины зимнего дома, на пепелище которого старый архитектор и нашел дневник, с которым и связаны последующие страницы повести.

Копия свидетельства 1

Копия свидетельства 2 **ЕЕ НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ**

В Петербурге Надежда без всякой раскачки взялась за дело. Ее привезли сюда учиться, значит, надо учиться. После занятий на провизорских курсах она спешила в Публичную библиотеку, заказывала названную лекторами литературу, конспектировала. Там-то, в Публичной библиотеке, она и познакомилась с молодым человеком, и это знакомство в корне разрушило надежды, которые связывал с дочерью Саркис Бек-Шакаров. В дневнике девушки появилась очередная запись:

18 декабря 1888 года.

Вчера получила письмо из дома. Папа пишет, что в издавна заведенном у нас в семье обеденном ритуале кое-что поменялось – теперь наши каждый день пьют за мое здоровье и скорейшее возвращение в Шуши. Даже не знаю, как сообщить им, что мои прежние планы трещат по швам, а предстоящее Рождество я проведу в Костроме.

С тех пор как Алёша признался мне в любви и попросил руки и сердца, я места себе не нахожу. Которую уже ночь глаз не могу сомкнуть, довожу себя до головной боли, бесконечно раздумывая, что с нами будет. Порываюсь откровенно написать родителям, но наперед знаю, что при их суровости и трезвости они будут против нашего с Алешей брака. Ведь я ломаю и семейные традиции, и национальные обычаи, и церковные каноны. Я армянка, он русский, я григорианка, он православный. И это еще не всё. Ведь я на два года моложе брата, но вступаю в брак раньше. У нас это не принято. Наконец, мне предстоит первой из Шакарянов навсегда покинуть не только родительский дом, но и, скорее всего, родину.

Ничто не предвещало такой бури. После лекций я приходила в библиотеку и корпела над конспектами. Примерно через неделю заметила в читальном зале молодого блондина в студенческой форме, симпатичного, даже красивого. Он расположился в том же ряду, в двух столах от меня. Молодой человек очень непринужденно подходил к стойке и, прежде чем забрать книги, подолгу беседовал с женщиной-библиографом, делал ей комплименты, рассказывал анекдоты и, что скрывать, произвел на меня впечатление своей живостью и непосредственностью. Но когда наши взгляды случайно (ну, не совсем случайно)

встречались, я замечала в глазах этого веселого юноши строгость, а может, и какую-то затаенную тоску.

Вскоре молодой человек перешел к решительным действиям. Отчетливо помню морозный зимний день с ярким солнцем на блекло-голубом небе; я вышла из библиотеки и направилась к бакалейной лавке, надо было купить кое-что к чаю. Прошла несколько шагов, он тут как тут – подбегает, на ходу застегивая студенческую шинель. Я ничуть не удивилась, услышав за спиной его голос.

– Позвольте с вами познакомиться. Вы, наверное, заметили, я давно за вами наблюдаю. Меня зовут Алексей Иванович, просто Алексей, – без церемоний, чтобы не сказать бесцеремонно, представился он.

– Надежда Саркисовна, – не сразу ответила я. – Да, я вас заметила. Вы в читальном зале единственный молодой мужчина.

– Саркисовна? Вы, стало быть, армянка. Так-так. А можно ли звать вас Наденькой? – Я рта не успела открыть, как он удовлетворенно кивнул: – Вот и чудесно. А знаете ли вы, Наденька, что Публичная библиотека, где я имел честь впервые вас увидеть, построена в 1796–1801 годах? Наверняка не знаете. Вам тем более невдомек, что второй корпус, обращенный фасадом к Екатерининскому скверу, возведен в 1828–1834 годах. И вы, любезная Наденька, вне всякого сомнения, не имеете понятия, мимо чьих скульптурных фигур мы сейчас проходим. А ведь это великие античные философы, ученые, писатели.

Алексей тараторил так напористо и с такой обезоруживающей улыбкой, что у меня не было ни времени, ни повода обижаться. Между тем он и не думал умолкать.

– Однажды, когда вы вышли из читального зала, я имел нахальство посмотреть, какие книги всецело поглощают ваше внимание. И понял, что моя будущая супруга намерена стать провизором...

Я прямо-таки задохнулась – будущая супруга! Но не возмутилась, вот что примечательно. Заметив мое замешательство, Алексей продолжил свой неудержимый монолог:

– Я выбрал профессию математика, но с детства увлекаюсь шахматами и историей, вернее, поучительными историями. Хотите, расскажу вам кое-что, чтобы внести ясность относительно моих намерений? Итак, слушайте внимательно.

Мы прервем здесь чтение дневника и своими словами изложим то, что Надежда Шакарян услышала от новоявленного жениха.

История первая, в которой рассказывается о роли женщины в деятельности разведывательных служб

Из Библии мы знаем, как царь филистимлян подослал красавицу Далилу к могучему воителю Самсону. Она соблазнила его. Истомленный любовными ласками, простодушный великан уснул, а коварная Далила срезала его волосы, в которых и таилась божественная сила героя. Филистимляне ослепили его и заковали в цепи. Дошла до нас и сумма гонорара, полученного первой из известных женщин-шпионок, – 1100 сиклей серебра.

С той поры на мировой арене демонстрировали свои чары сонмы коварных прелестниц и вероломных обольстительниц, но мало кто из них остался в людской памяти. Екатерина Медичи сформировала из титулованных куртизанок пресловутый «летучий эскадрон», участницы которого были готовы в любой миг отправиться в указанное место и пробраться в постель к указанной персоне. Виртуозно владея искусством развязывать языки, они не только выведывали всяческие секреты, но и выкрадывали важные документы. При необходимости предприимчивые дамочки прибегали и к яду. Верхом ловкости считалось разрезать персик отравленным с одной стороны лезвием. Дама как ни в чем не бывало съедала свою половинку, а кавалер через минуту корчился в предсмертных судорогах.

Тайны, добытые в алькове, порой решали судьбы сражений, тронов, а то и государств. Скажем, французскому королю Людовику XIV удалось подsunуть своему британскому сопернику Карлу II, известному женолюбу, изобретательную Луизу де Керуэль. Она не ограничивалась вульгарным интриганством и соглядатайством. Луиза постаралась и завела от короля ребенка. И превосходным образом манипулировала бездетным монархом! За свою службу прекрасная (во всех смыслах!) шпионка удостоилась неслыханных почестей и вознаграждений, причем с обеих сторон. Карл II пожаловал возлюбленной титул герцогини Портсмутской и назначил 27 тысяч фунтов ежегодного содержания, а «король-солнце» сделал ее герцогиней д'Обиньи.

Даже алмазы чистой воды, чтобы засиять во всей красе, нуждаются в надлежащей огранке. Такие звезды, как лазутчица кардинала Ришелье миледи Винтер, вспыхивают раз в столетие. Физиология и впрямь правит балом, всё живое – куда денешься? – подвластно «основному инстинкту». Но чтобы управлять инстинктом, требуется научная основа и выучка. Подвести под женский шпионаж научную базу попытался еще сэр Френсис Уолсингем, современник Шекспира и руководитель королевской секретной службы, по праву называемый «отцом разведки». Справедливо полагая, что мужчина может стать такой же «медовой ловушкой» для женщин, как и женщина для мужчин, он разослал привлекательных и хорошо подготовленных юношей по европейским университетам. Обучаясь наукам у лучших профессоров – это тоже шло на пользу дела, – они не забывали охотиться на жен влиятельных вельмож и военачальников. Изысканные молодые люди умели уговорить скучающую даму, тем паче не первой молодости, заглянуть в секретер мужа.

Игра стоила свеч. Успехам в морских сражениях Англия во многом обязана пикантным приключениям своих школяров: адмиралам Елизаветы были заранее известны маршруты испанских кораблей и когда они выходят из порта.

История вторая, посвященная эпизоду из жизни графа Калиостро

Декабрьским днем 1777 года дорожная карета с лакеями на запятках остановилась возле дома № 4 на Уэркоум-стрит в Лондоне. В пустующий особняк, принадлежавший некоей миссис Джулиэтт, въехал новый постоялец, граф Александр Калиостро с супругой. Этот итальянский полковник состоял согласно имевшимся у него документам на испанской службе. Камердинер и лакеи графа

внесли в дом многочисленные сундуки и какие-то особенные, странной формы баулы.

Граф был смуглолицый, а по многим показаниям краснолицый мужчина средних лет, невысокого роста, но широкоплечий. Говорил на трех или четырех языках, притом на всех без исключения с иностранным акцентом. Держался важно, таинственно, значительно, напыщенно. Щеголял перстнями и табакерками, украшенными редкой величины драгоценными камнями.

В скором времени густой дым, валивший из трубы дома № 4, приобрел в глазах соседей особенное значение. Поползли слухи, что заезжий иностранец – алхимик и владеет искусством превращать неблагородные металлы в золото и серебро, увеличивать в объеме бриллианты, а равно проделывать и некоторые другие вещи, сколь чудесные, столь же полезные. Полезные чрезвычайно. Граф оборудовал себе домашнюю лабораторию. За ее плотно завешанными окнами пылала большая алхимическая печь, а вокруг все было уставлено колбами, пробирками, перегонными кубами вперемешку с каббалистическими книгами, черепами, сферами, пентаграммами и прочими аксессуарами высокоученой магии. Щеголяя бриллиантами на перстнях, граф обвиняками давал понять – они, мол, изготовлены им собственноручно. Лицам, особо отмеченным его доверием и допущенным в святая святых, он демонстрировал и само производство, извлекая из тигля – прямо-таки с пылу, с жару – готовенькие драгоценные камни.

Лондонский дебют Калиостро почему-то окружен особенно густым туманом. Повествования об этом отрезке его карьеры вращаются вокруг двух сюжетных осей: во-первых, драгоценных камней и металлов и, во-вторых, лотереи. Графу будто бы заранее удавалось угадывать выигрышные номера лотереи, каковые он благоволил сообщать приближенным к нему или просто случившимся около людям. Сам Калиостро представлял дело таким образом, будто толпившиеся вокруг него корыстолюбцы только мешали его алхимическим и каббалистическим изысканиям, поскольку слезно умоляли обращаться к сугубо практической их стороне. Достоверно во всех этих историях одно – они окончились целым рядом судебных разбирательств. Обвиненный в магии, колдовстве и мошенничестве, Калиостро ухитрился выйти сухим из воды, но всё же предпочел не задерживаться более в Англии.

История третья, посвященная фальшивомонетчикам

Видимо, ремесло фальшивомонетчика возникло одновременно с появлением денег. А вот средством экономической войны подделка денег стала много позже. Во всяком случае, достоверно известно, что одним из первых целенаправленно применил фальшивки прусский король Фридрих II Великий. Случилось это в середине XVIII века – века Просвещения. Во время войны с Саксонией он велел пустить в оборот обесцененные монеты. Если раньше из одной марки серебра выделывали 14 талеров, то теперь – 18, а то и все 20, причем ставили на них довоенные даты: 1753 и 1754. Таким способом августейший фальшивомонетчик собирался обеспечить содержание своей армии на оккупированной ею территории противника. Этот прием Фридрих II применил и против Польши, чтобы не допустить в этой стране подъема промышленности.

Словом, пруссаки разом убивали двух зайцев: кормили солдат и подрывали финансовую систему неприятеля.

Пример оказался заразительным, и во время войны с революционной Францией им поспешил воспользоваться премьер-министр Англии У. Питт. Францию наводнили поддельные банкноты и монеты. Скорее всего, тогда и родилась легенда о вездесущем «золоте Питта», с помощью которого снаряжали контрреволюционеров и заговорщиков-роялистов. Опытом тайных финансовых операций воспользовался в начале XIX века император Наполеон Бонапарт. По его приказу в Монруже, предместье Парижа, устроили секретную фабрику, где подделывали государственные казначейские билеты Венского банка. Однако массовому производству фальшивок помешало неожиданное обстоятельство – в апреле 1810 года Наполеон женился на дочери австрийского императора Марии-Луизе и немедленно прекратил выпуск фальсификатов. Однако казенные фальшивомонетчики недолго оставались без работы. Пока Наполеон и русский император Александр I уверяли друг друга в неизменной и вечной дружбе, на фабрике в Монруже тайно изготавливались русские ассигнации. Накануне вторжения Великой армии в Россию эту фабрику перевели в Варшаву, а после – в Вильно. Осенью 1812 года ее филиал заработал в подмосковном селе Преображенском. Французы специализировались на ассигнациях достоинством 25 и 50 рублей, делали их весьма тщательно, но накладок так и не избежали. В частности, на некоторых купюрах в словах «государственная» и «ходячий» вместо буквы «д» печатали «л» – из-за непривычки к кириллице... После войны России пришлось изымать фальшивки из обращения, их оказалось ни много ни мало – на 70 миллионов рублей.

Вот как Надежда отреагировала в дневнике на услышанное (запись не датирована):

Я забыла про бакалейную лавку и, пока молодой человек провожал меня до дому, выслушивала его рассказы. Голова шла кругом, я никак не могла взять в толк, что за связь между шпионками, алхимиком и фальшивомонетчиками. И при чем тут пусть и не прямое, но весьма прозрачное предложение выйти замуж? Все это казалось необъяснимым. А надо было еще придумать, что сказать моему провожатому при расставании. Увы, нужных слов я не нашла и решила – будь что будет! – отдать инициативу в его руки.

Мы подошли к подъезду. Алексей сказал, что поведал мне лишь малую толику того, что вычитал в разных источниках. Завтра пообещал продолжить и поставил меня в тупик – зачем? Это что, новый способ убедить девушку в своей неординарности, разбередить ее сердце?

Разумеется, у меня и в Шуши были кавалеры. Иногда подруги шептали мне на ушко, будто родители собираются выдать меня замуж и породниться тем самым с одним уважаемым шушинским семейством. Но всё тем и ограничивалось – разговорами, слухами. Сегодня же я поняла, что никогда и никого не хотела так видеть, как Алексея. Мне хочется говорить с ним или просто слушать его нелепые рассказы про авантюристов. Я была бы не против, обними он меня, попробуй

поцеловать. Однако тактичный математик даже не позволил себе взять меня за руку и вел себя по-рыцарски сдержанно и корректно.

При знакомстве с Надеждой Алексей Иванович Шаров строго придерживался легенды, придуманной для него в царской шифровальной службе и позволявшей скрыть от окружающих и семьи свою истинную профессию. Еще в детстве он серьезно и страстно увлекся шахматами. После гимназии поступил на механико-математический факультет Петербургского университета и стал уделять шахматам еще больше времени: играл в турнирах, изучал теорию. Завсегдатай кафе «Доменик», он сблизился с одним из лучших петербургских шахматистов Шифферсом, и тот пригласил его поехать в качестве секунданта на крупный международный турнир. Турнир, организованный Германским шахматным союзом, состоялся в 1887 году во Франкфурте-на-Майне.

Побывав на турнире, Шаров ясно понял, что вряд ли ему удастся пробиться в когорту по-настоящему сильных игроков. Шахматная карьера – не для него. Надо было приложить свои способности в другой области. Тут-то его и пригласили в цифирное отделение Министерства иностранных дел. Предложение показалось ему небезынтересным и, главное, перспективным, и он решил совмещать службу с университетом. Это было тем легче, что Шаров учился на последнем курсе. В своей дипломной работе он обратился к новой сфере деятельности. Речь шла о том, что используемые в практике министерства буквенно-слоговые разнозначные таблицы замены обладают невысокой криптографической стойкостью. Вероятно, поэтому срок действия таких шифров определялся всего полугодом, их раскрывали на материале в несколько десятков знаков. Алексей раскритиковал и алфавитные коды объемом в несколько тысяч словарных величин. Даже при соблюдении всех правил и предосторожностей такие коды не обладали высокой стойкостью.

По понятным причинам защита дипломной работы носила закрытый характер. А год спустя молодому математику предложили должность шифровальщика в посольстве России в Великобритании. При этом выдвинули непереносимое условие – жениться на некоей инородке с юга империи, которая готовится стать провизором и ежедневно посещает Публичную библиотеку. На закономерный и краткий вопрос: «Почему именно на ней?» – последовал не менее краткий ответ: «Потому что работать в основном придется на юге России. Ну и за границей тоже».

Из этого разговора вытекал один существенный для Шарова вывод: согласившись работать в разведке, он перестал быть хозяином своей судьбы. Прикинув, однако, все плюсы и минусы, молодой человек решил, что, пожалуй, игра стоит свеч. И согласился.

Ну а Надежда, как она-то попала в поле зрения тайных инстанций? Смело предположить: узнав о новоявленном дворянине и его планах выучить дочь на провизора, соответствующие службы сочли целесообразным использовать Надежду в иной области. Такой, какая бедному ее отцу и во сне бы не привиделась.

ПОЕЗДКА В КОСТРОМУ

22 декабря 1888 года.

Уже три недели мы с Алексеем ежедневно видимся. Зато я перестала бывать у Арустамовых. И вот, обеспокоенная моим исчезновением, у меня в доме появилась Анаит. Это случилось как раз накануне нашего отъезда в Кострому. Пока я бормотала что-то невразумительное, она воскликнула: «Неужто влюбилась? – И, не дожидаясь ответа, спросила: – Кто он?»

Пришлось открыться и взять с Анаит слово: без моего разрешения ничего не сообщать в Шуши – ни родителям, ни знакомым. Город маленький, узнает один, узнают все.

Что же до Костромы... Я взяла у Алеши ревани. Он удивил меня своими рассказами об авантюристах, а я поведала ему любопытные сведения из древней истории его родного города; как я и предполагала, у моего математика были о ней весьма расплывчатые представления. Завидев его в очередной раз в читальном зале, я не дала ему опомниться и поразила вопросом:

– Ну-с, юноша, кто и когда основал город, из которого вы изволили приехать? Ах, не знаете... А если подумать? Всё равно не знаете. Стыдно. Очень стыдно. Так и быть, пожалею вас и скажу. Мотайте на ус: Кострому в 1152 году основал Юрий Долгорукий. Запомните? Надеюсь. А первое упоминание о ней встречается в летописях, относимых к 1213 году. Может быть, вы хотя бы знаете, откуда взялось это название – Кострома?

Алексей ошеломленно смотрел на меня.

– Да вы просто невежда! Костромой звали соломенную куклу. Девушки водили с ней в летнее время хороводы, пели при этом обрядовые песни, а потом или топили в реке, или сжигали на костре. Праздник похорон костромы был одним из главных в цикле летних народных гуляний. Предполагают, что под видом похорон этого соломенного чучела народ сохранял языческий обычай весеннего жертвоприношения. Церковь жестоко преследовали подобные игрища. Но, несмотря на все запреты, праздники в честь славянских божеств отмечались в Костроме и некоторых близлежащих городах до конца XVIII века.

– Да откуда ты всё это знаешь?

– Я-то знаю, а вы, господин математик, блистаете невежеством. Александр Сергеевич Пушкин сказал: «Мы ленивы и нелюбопытны». Это про вас.

– Хватит, говори, где вычитала?

– Что, стыдно? Я прочла всё это в книге князя Александра Козловского «Взгляд на историю Костромы». Книга издана в 1840 году.

– Ну-ну. А мне-то казалось, Кострому основали после монголо-татарского нашествия.

– Эх ты, историк! С этого времени она стала городом в полном смысле слова.

– А что насчёт перекрёстка торговых путей? Что-то я слышал об этом.

– Плохо слушал. Перевалочным пунктом на дороге из Архангельска в Москву был Ярославль. Его процветание благотворно сказалось и на соседней Костроме. Потом она стала первым на верхней Волге городом, где селились не только русские, но и иностранные торговцы. Твоя родина особенно славилась когда-то мыловаренным, полотняным и кожевенным промыслами. Развитие экономики повлекло за собой и развитие города, превратив его в один из центров русской культуры.

Алексей был сражен.

Прежде чем продолжить знакомство с дневником, я вкратце перескажу историю семьи Алексея Шарова. Сведения о ней отрывочно встречаются в дневнике Надежды. Попробую свести их воедино.

В пригородной слободе Костромы с незамысловатым названием Ямская находился мыловаренный «Завод братьев Соколовых». При заводе, на котором работал отец Алексея, стоял дом, где мальчик и родился.

Годы, когда отца пригласили на завод, были самыми спокойными в жизни семьи. Шаров-старший не получил ни среднего, ни высшего образования, но считался блестящим химиком-практиком, настоящим мастером своего дела и владел особыми секретами мыловарения и очистки растительных масел. Его ценили и знали, владельцы других мыловаренных заводов наперебой зазывали его к себе. До Костромы отец Алексея работал в Ярославле.

Много тяжких испытаний и горьких неудач выпало на его долю, прежде чем он овладел мастерством и добился признания. Работая у братьев Соколовых, Иван Шаров с самого начала не чувствовал за собой недоверчивого пригляда, так называемой хозяйской руки. Был он молод, здоров, полон сил и надежд. И в более поздние годы Алексей помнил и навсегда запомнил его сильным, широкоплечим, жизнерадостным. Его густые, черные, блестящие волосы – он зачесывал их назад – ни за что не хотели поддаваться седине.

Жена Ивана никогда не отличалась крепким здоровьем. Первые годы замужества были веселыми и беззаботными, затем ее почему-то уже не покидала тревога о будущем детей – Алеши и двух его младших сестреноч. Нынешнее благополучие семьи казалось ей зыбким и неустойчивым. Оттого-то, должно быть, она и постарела, поблекла гораздо раньше мужа, хоть и была много моложе. Ее синие, пристальные, глубоко сидящие глаза смотрели на мир открыто и немного удивленно. Приподнятые и чуть сведенные к переносице брови придавали ее взгляду оттенок настороженности, напряженного внимания.

Круг костромских знакомых у Шаровых был обширен. Солидные семейные пары изредка приезжали к ним из города навестить, отдохнуть и посидеть за

столом. В таких случаях обеды продолжались дольше обычного, а детей кормили отдельно. Алексей признавался, что недолго любил эти дни. Ради гостей приходилось облачаться в праздничный костюм, а в нем не заберешься под кровать, если туда закатится мяч, не спрячешься за большим сундуком в передней. Правда, гости привозили ему и сестрам конфеты, а иной раз игрушки, зато без конца приставали с дурацкими вопросами: сколько тебе лет, обижаешь ли ты сестренку и кого больше любишь, папу или маму...

Алексей редко бывал «хорошим мальчиком». В раннем детстве он и ходить нормально не ходил, а только бегал, и все хрупкие, бьющиеся вещи, как назло, сами подворачивались ему под руки и под ноги.

Когда третьего дня мы приехали в его дом, эта первая и в своем роде единственная встреча запомнилась мне на всю жизнь. Особенно запечатлелось в памяти красивое лимонное дерево, радовавшее хозяев круглогодичным цветением и крупными плодами. Проследив за моим взглядом, Нина Терентьевна заметила, что главное – заботиться о деревце, не обделять его вниманием, и оно воздаст человеку сторицей. А Иван Григорьевич многозначительно добавил, косясь на сына:

– Так и любовь в семье. Береги ее, дорожи ею, она и не завянет, не растеряется по листочку, не останется в прошлом, а будет крепнуть год от году.

Атмосфера в доме была такой дружелюбной и теплой, что я сразу почувствовала себя здесь своей. Родители и сестры Алеши приняли меня так, будто я всегда жила с ними. На завтра Алешина мать подарила мне ко дню рождения роскошный оренбургский платок. Откуда она про него – день рождения, а не платок – узнала, я ума не приложу, Алеше я вроде бы ничего не говорила. По этому случаю накрыли праздничный стол. Жених сиял от счастья. В общем, через некоторое время меня раз и навсегда покинуло чувство вины, подспудно возникшее еще в Петербурге, когда я поняла из наших разговоров, что на два года старше Алеши.

Далее в дневнике располагались две довольно толстые стопки непонятным образом спекшихся листков. Как и те, что я без особых сложностей прочел, они были обуглены по краям, однако посредине шел уже совершенно нечитабельный текст. Эти странные стопки разделяли страницы из дневника, почему-то не тронутые огнем, целые и невредимые. Все мои попытки разъединить спекшиеся листки, разложить их по отдельности не увенчались успехом, да я и занимался этим по инерции, не видя смысла – размытые до крайности строки всё равно не поддавались чтению.

Как я догадался по первой страничке, записи делались по возвращении из Лондона, куда молодожены отправились после свадьбы и где провели более девяти лет. Успели они до зарубежной командировки побывать и в Шуши, получили благословение Надеждиных родителей. Те встретили Алексея радушно, но не без настороженности. Настороженность, однако, быстро растаяла и сменилась искренним удивлением и радостью. Жених дочери поразил их своими познаниями в истории Карабаха, Шуши в частности. Он не любил оставаться в долгу.

Посвященная Костроме короткая, но эффектная лекция возымела действие. Алексей раскопал в Архиве внешней политики России письма, петиции, прочие документы карабахских меликов и военачальников, основательно их проштудировал и преподнес невесте и ее родне не менее впечатляющий сюрприз.

– Ну, мы квиты? – спросил он торжествующе.

– Квиты, квиты, – захлопала в ладоши Надежда. – Ты молодец.

Об истории родного Карабаха считал своим долгом рассказывать детям и брат Надежды, мой дед Левон Саркисович Шакарян. Он, разумеется, присутствовал на помолвке своей младшей сестры, и урок, невольно преподанный ему будущим зятем, пошел впрок. Достигая совершеннолетия, дети Левона Шакаряна хорошо знали край, где они родились и выросли, знали его прошлое, его памятники, знаменитых своих земляков. Это вошло в традицию, и традиция сохранилась до дней моей юности, не прервалась и позже. Не было ни одного семейного застолья, чтобы, собравшись вместе, многочисленные родственники мамы не вспоминали о городе своего детства и отрочества. Они рассказывали и пересказывали судьбоносные эпизоды его истории, поминали добрым словом карабахских героев. И нет-нет да и всплывало в этих разговорах уже полуполюгендарное имя Алексея Шарова, русского зятя Шакарянов.

– Парень был не промах, знал, чем расположить к себе карабахцев и как получить их благословение!

ИСТОРИЯ ШУШИ

Прежде чем излагать историю Шуши, остановлюсь на сведениях, подтверждающих «армянские корни» этого края.

В письменных источниках Нагорный Карабах (древнеармянское название – [Арцах](#)) впервые упоминается у древнегреческого историка и географа [Страбона](#), который характеризует его как «область Армении, выставляющую наибольшее количество всадников».

В начале I в. до н. э. Арцах безусловно входил в состав Армении, о чём свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. В частности, [Тигран Великий](#) основал близ нынешнего [Агдама Тигранакерт](#) – один из четырёх, включая тогдашнюю столицу страны, одноимённых городов. Среди развалин этого недавно обнаруженного города армянские археологи раскопали остатки цитадели, христианской базилики V–VI веков, сотни предметов, аналогичных тем, что были найдены прежде в Армении. Арцахский Тигранакерт просуществовал до XIII–XIV веков.

В трудах таких авторов, как [Мовсес Хоренаци](#), [Фавстос Бузанд](#), [Анания Ширакаци](#), ничто не свидетельствует, что до 387 года Арцах принадлежал какому-то ещё государству, кроме Армении. Так, согласно «Описанию земли» [Анании Ширакаци](#) (VII век) этот край числится 10-й провинцией Великой Армении и разделён на 12 округов.

В начале IV века первый армянский католикос св. Григорий Просветитель основал в Арцахе монастырь [Амарас](#) – один из главных духовных очагов Армении. В этом монастыре нашёл упокоение и другой святой, убитый язычниками епископ Григорис, внук Просветителя. Продолжать армянское «родословие» Арцаха можно до бесконечности. Как солнце восходит на востоке, так и Арцах издревле принадлежит армянам. Поэтому перехожу к истории родины моих предков – Шуши.

Первым делом я постарался выяснить, откуда взялось это название. Оказалось, оно произошло от слова «шош», означающего на карабахском диалекте молодое стройное дерево (шоши цар): в былые времена окрестности города-крепости сплошь покрывали леса.

Плато, на котором расположен город, имеет изрезанный рельеф и занимает около 350 гектаров. Его возвышенная юго-западная часть плавно переходит в

низменную северо-восточную часть и круто обрывается над ущельем Хунот. Западная часть города походила на громадный амфитеатр и возвышалась над восточной равниной, что в значительной степени повлияло на характер застройки, живописность обзора и стратегическое значение. Недаром один армянский полководец когда-то заметил: кто владеет Шуши, тот владеет Карабахом. Оттого-то этот город и выделился, оттого и стал естественным центром края. Здесь формировалась общественно-политическая мысль карабахских армян, отсюда родом многие представители армянской научной и культурной элиты.

Средневековые историки не раз упоминали Шуши как орлиное гнездо арцахских князей и военачальников: Сахла Смбатяна (IX век), Хасана Джалаляна (XIII век), Шахназара и Авана (XVII–XVIII века).

Чтобы противостоять мусульманским набегам, карабахцы строили тут и там укрепленные места. Одно из них и стало крепостью Шуши. Ее оборонительные сооружения заложил в 1724 году юзбаши (сотник) Аван. 15 ноября 1726 года командир пришедших в Закавказье русских полков был извещен: османы «со своей армией напали на Шуши – крепость Авана-юзбаши и Огана-юзбаши. Захватили половину скалы, но больше пройти не смогли». В Архиве внешней политики России Алексей наткнулся на письмо, направленное в Петербург 19 декабря 1726 года генералом М. А. Матюшкиным, и прочел: «Сотник Аван, внимая просьбам населения Карабаха, своими людьми числом в 10 тысяч не идет в Гилан. Он остается и строит крепость».

Строительные работы продолжались и позднее. Как они протекали в 1750–1752 годах, подробно описал дьякон Акоп Шушенци (Шушинский): было воздвигнуто сооружение с крепостными стенами длиной в пять тысяч локтей и пятьюдесятью башнями. Начинаясь у нависшего над пропастью скального массива на юго-западе, крепостные стены спускались по чрезвычайно крутым склонам в ущелье и соединялись на востоке с отвесным утёсом. С юга крепость полностью, а с востока и запада частично была защищена крутыми скалами; «начинания эти коснулись лишь половины крепости, а другая половина укреплена самим Богом».

В крепостных стенах имелись ворота: северо-восточные (Джрабердские), юго-западные (Ереванские), южные (Амарасские), восточные (Мхитарашенские). Через первые и вторые проходили торговые караваны, двое других считались подсобными и кратчайшим путем связывали город с карабахскими селениями.

Как и во всех сооружениях средневекового Арцаха, здесь тоже выдолбили в скалах потайную лестницу; от юго-западных ворот она тянулась к ущелью Хунот. (Именно по ней спаслись в 1920 году от погромов многочисленные потомки Саркиса Бек-Шакарова.) Как только городские стены укрепили, Шуши начал ускоренно заселяться крестьянами и ремесленниками из Карабаха, Сюника, Нахичевана, причем главную роль играли земляческие связи. Переселенцы называли новые свои кварталы именами селений и областей, откуда они пришли: Казанчецоц, Агулецоц, Мегрецоц, Карабахцоц...

Перебрались в Шуши и некоторые кочевые мусульманские племена. Персидский шах [Надир](#) поселил эти племена в [Хорасане](#), но после его смерти кочевники устремились в Карабах. Племя сариджалл во главе с Панахали-ханом – едва ли не первые чужеземцы, которые в середине XVIII века почти случайно, в силу сложившихся политических обстоятельств, объявились в этих краях. Панах

спасался от преследований в Иране, где был осужден на смерть, арцахский же мелик (владетельный князь) Шахназар враждовал в это время с другими меликами. И вот либо по глупости, либо для усиления своих позиций Шахназар предоставил беглецу убежище в своих владениях. Пришельцы быстро освоились, и неглупый Панах смекнул, какие выгоды сулит ему междоусобица армянских владетелей. Как только Надир-шах умер, он провозгласил себя ханом Карабаха; новый шах Адиль утвердил его в этом качестве. Так Шуши стала столицей Панахова [ханства](#). Предательство мелика Шахназара навлекло на коренных обитателей Карабаха неисчислимые беды. Они оказались под ярмом кочевников, предводители которых и вправду выбрались «из грязи в князи». Вскоре Закавказье перешло к России. Не очень ориентируясь в этнической принадлежности тамошних мусульман, русские называли их то «кавказскими татарами», то «кавказскими турками». Бакинские историографы величают ныне перса Панах-хана не иначе, как «известным азербайджанским полководцем и государственным деятелем». Откуда, любопытно знать, взялся азербайджанский государственный деятель, если до 1918 года никто слыхом не слышал о таком государстве – Азербайджан?

А теперь обратимся к хронологическому указателю событий; автор позаимствовал его из Приложения I к «Кавказскому календарю на 1898 год». Здесь ясно сказано, что в 1718 году карабахские армяне-землевладельцы (мелики) обратились к Петру Великому с просьбой о российском подданстве, хотя получили его, с подвластным им армянским населением в числе 11 тысяч семейств, только в 1798 году.

Проследим за ходом событий по выпискам из архивных документов, сделанным перед поездкой в Карабах Алексеем Шаровым.

10 ноября 1724 года Петр I издал указ, где, в частности, говорится: «Честнейшему патриарху Исаяю и честнейшим юзбашам Авану и Мирзе, и всем прочим юзбашам и управителям, и всему честному армянскому народу наша императорская милость и поздравление...» Не исключено, кстати, что и эта дата указана в «Кавказском дневнике» ошибочно: вряд ли император ждал бы целых шесть лет, чтобы ответить на послание меликов.

Через полтора года, 22 февраля 1726-го, с посланием к карабахским армянам обратилась и Екатерина I: «Честнейшим патриархам Есаи и Нерсесу, честнейшим владельцу Ягану и юзбаше Авану и всем прочим честным юзбашам и управителям и всему честному армянскому народу наша императорская милость и поздравление...»

30 июня 1768 года новая императрица Екатерина II также направила послание патриарху Симеону и «всем прочим честным юзбашам и управителям и всему армянскому народу». Она подтвердила позицию своих предшественников: «Как и наши высокие предки, достойные блаженной памяти и вечной славной памяти их величества государь-император Петр Великий и государыня-императрица Екатерина Алексеевна, выразившие свое особое благосклонное отношение к христианскому армянскому народу в своих грамотах в 1724 и 1726 годах... мы в продолжение этих заветов наших предков обещаем окружить нашей царской милостью и благоволением честнейшего патриарха Симеона, так и будущих преемников его патриаршего престола, а также юзбашей и управителей и весь честный армянский народ...»

2 июня 1809 года к карабахцам обратился Павел I: «Державной и знаменитой Карабахской области благородным меликам Джемшиду Шахназарову, владельцу Варандинскому, и Фридону Беглярову, владельцу Гулистанскому, и всем прочим этой знаменитой области владельным меликам и юзбашам и всему народу их наша императорская милость и благоволение...»

Исторические документы, которые внимательно просмотрел Алексей, привели его к твёрдому выводу. В течение всего XVIII века карабахцы настойчиво стремились отпасть от Персии и присоединиться к России. Это стремление возникло давно, хотя зависимость пяти карабахских меликств от Персии временами казалась условной, их положение было по сути полунезависимым. Однако с приходом к власти Панаха необременительная зависимость превратилась в иновёрный гнёт. А что же Россия? Она не раз обещала восстановить Армянское царство и включить в него Карабах. И всё же долгое время ничего для этого не делалось. Но кое-какие планы строились. Так, фаворит Екатерины II граф Григорий Потемкин даже предложил поставить во главе воссозданного царства либо княжества кого-то из карабахских меликов и распространить его власть на всю Армению. Другими словами, в Карабахе с центром в Шуши русские видели ядро восстанавливающейся армянской государственности.

Получив согласие Екатерины II, Потёмкин 6 апреля 1783 года приказал: «Шушинского хана Ибрагима свергнуть должно, ибо после сего Карабах составит армянский независимый.... край. Вы тут употребите все старания, чтобы новая сия область устроилась наивыгоднейшим образом для народа». Далее последовали пояснения, каким образом Карабахскую область, «которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному и чрез то возобновить в Азии христианское государство, сходственное высочайшим вашего императорского величества обещаниям, данным чрез меня армянским меликам».

Однако благие пожелания не исполнились. И после того, как истерзанный Карабах в 1813 году вошёл в состав России, разговоры об Армянском царстве прекратились.

Архивные разыскания и находки Алексея стали для родственников Надежды откровением. Им ничего не оставалось, как в свою очередь поведать будущему зятю о героической борьбе карабахцев – и шушинцев, конечно, в частности – против персидского насилия. По обрывочным историческим сведениям, которые из уст в уста передавались от старшего поколения младшему, они восстанавливали картину этой борьбы.

Кто-то вспомнил, что в 1793 году персидская армия под командованием Сулеймана Шахзадака дошла до Шуши, осадила его, но армяне оборонялись изо всех сил, и персы отступили с большими потерями. В 1795 году на Шуши напал Ага-Мухаммед-хан. Численность его армии достигала 100 тысяч человек. Осада продлилась больше месяца; персам так и не удалось одолеть защитников города.

Весной 1797 года Ага-Мухаммед все же добился своего – завладел крепостью и жестоко расправился с армянами. Тогдашний шушинский хан Ибрагим, сменивший Панаха, со своим окружением и гаремом скрылся в Дагестане. Но ему повезло. Ага-Мухаммед погиб от руки своего слуги. Узнав об этом, Ибрагим возвратился в Шуши, а через восемь лет заключил с Россией «договор о подданстве». Однако не прошло и года, как персы предприняли новый поход. В

июне 1805 года более чем 40-тысячная персидская армия, опустошая армянские селения и монастыри, ворвалась в Каркарскую долину. Взять Шуши и перебить засевший там русский гарнизон – такова была их цель.

О подробностях этого похода и последовавших за ним событиях рассказал двоюродный брат Надежды, публицист Амбарцум Аракелян (1855–1918). Ибрагим-хан изменил заверениям и обещаниям, отказался от российского подданства и попытался присоединиться к персам. Вот как подтвердил это впоследствии главнокомандующий русскими войсками на Кавказе князь Павел Дмитриевич Цицианов: «Ибрагим-хан "ласкался" с Баба-ханом и через своего брата Мамад Хасан-агу просил шаха простить его за вступление в подданство России и прислать в Карабах персидские войска, чтобы изгнать оттуда русских. Чтобы вымолить себе прощение, Ибрагим-хан обещал сдать персам Шушу и выдать стоявший там русский отряд Лисаневича».

В чрезвычайно трудной для русских войск ситуации князь Цицианов обратился за помощью к армянам Карабаха: «Вспомните свою прежнюю храбрость, будьте готовы к победам и покажите, что вы теперь те же храбрые карабахские армяне, как были прежде – страхом для персидской конницы». Его призыв был услышан правителем врандинского меликства Джумшидом, сыном того самого Шахназара, который пустил Панах-хана в Шушу. Словно искупая отцовскую вину, Джумшид привел свое войско на помощь осажденному в крепости небольшому русскому гарнизону. Ибрагим-хан попытался бежать из Шуши. Его перехватили люди Джумшида и Лисаневича. Завязалась перестрелка, и предатель был убит.

В литературе по истории Шуши встречается такое утверждение: руководствуясь какими-то политическими соображениями, русские забыли об измене Ибрагим-хана и сделали вид, что соглашение о его переходе в российское подданство продолжает действовать. Дальше больше. Новым ханом Карабаха поставили некоего Мехти-Кули-агу, и тот принял в ноябре 1806 года в Тифлисе присягу верности. Но когда в 1812 году персы в который уже раз вторглись в Карабах, новый хан пошёл по стопам предшественника и дал добро, чтобы его сын и внук переметнулись к единоверцам.

После Гюлистанского мирного договора Карабах отошёл к Российской империи. Доставшиеся в наследство от Персии ханства стали политическим анахронизмом и мешали нормальному развитию края. Будущий наместник Кавказа генерал-лейтенант Алексей Петрович Ермолов в 1816 году побывал в Карабахе и так описал его положение: «Карабахское ханство опустошено нападениями персиян: уменьшилось население, изобиловавшее богатством, почва земли, чудесная плодородием. Народ воинственный и всегда с нашей стороны. Из сей земли со временем можно извлечь величайшие выгоды, не иначе, однако же, как введя наше управление».

Ермолов назначил местного армянина генерала Валериана Григорьевича Мадатова командующим войсками, расположенными в Карабахе, а в следующем году перевел его на должность окружного начальника Шекинского, Ширванского и Карабахского ханств, ответственного за их управление и благоустройство. В 1819 году было упразднено Шекинское ханство, через год и Шемахинское. Земля уходила из-под ног Мехти-Кули-аги и, предчувствуя свой черёд, он бежал в

Персию. Ханство наконец упразднили. Карабах стал российской провинцией с центром в Шуши.

Персия не примирилась с потерей Карабаха. В июле 1826 года наследный принц Аббас Мирза-хан вторгся с 80-тысячным войском в Зангезур и Карабах. В рядах персов был и Мехти-Кули. Небольшой шушинский гарнизон во главе с полковником Реутом при активной поддержке армян отстоял осажденный город. В первые дни осады полковник Реут переслал в Петербург обращение архимандрита Хорена, настоятеля Вардапетского монастыря, к своей пастве: «Дети Айастана, защитники Шуши! Уже тысячи лет различные враги всеми силами старались уничтожить нашу землю и наш народ. Где они, эти супостаты? Даже в сказках исчезли их имена, а Айастан живет и народ армянский существует! Это потому, что слово, данное в бою, у нас всегда было одно. Отцы и деды наши не изменили ему, не изменим и мы. Поклянемся или победить вместе с нашими русскими братьями, или вместе с ними умереть».

Осада Шуши продолжалась до 5 сентября. Когда опасность миновала, полковник Реут обратился к армянам: «Спасибо, друзья! Главнокомандующий не ошибся в вас, он не сомневается, что в трудную для нас минуту армяне придут на помощь. Я уверен, что нога кзылбашей никогда не ступит за крепостные стены Шуши. Государь-император не оставит вас и не забудет, что в трудный для России час вы стали рядом с солдатом русской армии».

О героизме шушинцев он же написал генералу Ермолову: «Относительно армян, защищавших крепость, долгом себе поставляю объяснить, что служба их достойна внимания, ибо все они действовали с отличною храбростию, выдерживали многократные приступы, отражали неприятеля с важным уроном, презирали недостаток продовольствия и никогда не помышляли о сдаче крепости, хотя бы наступил совершенный голод». В ответ Ермолов приказал: «У всех изменивших нам мусульманских беков отобрать имеющиеся в управлении их армянские деревни и жителям объявить, что они навсегда поступают в казенное управление в ознаменование признательности и непоколебимой верности их Императору».

Приехав знакомиться с родителями невесты, Алексей увидел, во что превратился Шуши за семьдесят лет спокойной жизни, избавленный от опустошительных набегов и разорений. Он очень быстро выдвинулся на третью позицию (после Тифлиса и Баку) среди городов Закавказья. За короткий срок здесь воздвигли пять церквей, открыли две библиотеки и десять учебных заведений, включая реальное училище и гимназию, пять типографий, где издавались книги и местная периодика. Идеи, заложенные в генеральные проекты города, претворились в жизнь, и Шуши покрылся сетью улиц, пересекавших его с севера на юг и с востока на запад. Очень скоро город стал не только административным, но и культурным центром края. Интенсивная застройка приумножила многовековые традиции армянского зодчества. Прогуливаясь с Надеждой по городу, Алексей отмечал то про себя, то вслух, что улицы вымощены, тротуары приподняты, бульвары украшены фонтанами, стройные храмы радуют глаз.

Гораздо позднее, в 1913 году – минуло восемь лет после первых армянских погромов – Алексей с Надеждой присутствовали на званом ужине, устроенном их

шушинскими родственниками. Тогда и сделана публикуемая ниже фотография. Рядом я помещаю чудом уцелевший снимок, запечатлевший дворника, жившего в зимнем доме Шакарян, и его родню. Сравните. Слева те, кто, как утверждают азербайджанские историки, явился сюда невесть откуда на всё готовое, слева – «коренные жители этой исконной азербайджанской земли».

Эту главу мне хочется закончить словами своего дяди Тиграна Семеновича Ахумяна; в 1914 году он пророчески записал у себя в дневнике: «Окончится война, пройдет эта пора горячая, всё постепенно уложится в свои рамки, и снова заглохнет армянский вопрос, и снова будет он предан забвению, и вновь будет литься ручьями кровь невинных жертв, и снова будет смотреть на всё это Европа холодными глазами и ничего не делает...»

Эту цитату я позаимствовал из книги Зория Балаяна «Между адом и раем», где, развивая мысль Ахумяна, он справедливо пишет: «Европа, предав забвению "Сумгаит" и "Баку", "Геташен" и "Бердазор", продолжает холодными глазами смотреть, как крохотный Карабах, истекая кровью, отстаивает свое право на жизнь».

Получилось так, что я закончил эту главу 8 мая 2007 года. На следующий день из столицы Нагорно-Карабахской Республики Степанакерта показывали репортаж о военном параде в честь пятидесятилетия освобождения Шуши и пятнадцатой годовщины карабахской армии. Не нахожу слов, чтобы выразить чувства, нахлынувшие на меня. Парад был великолепен. Меня переполняли гордость за высокоталантливых и бесконечно свободолюбивых земляков-карабахцев и благодарность им.

Репортаж окончился, и я переключил канал на Москву. Передавали торжества по случаю праздника Победы. Выступал Владимир Путин и среди прочего произнёс: «Народ, который борется за свою свободу, – непобедим». Интересно, смотрел ли военный парад в Степанакерте и слушал ли выступление своего российского коллеги вольяжно-самовлюбленный президент Азербайджана?

КОМАНДИРОВКА В АНГЛИЮ

В 1972 году я побывал в Англии. Готовясь к этой научной командировке, прочитал несколько книг по истории страны и, в частности, Ноттингема, где мне предстояло прожить шесть месяцев.

Судя по записям в дневнике Надежды, точно так же поступили мои герои. Естественно, что дневник умалчивает о криптографической подготовке супругов и о пройденных ими курсах по ускоренному изучению английского языка. Тем более не найти в дневнике следов разговора, состоявшегося у новобранцев с их кураторами. Впрочем, о нем нетрудно догадаться. Начальство предупредило супругов Шаровых о том, что в связи со спецификой их работы они будут жить на территории русского посольства; им запрещалось покидать его пределы без сопровождающего, заводить знакомства и много чего другого.

Вот как описала Надежда свои первые английские впечатления:

27 июня 1890 года.

Душным июньским полднем мы с Алешей молча стояли на верхней палубе парохода, вошедшего в устье Темзы. На нас глядели застывшие зеленые купы деревьев, стройными рядами посаженные по берегам. Перед нами раскрылся пейзаж города с почти двухтысячелетней историей, столицы одной из могущественных мировых империй.

В этот день закончилось наше заочное знакомство с Великобританией. Целый год мы с Алешей терпеливо изучали историю этой страны и мечтали увидеть наконец воочию, как возвышается над водами Темзы сказочный Биг Бен и как злоеще темнеет вдали таинственный Тауэр. Но, как говорят русские, век учись, а неученым помрешь. Если бы не коллеги Алексея, мы бы приехали в Англию неподготовленными.

К концу XIX столетия Лондон стал экономическим и политическим центром мира, с этим не поспоришь. Но не поспорить и с другим – в лондонских трущобах бедствуют многие тысячи бедняков. И все-таки поражает, какие кардинальные изменения произошли в облике английской столицы. В 1836 году здесь открылась первая железная дорога, соединившая Лондонский мост и Гринвич, а меньше чем за двадцать лет построено еще шесть вокзалов. В 1863 году в Лондоне заработал

метрополитен, первый в мире. В огромной же нашей России его доныне нет, да и будет ли когда-нибудь... А Биг Бен, Альберт-Холл, комплекс Трафальгарской площади, Тауэрский мост – всё это сооружено в нынешнем столетии. Ну и, кроме всего прочего, в Лондоне наконец-то соорудили канализацию; даже странно, что ее не было прежде. (Между прочим, в Шуши канализация появилась раньше, чем в Баку и Тифлисе, не говоря уж о Ереване.)

В 1851 году Лондон принял первую всемирную выставку. Примерно в эти же годы английская столица столкнулась с массовой иммиграцией. Особенно большим был приток переселенцев из Ирландии. В городе также образовалась большая еврейская община. Ну а русское посольство здесь открылось ещё в 1731 году.

На пристани прибывших встречали будущий министр иностранных дел, а тогда секретарь русского посольства Сергей Дмитриевич Сазонов и его двадцатидвухлетняя супруга Анна Борисовна, урожденная Нейдгарт. С первого дня между Надеждой и Анной Борисовной завязалась крепкая дружба. Они переписывались и после того, как Сергея Дмитриевича перевели на должность посланника при папе Римском. Переписка прекратилась только в 1909 году. Сазонова назначили тогда товарищем министра иностранных дел, а годом позже он стал министром. Во время Гражданской войны Сазонов возглавлял внешнеполитическое ведомство в правительствах А. И. Деникина, А. В. Колчака, а затем П. Н. Врангеля, и это предопределило участь Анны Борисовны. В 1919 году она приехала из своего конфискованного имения в Симбирск и, немедленно арестованная, провела в заключении больше года. При обыске, проведенном, разумеется, без предъявления каких-либо санкций, у нее обнаружили письма Надежды Шаровой – память о далёкой уже молодости. Сотрудники ВЧК почему-то заинтересовались этими письмами. Никакой крамолы в дружеской переписке двух молодых женщин обнаружить, понятно, не удалось. Однако через два года именно переписку с Сазоновой, дворянство отца и кое-что еще вменили Надежде в вину при ее аресте. Произошёл он в Тифлисе, как только большевики захватили в Грузии власть.

29 июля 1890 года.

Вчера получила письмо от папы. Его переслали из Петербурга через неделю после нашего отплытия, и добиралось оно до Англии целых три недели. Папа пишет, что Левон наконец-то собрался жениться и очень сожалеет, что нас с Алёшей не будет на его свадьбе. Когда мы гостили в Шуши, брат познакомил нас со своей избранницей Наталией Кафиевой. Признаться, меня несколько смутило довольно-таки крупное родимое пятно у неё на лице, прямо под правым глазом. Я поделилась своими опасениями с Алёшей, сказала, что, глядя на Наталью, у человека поневоле создается впечатление, будто бедняжку хорошенько отдубасили. Алёша кивнул и ничего не ответил. Да и что тут ответить? Но брату я, конечно, об этом даже не заикнулась.

Теперь о Лондоне. За месяц мы с Аней основательно познакомились с достопримечательностями столицы. Как издавна заведено, начали с района Вестминстер. Аббатство здесь очень красивое, но изюминка в другом – именно

здесь коронуют и погребают английских королей. Я увидела знаменитый на весь мир Биг Бен, здание парламента и королевскую резиденцию – Букингемский дворец. Аня говорит, что Биг Бен называют голосом Лондона. Он показывает точное время с 1859 года. Строительство часовой башни высотой в 320 футов началось лет за двадцать до этого, когда на престол возшла королева Виктория. Одновременно реконструировались и здания парламента, сильно пострадавшие при пожаре в 1834 году. Между прочим, ни механик, сконструировавший часы, ни архитектор, ни часовщик не дожили до установки тяжёленного – 13,5 тонн! – колокола. Колокол треснул, его отлили заново, он треснул ещё раз и при этом издал знаменитый резонирующий звон.

Настал черёд и Трафальгарской площади, потом Тауэра, перебивавшего в разное время то крепостью, то королевским дворцом, то тюрьмой, то местом, где казнят осуждённых на смерть. На меня произвела сильное впечатление диковинка собора Святого Павла – «галерея шепотов». Я приложила здесь ухо к стене и расслышала слова, тихо-тихо произнесенные Аней где-то вдалеке.

Лондон поразил меня великолепием парков. Самый известный из них – Гайд-парк, самый старый – Сент-Джеймс парк, а самый элегантный – Реджентс парк. Последний расположен рядом с музеем мадам Тюссо. Главные экспонаты в знаменитом этом музее – фигуры Генриха VIII с его шестью женами, другие представители королевской фамилии. Очереди к мадам Тюссо не рассасываются уже шесть лет, со дня открытия.

«Если Вы устали от Лондона, то Вы устали жить, потому что здесь есть всё, чего можно ждать от жизни», – процитировала Аня слова Сэмюэля Джонсона, сказанные в 1777 году. Очевидно, имелось в виду всё великолепие города, раскинувшегося по берегам Темзы. Джонсон и сегодня, как и столетие назад, мог бы пить знаменитый английский чай в Ковент-Гардене, или бродить по узким переулкам Сити с его церквями и конюшнями, напоминающими о средневековье, или посещать концерты в Альберт-Холле, или слушать военный оркестр в королевском парке.

В последнее воскресенье к нам присоединился и Алексей. Сначала мы пошли смотреть высоченную статую адмирала Нельсона на Трафальгарской площади. После нее и без того невысокий памятник принцу Альберту кажется чуть ли не миниатюрным. Памятник установила безутешная вдова, королева Виктория. Статуя с четырех сторон окружена фигурами, символизирующими владения империи: верблюд – в Африке, бизон – в Америке, слон – в Азии, корова – в Европе. Австралия осталась, так сказать, за скобками: туда высылали преступников, и она имела дурную славу. Затем мы направились в Сити, там сохранились остатки римской крепостной стены, построенной в 45-м году по Рождеству Христову. За свою долгую историю Сити несколько раз горел и восставал из пепла. После великого пожара XVII века королевский землемер сэр Кристофер Рен поставил себе задачей восстановить 50 церквей Сити, да так, чтобы среди шпилей и куполов не было двух одинаковых. Он же построил и пятый собор Святого Павла, грандиозный Сент Пол – символ Сити. Наша экскурсия завершилась обедом в китайском ресторане.

Автор решил не цитировать больше английские страницы дневника. В них мало что задерживает внимание. Первые впечатления носят, я бы сказал, туристический характер, а дальнейшие записи посвящены быту, кое-кому из новых знакомых, не сыгравших в дальнейшей судьбе супругов никакой роли, изредка театру. О работе – ни слова. Не зная, чем занималась Надежда в Лондоне, её вполне можно было бы принять за женщину, чьё единственное дело – уход за мужем и семейным очагом. Из дневника выясняется также, что в 1894 году Шаровы провели отпуск в Карабахе. Здесь они увидели двухлетнюю дочку Левона и Натальи, будущую покорительницу мужских сердец красавицу Ниночку. Доверила Надежда бумаге и глубокое своё огорчение. Лондонские гинекологи поставили ей безутешный диагноз: из-за дефекта матки у нее не могло быть детей. Это до крайности расстроило не только самих супругов, но и родителей Надежды. Что до родителей Алексея, то сентябрь 1896-го молодая чета провела у них в Костроме, а едва вернулись из отпуска, вдогонку им пришла телеграмма о внезапной кончине Ивана Григорьевича.

Поскольку, как уже вскользь отмечено, по записям в дневнике невозможно догадаться, чем занималась в Лондоне моя героиня, в следующей главе я попытаюсь объяснить, почему царская контрразведка свела Надежду с Алексеем воедино.

НЕФТЯНОЙ ФАКТОР

Познакомиться с Надеждой и жениться на ней было далеко не единственным заданием Алексея Шарова. Он почти год корпел над английским языком, а вдобавок отбирал и приводил в систему массу разрозненной информации по истории нефтедобычи в Баку. Приходилось кропотливо изучать шифровки и письма и по крупицам складывать из них отчётливую картину, как европейские государства, в частности Англия, подрывали ведущую роль России в нефтяном бизнесе. Надо было выделять основные направления, в которых события в этой области развивались, и неотступно следить за ними. Соответствующий реферат, написанный Алексеем, получил высокую оценку. Правда, начальство не поленилось отметить, что – видимо, в силу новых родственных связей автора – в реферате «явно превалируют проармянские настроения». Посвящённая в курс дела, Надежда была в восторге от подобной оценки.

Ниже приводятся отрывки из этого реферата. Из него видно, что наряду с историей Карабаха Алексей Шаров приобрёл основательные знания по истории нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности в Баку – городе, где ему предстояло прожить многие годы, полные неожиданностей и опасностей.

«Издревле людям были известны главные свойства "черной крови земли". Этот удивительный дар земных недр первоначально использовался для освещения и отопления жилищ, а со временем – в медицинских и военных целях. В древней Персии языческие жрецы извлекали из особых колодцев (nephtai) горючую жидкость для священного огня; так и возникло слово "нефть". На южном побережье Каспия горели факелы природного газа, спутника нефти. Там возводились храмы огнепоклонников, остатки одного из них сохранились на Апшеронском полуострове. Эти факелы подивили в 1466 году тверского купца Афанасия Никитина, которого неугомонное "хождение за три моря" занесло и в Баку.

Район Дербента и Баку с его природными выходами нефти и газа персидский шах Годабенд уступил России в 1586 году. Но чтобы завладеть этой местностью, нужно было изгнать оттуда турок. При царе Фёдоре Иоанновиче у русских не было для новой войны ни сил, ни времени, в стране начиналась великая

смута. Прошло без малого полтора века, пока на эту пропитанную нефтью землю послал войска Петр I. В 1723 году он отправил своему родственнику по матери генерал-лейтенанту Михаилу Афанасьевичу Матюшкину "промемотию": "Как владение, так и сборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привести стараться всячески, чтоб армян призывать и других христиан, если есть, в Гилян и Мазандеран и оживать (поселять), а басурман, тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавлять, а именно турецкого закона (суннитов). Также, когда осмотрится, дал бы знать, сколько возможно там русской нации на первый раз поселить". Далее в инструкции предлагалось "белой нефти тысячу пудов или сколько возможно прислать".

По замыслу государя новые земли должны были поставлять нефть, медь, свинец, табак, вино, сухофрукты, пряности и знаменитый персидский шелк. Вообще Петру многого хотелось: и "повернуть" на Россию древний путь караванной торговли, и проложить путь в далекую Индию. Но, познакомившись на месте с ситуацией, Матюшкин увидел, что планы Петра нереальны. Какая там Индия! Для начала надо было сохранить контроль над узкой, всего в 50–100 вёрст, полосой по западному и южному берегу Каспия. Наличных сил у русских было до того мало, что они не смогли даже занять всю провинцию Гилян: войска стояли только в главном ее городе Реште и нескольких укрепленных пунктах. В своем ответном рапорте Матюшкин сообщил государю: "Провинции в полное владение и состояние провести трудно". России удалось закрепиться в Баку только в 1806 году; персидский наследный принц Аббас-Мирза перешел с 20000 человек Аракс и был разбит близ Аскерана генералом Глазеновым. Кроме Баку русские завоевали и Дагестан.

Баку вошел в состав империи как уездный город Шемахинской губернии. Населяли его в ту пору всего 2500 человек. Поскольку городок планировали сделать центром транзитной торговли между Россией и Ираном, в августе 1809 года здесь открыли таможенную. Ее работа не принесла ожидаемых результатов: иранские купцы предпочитали переправлять свои товары контрабандным путем в обход торговой заставы. Вскоре напротив таможенного управления появилась Купеческая пристань, где проходила погрузка и выгрузка товаров.

В мае 1859 года землетрясение превратило Шемаху в развалины. Наместник Кавказа князь Александр Иванович Барятинский написал шемахинскому военному губернатору: "Я остановился на мысли о пользе перенесения всех губернских учреждений в Баку. Положение этого города на берегу моря, устройство здесь порта, будущая железная дорога, в которой Баку будет первой исходной точкой, без сомнения, в непродолжительном времени обратят его в значительный портовый город. И, устраняя опасения, связанные с возобновлением города на прежнем месте, доставят жителям условия благосостояния".

Так на карте Российской империи появился новый губернский город. 6 декабря 1859 года Александр II издал указ: "1. Управление теперешней Шемахинской губернией и все находящиеся там губернские учреждения сей губернии перевести из города Шемахи в город Баку. 2. Город Баку возвести на степень губернского города. 3. Шемахинскую губернию именовать впредь Бакинскую губернией".

Эксплуатация русских нефтяных промыслов в Баку началась в 1821 году – неглубокие колодцы были отданы на откуп одному из будущих крупных

предпринимателей армянину Ивану (Ованесу) Мирзоеву. Через два года в Моздоке братья Дубинины соорудили первый нефтеперегонный завод. Вскоре купец Воскобойников установил перегонные кубы и в Балаханах.

По заведенному правительством порядку нефтеносные участки каждые четыре года сдавались откупщикам-надсмотрщикам, которые вносили за это в казну от ста до полутора тысяч рублей. Внакладе откупщики не оставались, отыгрываясь на производителях – добытчиках и переработчиках. Однако вырытые на сданных участках ямы быстро исчерпывались, и, чтобы поддержать достаточный уровень добычи, приходилось копать всё новые колодцы. Нефть хранилась в открытых ёмкостях и при перегонке давала немного керосина. Несмотря на крайнюю примитивность этого производства, Россия несколько десятилетий кряду занимала первое место в мире по количеству добываемой нефти.

Объемы нефтедобычи резко возросли в 1872 году. Тогда появился долгожданный закон, и на смену единоличному откупу нефтяных участков пришла долгосрочная, по сути дела вечная аренда. В Россию хлынули мощные инвестиции из Бельгии, Германии, США. Но первым из иностранных инвесторов оказался шведский предприниматель Роберт Нобель. Он прибыл в Баку в марте 1873 года и, не мешкая, основал компанию "Товарищество нефтяного производства братьев Нобель". Полтора десятка лет спустя Филипп Ротшильд из Франции, будущий миллионер, создал здесь "Каспийско-Черноморское общество", а чуть позже в Баку появился представитель английского капитала Джеймс Вишау.

Возможность крупно заработать привлекла и многих армян. Один из первых керосиновых заводов открыл в 1863 году не кто иной, как Дереник Меликов. На первых больших торгах – они состоялись в 1872-м – одиннадцать из двадцати крупнейших нефтеносных участков приобрели армяне, девять – русские. Казна выручила тогда три миллиона рублей, причём больше миллиона пришлось на долю упомянутого выше Ивана Мирзоева.

Первые глубокие (глубиной 18 сажень) скважины на Апшероне принадлежали армянской фирме "Халафи". К числу фирм с преобладающей долей армянского капитала следует отнести "Общество Манташев и Ко", "Каспийское Товарищество (братья Гукасовы)", "Товарищество Братья Мирзоевы", "Семья Г. М. Лианозова", "Питоев и Ко", "Г. М. Арафелов и Ко", "А. Цатуров", "Общество Арамазд", "Арало-Каспийское общество", "Астхик", "Сюник", "Арарат", "Масис" и другие. Действовали также и смешанные компании, например "Тагиев и Саркисян". Они добывали нефть, перерабатывали ее в керосин и смазочные масла, а затем наливом или бидонами на собственных судах перевозили свою продукцию в европейские, африканские и азиатские порты, вплоть до Индии. В 1890 году из годовой добычи нефти в 226 миллионов пудов 46 процентов добывалось армянами, чуть менее семи процентов – другими кавказцами, а 47 – русскими и европейцами.

Необходимость резко увеличить объемы добычи и переработки нефти привела к оживлению научно-технической мысли. Первую в мире промышленную нефтяную скважину пробурил на Биби-Эйбатском промысле купец-умелец Федор Семенов. При проходке в 1859 году Подольской скважины инженер Григорий Романовский первым использовал силу пара и механическое ударно-

итанговое бурение, создал долото со сменными лезвиями и придумал наиболее экономичный способ цементировать скважины. Позже он же сконструировал "самопад" для канатного и итангового бурения. Первый глубинный насос для станка-качалки изобрел инженер Иваницкий в 1865 году; в Америке это устройство появилось только через двадцать шесть лет.

Всё, что перечислено ниже, русские изобрели и применили первыми в мире. В 1873 году братья Артемьевы наладили вывоз нефти и нефтепродуктов на деревянных баржах в металлических емкостях по схеме "река–море". В 1879 году на заводе купца и инженера Владимира Рагозина близ Ярославля заработала лаборатория по анализу масел, созданная Дмитрием Ивановичем Менделеевым. В 1882 году изобретенный им куб непрерывного действия ввели в эксплуатацию на заводе Петра Губонина в подмосковном Кускове. В 1880 году инженер Владимир Шухов получил патент на самую совершенную по тому времени форсунку для сжигания жидкого топлива, позже разработал установку для непрерывной дробной перегонки нефти с фракционирующими тарельчатыми колоннами, ещё позже – трубчатую установку термического крекинга непрерывного действия. Изобретённая В.Г.Шуховым форсунка совершила переворот в нефтяной промышленности и коренным образом изменила топливно-энергетический баланс России.

Следует учесть, что в 60–90-е годы XIX века основным нефтепродуктом на мировом рынке был керосин. Если в 70-е годы Россия еще ввозила американский керосин, то в начале 80-х уже сама его экспортировала. В 1883 году открылась железная дорога Баку–Тифлис–Батум. По ней главным образом перевозили керосин и смазочные масла, предназначенные для экспорта через Черное море. Сырая нефть и мазут не перевозились – и в связи с ограниченной пропускной способностью (поезда имели всего по 8 вагонов), и в связи с дороговизной. В конце 80-х годов около половины производимого в России керосина экспортировалось, а вот вывоз мазута был ничтожен, сырая же нефть и вовсе не вывозилась: ещё хватало производственных мощностей и необходимых материалов, чтобы самостоятельно перерабатывать всю добываемую в стране нефть.

Развитие нефтяной промышленности требовало крупных вложений. Пробурить скважину на 100 саженей стоило ни много ни мало 10 тысяч рублей. Где их было взять? Государственных дотаций не существовало. Кредит обходился дорого. Без иностранных фирм было не обойтись, и за то, чтобы предоставить им свободу, активно выступил наместник Кавказа князь Михаил Голицын. "Кавказ находится в особом положении, и пока без иностранных капиталов обходиться затруднительно, в особенности при малой предприимчивости здесь со стороны русских капиталистов. Отсутствие свободных капиталов, зачаточное состояние заводской и фабричной промышленности, низкий уровень сельского хозяйства, недостаток технических знаний и слабая предприимчивость местного населения еще долго будут тормозить экономический рост края. При таких условиях не приходится отказываться от участия иностранцев в экономической жизни Кавказа, а между тем безусловное воспреещение им приобретать недвижимое имущество повлекло бы за собой прекращение прилива в край иностранных капиталов, к явному ущербу его хозяйственных интересов".

Словно для того, чтобы продемонстрировать истинную предприимчивость, в середине 80-х годов в Баку появился Ротшильд-младший. Он активно приобретал, арендовал и разрабатывал на Апшероне нефтеносные земли. Мало того, покупал участки, еще не тронутые бурением, и площади с заброшенными, как тогда казалось, исчерпанными колодцами. Не чурался Ротшильд и промыслов, которые не оправдали надежд их владельцев. Его компания поставила новые нефтяные вышки, соорудила насосные, компрессорные, амбары и резервуары, проложила нефтепроводы к сборным пунктам и нефтеперегонным заводам. За короткий срок она распространила свое влияние на 135 мелких и средних нефтяных предприятий. Ротшильд скупал у них керосин и отправлял его как в Россию, так и в другие страны. Не прошло и года, как в Лондон ушла первая партия керосина, а в Австрию – дистиллята; несколько позже в Турцию и на Дальний Восток пошел керосин, разлитый в специальные, тщательно герметизированные жестяные ящики.

Имея в бакинских сейфах 6 миллионов золотых рублей и 25 миллионов франков основного капитала, Ротшильд предложил другим нефтепромышленникам кредиты под ничтожно низкие проценты – всего-то три годовых. Итоги не замедлили сказаться. За пять лет экспорт бакинских нефтепродуктов вырос в двенадцать с половиной раз. К 1887 году Ротшильд-младший захватил монополию на перевозки нефтяных грузов по Закавказской железной дороге. В 1888 году на его фирмы приходилась почти половина нефтяного экспорта России, хотя больше всего нефтепродуктов производили компании братьев Нобель ("Бранобель").

Тогда же у Ротшильда созрела идея построить мощный нефтепровод Баку – Батум. Он добивался предоставить ему право в течение 60 лет – до середины XX века! – беспощинно вывозить за границу "нефтяные остатки", то есть мазут. Он ухитрился убедить министра государственных имуществ, и тот поддержал это предложение. Но энергичные протесты нефтепромышленников Л. Нобеля и С. М. Шубаева вынудили Комитет министров пойти на попятную: ходатайство о беспощинном вывозе осталось "без последствий". Это постановление удостоилось даже высочайшего утверждения. Александр III прислушался к общественному мнению, и, как писали газеты, "державная воля спасла бакинскую нефтяную промышленность. Правительство предоставило себе право во всякое время облагать и запрещать вывоз сырья во всех его видах". В результате мощной кампании, поднятой предпринимателями, правительство запретило строительство частного нефтепровода. Нефть продолжали перерабатывать в России, мазут шел на отопление паровых машин, а вот керосин вывозили во все возрастающих масштабах.

В то время мировой нефтяной рынок являл собой арену острой конкурентной борьбы таких гигантов, как Рокфеллер, братья Нобели и семья Ротшильд. Нобели и Ротшильды, добывавшие бакинскую нефть, решили объединиться, чтобы противостоять рокфеллеровской "Стандарт Ойл". Они обратились к голландцу Маркусу Сэмюелю, предлагая ему заняться сбытом бакинской нефти и керосина. Чего они требовали взамен? Организаторских способностей и... авантюризма.

Маркус Сэмюель отправился в Россию и, тщательно изучив ситуацию, пришел к выводу: чтобы одолеть Рокфеллера, нужно построить куда более

совершенные танкеры и добиться их пропуска через Суэцкий канал. В то время "Стандарт Ойл" перевозила свой керосин в жестяных бочках на парусниках. Это существенно ограничивало объемы поставок, а главное, по пути в Атлантику суда огибали мыс Доброй Надежды. Дело в том, что по Суэцкому каналу, сокращающему путь на 4 тысячи миль, запрещалось по соображениям безопасности перевозить керосин.

По возвращении в Лондон Маркус Сэмюель развил бурную деятельность. Заказал инженерам сконструировать новый, более совершенный танкер. В переговорах с Ротшильдами разрабатывал соглашение о гарантированных поставках нефти. Всеми правдами и неправдами добивался разрешить проход танкеров через Суэц. И, наконец, отправил двух своих племянников в Восточную Азию – строить нефтяные резервуары и склады для хранения и продажи керосина».

Алексей Шаров уже сдал свой реферат, когда стало известно, что после длительных переговоров Ротшильды подписали в 1891 году соглашение о гарантированных в течение десяти лет поставках бакинской нефти. В начале 1892 года Маркус Сэмюель добился своего – его танкерам официально разрешили проходить через Суэцкий канал. Летом того же года от берегов Британии в Батум отправился для загрузки керосином первый танкер.

ПОЧЕМУ АНГЛИЯ, ПОЧЕМУ БАКУ?

Знакомясь с Надеждой, Алексей Шаров уже знал, что ближайшие годы проведёт в Англии, а потом отправится с женой в Баку. Из чего исходило при этом его начальство? Во второй половине XIX века в ведущих странах мира началась промышленная революция. По ходу ее в развитии техники и технологии произошли качественные изменения. Обусловленное ими, резко возросло и продолжало расти потребление нефтепродуктов, и экономика большинства стран всё сильнее зависела от их импорта.

Главными нефтедобывающими странами были тогда США и Россия. Они, естественно, стремились использовать свои географические и сырьевые преимущества. Это во многом и предопределило на долгий срок их внешнюю политику, в том числе экономическую. Русское правительство прекрасно понимало, что в ближайшее время нефтяной фактор из сугубо экономического превратится в политический. Всё предвещало в недалёком будущем ожесточенные сражения за углеводородное сырьё.

Как показали последующие события, прогноз оказался верным. «Нефтяные войны» весьма значительно повлияли на геополитические интересы великих держав, на характер борьбы за источники энергетического сырья и рынки сбыта, на создание различных политических и экономических союзов и блоков. Коротко говоря, «нефтяные войны» сформировали новую структуру тогдашнего мироустройства. События, побудившие Россию обратить особое внимание на внешнеполитическую деятельность Англии, развивались так.

Ещё во время Крымской войны Британия уяснила для себя, что черноморские проливы – самая уязвимая точка Российской империи. Английский план военных действий предусматривал высадку десанта на Кавказском побережье и морскую диверсию против Одессы. Крымскую войну Россия проиграла, и в Европе сложилось новое соотношение сил; политическое первенство перешло к Франции. Россия потеряла, по сути, статус великой державы, утратила свое влияние на международной арене и оказалась в изоляции. Парижский мирный договор 1856 года запрещал ей держать на Черном море военный флот. Между тем интересы экономического развития и соображения стратегической безопасности требовали ликвидировать эту дискриминацию.

России ничего не оставалось, как разъединить участников Парижского мира – Францию, Англию, Австрию. На это и были направлены её дипломатические усилия. Она решила воспользоваться займами, которые Англия, как и Франция, неоднократно предоставляла Турции после войны. Займы были довольно значительны и приносили англичанам крупные барыши, поскольку выпускались из расчета 5-6% годовых. Это намного превосходило принятый в те времена средний процент, да ещё при 6-7% комиссионных в пользу банкиров. До 1875 года Турция получила на таких условиях около 200 миллионов фунтов, т. е. до 2 миллиардов рублей. Эти финансовые операции постепенно разорили Турцию. В октябре 1875-го Османская империя обанкротилась. Английские банкиры требовали от своего премьера Бенджамена Дизраэли нажать на несостоятельного должника. Но тот оберегал Турцию: она нужна была ему как орудие против России. Это крайне раздражало кредиторов.

Затруднительное положение правительства Дизраэли пришлось для России как нельзя более кстати. В апреле 1877 года она объявила туркам войну. Потеряв Плевну, Софию и Адрианополь, те запросили мира, который был заключен 19 февраля 1878 года в Сан-Стефано. По Сан-Стефанскому договору Турция потеряла почти все свои европейские владения, а на карте Европы появилось новое независимое государство – Болгария.

Баланс интересов, установившийся было между великими державами, нарушился, требовалось его пересмотреть, уточнить. Германия мало-помалу склонилась к союзу с Австро-Венгрией, через несколько лет к ним присоединилась Италия. Возник «тройственный союз». Ответное сближение России с Францией закономерно завершилось тайным союзом, дополненным военной конвенцией. Впервые в мировой истории началось экономическое и военно-политическое противостояние устойчивых группировок великих держав. В экономической сфере один за другим следовали кризисы и депрессии, череда которых усилила конкуренцию, а та спровоцировала лихорадочную погоню за рынками сбыта. К тому же капиталу нужны были страны, изобилующие сырьём и дешёвой рабочей силой. Поскольку к тому времени великие державы уже поделили между собой почти весь мир, борьба за раздел ещё «свободных» территорий сменилась борьбой за передел колоний и сфер влияния.

В 1870 году Великобритания располагала 31,9% мирового промышленного потенциала, США – 23,5%, Германия – 13,2%, Франция – 10,3%. Промышленное производство Великобритании основывалось на добыче угля, развитии чёрной металлургии, текстильной промышленности и машиностроения. Первый в мире покупатель сырья и пищевых продуктов, она была в то же время основным продавцом готовых изделий. Куда только не поставляли англичане металлические изделия и механическое оборудование! Колоссальным спросом пользовались в колониях их хлопчатобумажные ткани. Английский торговый флот был самым большим в мире. Но постепенно у британцев появились реальные конкуренты, Англия медленно, но верно теряла свою промышленную монополию.

Пострадала от новых соперников и Франция, занимавшая до 70-х годов второе место по своему промышленному развитию. Началась череда конфликтов. Из-за Туниса схлестнулись Франция с Италией, из-за Египта – Франция с Великобританией. Вновь осложнились русско-британские отношения, причём

яблоком раздора стала Центральная Азия. Англичане установили протекторат над Афганистаном, Россия ответила на это присоединением Туркестана. Однако главной заботой русского правительства по-прежнему оставались черноморские проливы. Русский флот должен был свободно проходить через них.

Германская дипломатия действовала на Ближнем Востоке так же, как и на Дальнем: она стремилась обострить англо-русские противоречия. С одной стороны, немцы поддерживали Россию в её противодействии Англии, с другой – исподтишка натравливали англичан на русских. Германия подстрекала Лондон послать в проливы флот – это бы, мол, наверняка подействовало на султана. Словом, германское правительство и так и этак провоцировало англо-русский конфликт. Разумеется, двойная игра германской дипломатии не составляла тайны для руководителей английской внешней политики. Англо-германские отношения по-прежнему носили напряжённый характер.

Страхуя себя от появления британского флота в Чёрном море, русское правительство попросило Бисмарка надавить на Турцию. Германии было выгодно, чтобы русские продолжили свою экспансию в Средней Азии: это отвлекало их от Европы и ухудшало англо-русские отношения. Поэтому Бисмарк внял просьбе из Петербурга, и немцам удалось расстроить наметившееся было англо-турецкое сближение. Султан объявил, что проливы останутся закрытыми для английской эскадры. Политика Лондона стала приобретать антитурецкую направленность. Заявление султана, конечно, сыграло свою роль, однако действительная причина для этого была в другом: британское влияние в Турции неуклонно падало.

Британцы захватили Египет, и англо-турецкие отношения вконец осложнились. Султан продолжал сближаться с Россией, поскольку убедился: не сумев овладеть Константинополем и черноморскими проливами, русские предпочитают именно его видеть «стражем» у ворот, ведущих из Средиземного моря в Чёрное.

В середине 90-х годов в Турции разразился очередной внутренний кризис. На революционное движение в армянской среде султан Абдул-Гамид ответил резнёй; в 1893–1896 годах в Османской империи уничтожили 300 тысяч армян. Вот что доносил о ситуации в Константинополе сотрудник русского посольства полковник Пешков: «За два дня было убито более 5500 беззащитных армян. Резня не производила бы, кажется, такого вдвойне ужасного впечатления, будь она не здесь, в столице, в присутствии властей, а где-нибудь в глуши, в каком-нибудь захолустном городишке. Это не была стычка, подавление восстания, а просто какое-то отвратительное, массовое убийство, охота на человека».

Английское правительство не замедлило воспользоваться кровавыми событиями. Формальным основанием ему послужила статья 61 Берлинского трактата 1878 года, которая гласила: «Блистательная Порта обязуется осуществить без дальнейшего промедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населённых армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их осуществлением». В августе 1896 года, после захвата группой вооружённых армян Оттоманского банка и вызванной этим резнёй в столице, положение Турции стало критическим. Под

предложением помощи своим дипломатам Лондон направил к Дарданеллам сильную английскую эскадру.

Действительную подоплёку внезапных симпатий английской дипломатии к армянам вскрыли два донесения турецкого посла из Лондона. «Если оттоманское правительство хочет действовать сообразно своим интересам, финансовым и иным, – писал ему британский премьер лорд Солсбери, – оно должно изменить нынешнюю политику. Поднимая вопрос о Египте, Порта причинит себе лишь беспокойство, ничего не выгадывая». Как мы узнали об этом сугубо конфиденциальном послании? Султанские чиновники продали его русскому послу.

В другой раз Солсбери прозрачно намекнул на финансовую помощь, которую Лондон оказал бы султану, прими тот английскую ориентацию. Вот как определил английскую политику в турецком вопросе граф Гатцфельд, германский посол в Лондоне: «Или удастся план сохранить в живых турецкое государство путём проведения действительных реформ и этим вырвать его из-под исключительного влияния России, или план этот не удастся, и дело дойдёт до краха и раздела Турции». Вряд ли граф ошибался.

В 1895 году лорд Солсбери изложил Вильгельму II разработанный Лондоном план такого раздела. Во-первых, англичане намеревались окончательно утвердиться в Египте, во-вторых, имели виды на Месопотамию, Аравию и Крит. Их вмешательство в пользу армян должно было запугать султана, заставить его примириться с оккупацией Египта и сменить русскую ориентацию на британскую. Словом, Англия рассчитывала снова подчинить Турцию своему влиянию, как это было при Пальмерстоне и Дизраэли.

Была у Лондона и другая цель. Господство в Египте и на Кипре обеспечивало британцам контроль над морским путём в Индию. Если бы русские завладели черноморскими проливами, безопасность этого пути оказалась бы под вопросом. Имелись, однако, и сухопутные подступы к Индии – не только через Афганистан, но и Персию, Аравию и Азиатскую Турцию. Эти страны служили своеобразным мостом из Европы в Индию. Внимание британской дипломатии было приковано ко всему этому поясу земель, обрамляющих Индийский океан и особенно Персидский залив. Проект железной дороги Кейптаун–Каир нашёл своё продолжение в проекте Каир–Калькутта. Так очерчивались контуры грандиозной азиатско-африканской империи с Индийским океаном посередине.

Опасаясь нового появления британского флота в проливах, русское правительство известило Лондон: в этом случае Черноморский флот немедленно войдёт в Босфор. Допустить англичан в проливы значило жить под постоянной угрозой. «Вся торговля южной России, – писал недавно назначенный министром иностранных дел князь Алексей Лобанов-Ростовский, – лежит через эти проливы». Лобанов-Ростовский возглавил МИД в очень непростое для России время. Её позиции на Балканах были существенно ослаблены, на Ближнем Востоке назревал кризис, а на Дальнем Востоке Япония стремилась овладеть Корейским полуостровом – Россия потеряла бы тогда свободный выход в Тихий океан. Новый министр упорно повторял: приобрести незамерзающий порт на Тихом океане и присоединить некоторую часть Манчжурии, чтобы Сибирская железная дорога прошла по наиболее удобному маршруту, – задача не из лёгких и требует крайней

осторожности. Князь добился-таки согласованного дипломатического давления Франции, Германии и России на Токио, и Япония умерила свои притязания.

В ходе же ближневосточного кризиса, используя содействие Франции, Лобанов-Ростовский стремился парализовать сепаратные акции англичан. «Хотя мы не имеем никаких завоевательных планов, – определённо заявлял он, – мы хотим всё же иметь руки развязанными, чтобы быть в состоянии защитить наши интересы, если они окажутся под угрозой». Внешнеполитическая программа министра включала много пунктов, один из них отличался неизменностью – сохранить коллективными усилиями целостность Османской империи и существующий статус проливов. Последнее приобретало всё большее значение, ведь именно морским путём устремились в Европу русская нефть и нефтепродукты.

Как уже говорилось, в середине 80-х годов позапрошлого века в Баку появился Ротшильд и всеми правдами и неправдами захватил монополию на перевозки нефтяных грузов по Закавказской железной дороге. Случалось, из-за него неделями бездействовали по 500-600 вагонов-цистерн. Это стоило миллионеру значительных неустоек, зато конкуренты не могли, сколько ни бились, отправить свои грузы. В конечном счете это вело их к разорению. Наглая эта практика не осталась незамеченной, и против Ротшильда всколыхнулось общественное мнение. Опасаясь упрочить его монополию, в 1888 году городская управа Батума «при бурном одобрении взвинченного народонаселения» не позволила Ротшильду проложить трубопровод от нефтескладов к пристани.

В Петербурге потихоньку готовился закон, запрещающий передачу иностранцам нефтеносных земель. Это вызвало волну возмущения среди нефтепромышленников. После шумных дискуссий правительство приняло компромиссное решение. Согласно правилам, утвержденным в июне 1892 года, «иностранцы общества и евреи» могли приобретать в пользование или собственность нефтеносные земли, но «не иначе с особого каждого раз разрешения министра государственных имуществ, по соглашению между министрами внутренних дел и финансов с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе».

Немногим позже появилась программа индустриализации России. Ведущую роль в ее разработке и реализации сыграл министр финансов Сергей Юльевич Витте. В докладной записке государю он писал: «Если страна не богата собственными капиталами, а в них настоятельно нуждается и государство, и промышленность, то нет другого выхода из такого положения, как привлечение капиталов из-за границы». Витте понимал, как противоречивы последствия такой политики: с одной стороны, развивается экономика, с другой – можно впасть в зависимость от иностранного капитала. Потому-то не все в правительстве приветствовали широкое привлечение зарубежных вложений.

Споры не утихали. Супруги Шаровы покинули страну, несколько лет провели за границей и возвратились из зарубежной командировки. Они были уже на родине, когда правительство приняло наконец окончательное решение. В мае 1899 года английских предпринимателей допустили в Баку и Грозный. Весьма значительный иностранный нефтяной капитал интегрировался в российскую промышленность.

Возникает логичный вопрос: служил ли он национальным интересам России? Иностранцы отнюдь не бесконтрольно распоряжались добытой ими нефтью. Государство не утратило правовых инструментов, служивших его интересам. Оно препятствовало вывозу не только сырой нефти, но и мазута, крайне необходимого российской экономике. Экспорт имел подчинённое значение – спрос на вывозимую продукцию, прежде всего керосин и смазочные масла, внутри страны удовлетворялся. Что по-настоящему имело значение, так это прокладка к Чёрному морю не нефтепровода, как того добивались иностранные предприниматели, в первую голову Ротшильд, а керосинопровода. Государство пока ещё не позволяло вывозить сырую нефть.

Преобладание в нефтяной отрасли иностранного капитала, конечно же, сказывалось по-разному. Из отрицательных последствий одно бросалось в глаза – часть прибылей вывозилась из страны. А вот другое... Под видом служащих Россию наводнили агенты ряда разведок. Собственно, этой теме и посвящена повесть. Иностранным разведкам, их подрывной деятельности противостояла российская контрразведка.

Судя по событиям, которые развернулись на постсоветском пространстве вообще и за Кавказским хребтом в частности, энергетический фактор и сейчас остаётся важнейшим элементом геополитики. Он сильно влияет и на текущие международные отношения, и на перспективы их развития. Ключевые нефтегазовые месторождения, маршруты транспортировки углеводородного топлива, рынки его сбыта – всё это так или иначе затрагивает интересы различных народов, населяющих регион. Ибо здесь иногда зримо, а чаще незримо продолжается борьба за перекройку политических, этнических, религиозных и культурных границ.

УРОКИ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Прежде чем говорить, что сделали Надежда с мужем за годы пребывания в Англии, считаю необходимым поделиться с читателем кое-какой информацией. Она приоткроет специфические особенности работы, с которыми сотрудники российских посольств детально знакомились перед выездом за рубеж. Разумеется, приводимые мною сведения минимальны.

В первую очередь Алексея Шарова обучали технике обработки периодики – газет, журналов, различных бюллетеней. Незадолго до его поездки в Лондон, в российском посольстве открылся отдел печати, и Алексей состоял в штате этого отдела. Он должен был ежедневно информировать посла о материалах прессы, напрямую касающихся России либо представляющих для неё интерес. Поутру он просматривал свежие газеты и вырезал всё, на что следовало обратить внимание посла. Он наклеивал вырезанные статьи и заметки в специальный альбом и к полудню передавал его послу, который и решал дальнейшую судьбу каждого из материалов.

Его научили, как нужно ранжировать источники информации, общедоступные и закрытые. С общедоступными – печатными изданиями и официальными документами, обзорами рынка и финансовыми отчетами, проспектами ярмарок и выставок – всё было более или менее ясно. Всё было довольно просто, и когда речь шла об официальных беседах со специалистами, занятыми в интересующих посольство сферах науки, техники, производства. Далее шла малодоступная либо закрытая информация. Чтобы воспользоваться ею, следовало применить специфические методы. Их, эти методы, ему рекомендовали ещё в Петербурге, перед поездкой. К примеру, официальная беседа со специалистом ничего не даёт. Что ж, тогда надо в ходе обычной профессиональной беседы на конференции либо совещании попробовать закамouflировать вопросы. Снова не получается? Надо попытаться завести с нужным человеком разговор «по душам». Или другой способ. Явитесь в учреждение, лабораторию, институт, деятельностью которого интересуетесь, под видом ищущего работу профессионала, задавайте вопросы, много вопросов и спрячьте в их потоке главные. Кроме того, попытайтесь «внедрить» в этот институт или лабораторию своего сотрудника. На худой конец

никто не отменял и такого испытанного, хоть и криминального, способа добыть образец, чертёж или документ, как его кража...

Подведём итог. В перечень способов завладеть информацией входили как легальные и этичные, так и нелегальные и неэтичные. Сошлюсь на себя. Всю свою сознательную жизнь я посвятил научной деятельности. Приступая к сбору информации, я тоже всегда сталкивался с рядом специфических проблем. Назову только некоторые из них: как подбирать источники? как анализировать и обобщать их, чтобы получить достоверные и точные выводы? каким методам подбора и изучения источников отдать предпочтение?

Почти сразу по возвращении на родину супругов Шаровых командировали в Баку. Им вменялось в обязанность информировать руководство о деятельности английской разведки. Уверен, что, получив это задание и наблюдая за тем или иным своим «объектом», Алексей применял в числе прочих и самый простой приём – составлял график активности наблюдаемого. Фиксируя и анализируя его действия, Алексей по его манере говорить, голосу, жестикуляции, почерку довольно точно предсказывал, как поведёт себя объект в тех или иных обстоятельствах.

В водовороте крупных политических событий, происходивших в Баку в 1905 и в последующие годы, Алексею не единожды приходилось наблюдать за разными объектами в самых разных ситуациях. Иногда можно было черкнуть два слова в записную книжку, иногда, на улице, он полагался только на зрительную память, а иногда как ни в чём не бывало шествовать за своим «подопечным» в толпе бастующих рабочих или студентов...

На одной из лекций преподаватель привёл яркий пример успешного внешнего наблюдения. Пример произвёл на Алексея впечатление, и он запомнил его на всю жизнь. «В 1793 году послом в Османскую империю направили будущего генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова, – рассказал преподаватель. – Ехал он в Стамбул так долго, что султан Селим III выразил крайнее недоумение: почему столь неспешно продвигается по дорогам его державы дипломатическая миссия? Знай он подлинные причины затянувшегося путешествия, он бы просто взбесился. Дело в том, что российский генерал-дипломат вёз с собой в обозе более двух десятков военных топографов, и те по дороге через Дунайские княжества и европейскую Турцию тщательно снимали планы местности».

Алексея научили, что, собирая информацию, аналитик не вправе ограничиваться одним фактом. Фактов должно быть если не много, то хотя бы несколько, только тогда можно будет сравнивать, сопоставлять, анализировать. Ценность информации многократно повышается, когда представлен ряд взаимоувязанных фактов. Однако сами по себе факты нейтральны и не дают сведений, необходимых, чтобы принять и претворить в жизнь политические решения. Правильные выводы можно сделать, лишь тщательно проанализировав информацию.

Для полноценного анализа требовалось оценить два чрезвычайно важных фактора – источник информации плюс ее содержание. Источник влияет на достоверность любого набора данных. Алексея научили оценивать и то, и другое – как источник информации, так и саму информацию. Он должен был пользоваться следующей схемой оценок. Оценка источника: А – надёжный; Б – обычно

надёжный; В – иногда надёжный; Г – сомнительный; Д – источник неустановленной надёжности; Е – ненадёжный. Оценка информации: 1 – подтверждённая; 2 – вероятно правдивая; 3 – возможно правдивая; 4 – сомнительная; 5 – неподтверждённая; 6 – ложная.

Прежде чем решить, передавать или не передавать послу собранную информацию, Алексей выявлял её истинность. При этом он учитывал опыт посла, его профессиональную изощрённость, умение общаться с людьми (которые, как правило, представляли элиту страны пребывания). Лишь эти качества позволят ему в конечном итоге постичь истинные настроения другой стороны; в случае возможного промаха посол предостережёт Петербург от ошибочных или рискованных решений и ходов.

Проработав несколько лет в посольстве, Алексей усвоил: одно дело – установленный распорядок службы, другое – темп и ритм, в каком поступает информация и оперативные задания от посла либо из Петербурга. Второе первому не подчиняется. Сегодня, к примеру, текущие дела развиваются сравнительно спокойно, давая время, чтобы неторопливо обмозговать ситуацию, а завтра случится «взрыв», какой-либо вопрос обострится, притом внезапно, и некогда будет мешкать, придётся в сжатые сроки взвесить суть событий, дать им оценку, подготовить соответствующие предложения.

Обучая Алексея Шарова новой профессии, его предупредили, что по ходу сбора и обработки сведений и фактов ему не избежать противоречивых слухов. Передаваясь из уст в уста (от одного источника информации к другому), они, бывает, до неузнаваемости меняются (подвергаются трансформациям). Различают три типа трансформаций: сглаживание, заострение и уподобление. Впрочем, эта классификация не учитывает одной характерной особенности: нередко событиям, которые прежде казались маловажными, придаётся новый смысл. Различные механизмы трансформации обычно действуют не порознь, а совместно. Алексей запомнил это раз и навсегда и каким-то шестым чувством определял, сильно ли искажил слух первоначальное содержание и сколько прошёл этапов.

До какой степени засекречивать добытую информацию, решали в Петербурге, то была их прерогатива. Получив очередную шифровку, там ставили на неё соответствующий гриф – определяли доступ к полученным материалам. Гриф «Совершенно секретно» ставился только на той информации, несанкционированная утечка которой могла нанести чрезвычайно серьёзный ущерб национальной безопасности; «Секретно» – серьёзный ущерб (в это понятие включалось и нарушение международных отношений); «Для служебного пользования» – заметный ущерб. Что касается самой градации ущерба – чрезвычайно серьёзный, серьёзный и заметный, – то она, надо полагать, была делом очень высоких инстанций. Может быть, и самых высоких.

Всё упиралось в национальную безопасность. Именно забота о ней порождала конфиденциальность информации. Среди многих видов секретности различали две категории. Во-первых, секретность, действительно связанная с национальной безопасностью. В нее входили такие сведения, как конструкция подводных лодок, различные её детали и узлы, тайные договорённости дипломатов, закрытые сведения разведки и контрразведки. Разглашение такого рода сведений однозначно наносило ущерб государству. Во-вторых, секретность, обусловленная

политическими факторами. Собственно, власть есть не что иное, как право закрывать информацию, руководствуясь при этом собственными политическими целями, и неважно, вправду ли эта информация угрожает национальной безопасности. Власть всегда и везде сознательно и целенаправленно пользуется этой своей привилегией. Как правило, таким способом укрываются от критики и дискредитации сомнительные мотивы, аргументы и последствия официальных программ.

Когда курс обучения близился к концу, основной упор был сделан на то, как работают сотрудники оперативных отделов британского МИД – Форин оффиса. В круг основных задач этих сотрудников, указывали Алексею преподаватели, входит сбор, классификация и оценка текущей информации, разработка предложений, подготовка ответов на депутатские запросы, дипломатическая переписка, деловые и протокольные контакты. Наиболее важны функциональные отделы Форин оффиса. Среди них числом сотрудников выделяется исследовательский отдел, главные задачи которого – анализ внутреннего положения в иностранных государствах, обработка получаемой из различных источников информации. Алексей узнал, что информацией в Форин оффисе занимаются несколько подразделений, первым делом отделы информационной политики, зарубежной информации и новостей.

Ну а Надежда? Перед поездкой она прошла те же курсы при шифровальном департаменте МИД, где Алексей обучался ещё до знакомства с ней. Во второй экспедиции шифровального департамента состояли 10–12 человек, они занимались перлюстрацией практически всей переписки находившихся в России иностранцев. Нередко к перлюстрации добавлялась и дешифровка. С особым вниманием перлюстрировалась дипломатическая переписка, включающая сообщения от иностранных военных агентов (сейчас их называют военными атташе). Здесь дешифровывались также копии, снятые с шифрованных телеграмм, а перлюстрировались они «черным кабинетом» главного телеграфа. Через главный телеграф проходила также корреспонденция из других городов России (Москвы, Варшавы, Киева, Одессы и др.), где имелись иностранные дипломатические представительства.

Криптоаналитиков во второй экспедиции было всего двое–трое. Ведущим дешифровальщиком был Эрнест Феттерлейн, занимавшийся британской дипломатической почтой. По иронии судьбы после революции он бежал в Англию и возглавил там русскую секцию британской дешифровальной службы. Возникла зеркальная ситуация – теперь уже он изучал русскую дипломатическую почту для англичан.

Феттерлейн был отменным специалистом, и Надежда многое у него переняла. Но лучше бы не перенимала, лучше бы вообще с ним не знакомилась. Вы учились у Феттерлейна. Феттерлейн – предатель. Следовательно, вы учились у него предательству. Этот отнюдь не уникальный по революционным меркам силлогизм вошёл в обвинительное заключение, предъявленное Надежде во время суда. Напомню, он имел место в Тифлисе в 1921 году.

Чему же научилась Надежда у будущего белоэмигранта? Методам безуликовой перлюстрации, настолько совершенным, что позволяли производить все необходимые операции за считанные минуты. При этом использовалось

фотографирование. Адресаты даже не подозревали, что письма были вскрыты, поскольку не видели никаких следов этого. И хотя курьеры привозили пакеты к самому отходу заграничных поездов, а забирали свою почту сразу по ее прибытии, практически ни одно письмо не укрылось от недреманного глаза тайных служб.

Наивная поначалу Надежда видела это и только диву давалась. В «черном кабинете» имелся полный набор безукоризненно скопированных печатей всех до единого зарубежных посольств и консульств и копии многих иностранных шифров. Отмечу, что печати эти специально предназначались для зарубежной переписки и отличались повышенной сложностью.

Как-то перед самой поездкой у супругов состоялся любопытный разговор.

– Я сегодня такое узнала!

– Ну-ну, интересно.

– Оказывается, его величество жаловался Бисмарку, что немецкие государи смеют его критиковать.

– И что же тебя удивило?

– Да как же! Ведь Александр Николаевич прочёл чужие письма. И не простые, а зашифрованные. В сущности, он признался, что в России вскрывается и дешифруется дипломатическая переписка. И что он, император всероссийский, её читает.

– Ну, дальше, дальше.

– Да ты издеваешься надо мной! Читать чужие письма стыдно. Даже детей этому учат.

– Его величество не ребёнок, а царь. И что не дозволено быку, то дозволено Юпитеру. Тебе это кажется постыдным, а между тем это естественным правом самодержца. Ты думаешь, они там, в Европе, не занимаются тем же? Эх ты, святая простота! Это же целая наука. Мне рассказывали, наш посол в Турции, Николай Павлович Игнатъев, понял, что его корреспонденцию читают. И сделал так, что читать перестали.

– Каким образом?

– Он знал, что о важности корреспонденции судят обычно по внешним признакам: объёму письма, качеству конверта, почерку, запаху. Если конверт высшего качества, каллиграфически надписан и хорошо пахнет – значит, информация в нём ого какая! Надо вскрыть. Вот Игнатъев и схитрил. Запечатывал важнейшее донесение в самый дешёвый конверт и давал его лакею. Тот писал адрес своего знакомого или родственника. Сама понимаешь, писал он его, как курица лапой, тот ещё аккуратист. Мало того, письмо клали на денёк, другой у открытой бочки с соленой сельдью. Так что аромат от него шёл будь здоров.

– И помогло?

– Конечно! Туркам и в голову не приходило, что это донесения самого посла. А когда Николай Павлович служил в Англии, он получил письмо из Петербурга. Слепой бы увидел, что его вскрывали. На встрече с английским министром иностранных дел он указал на противоправные действия английского «черного кабинета». Министр ответил, мол, у нас такого кабинета нет. Улики, однако, были слишком очевидны, и он признался: «А что ж я, по-вашему, должен был сказать? Нам же интересно, что пишет вам ваш министр и что вы ему пишете о нас?..»

Словом, Алексей и Надежда овладели премудростями шифрования и перлюстрации. Провожая свою ученицу, Феттерлейн напутствовал её словами, которые Надежда запомнила на всю жизнь:

– Разведчице нужна хорошая память. Но, вернувшись в Россию, ты должна начисто забыть всё, чем занималась в Англии. Не молчать об этом, а именно забыть. То, что ты знаешь, может навредить оставшимся там. Помни, прошлое всегда с нами. Неосторожное слово о событии, которое, казалось бы, принадлежит истории, может сломать человеку судьбу.

ПРОГНОЗ ОКАЗАЛСЯ ТОЧНЫМ

МИД России твёрдо предсказал, что объектом особого внимания англичан во второй половине XIX века будет Закавказье. Причина не вызывала разногласий. Британские военные и политики считали, что оно станет главным плацдармом, обеспечивающим экспансию России в Среднюю Азию. Действительно, русские войска, находившиеся в Закаспии и Туркестане, получали подкрепление из Закавказья. Об этом еще в 70-х годах неоднократно предупреждал генерал-квартирмейстер войск, расположенных в Британской Индии, Мак Грегор. Именно поэтому он предлагал активизировать деятельность английских разведывательных служб за Кавказским хребтом. «По моему мнению, – писал он, – мы должны заслать на Кавказ нашего офицера для получения информации о происходящих там событиях, а именно: о распределении войск, о способности сил подкрепления продвигаться по железной дороге, о погрузке на корабли и разгрузке с них при переправе на восточный берег Каспия». И далее: «Мы желали бы иметь тайных агентов теперь уже в Тифлисе и Баку». Консулам в Батуме он предписывал собирать более подробные сведения о передвижении русских войск, потому что «единственный открытый и совершенно беззащитный со стороны моря порт есть Батум. Вот сюда и можно направить все усилия, тем более что предприятия в этом углу Черного моря сами по себе ведут к стратегическому успеху: можно бы захватить Потю и Батум, поднять население Кавказа, оттянуть массу русских войск и положить конец наступательным действиям России в Афганистане».

Нанеся удар по Батуму, можно было добраться до Каспия, расстроить коммуникации русских войск и помешать их продвижению в Средней Азии. В меморандуме майора Розуэллса, представленном в июле 1884 года военному министерству и также перехваченном русской контрразведкой, предлагалось послать в Закавказье под видом художников или альпинистов знающих русский язык офицеров.

Генерал Мак Грегор не только призывал к отторжению Кавказа от России, но и строил планы его последующего политического устройства. «Что же касается Кавказа, – писал он, – если он весь будет отнят у России, то из него следует образовать два государства: одно христианское – из Грузии, русской Армении и

местных христианских народностей, а другое магометанское, состоящее из Дагестана, Лезгистана, Чечни и проч.». Эти политические образования, полагал он, будут находиться под британским протекторатом.

Да, в 80–90-е годы XIX века британская разведка чрезвычайно интересовалась Закавказьем. Об этом свидетельствуют и архивные материалы МИД России. Перед командировкой в Лондон Алексея Шарова обязали внимательно с ними познакомиться. Среди прочего он наткнулся на телеграмму, направленную военным министром начальнику штаба Кавказского военного округа: «По донесениям нашего военного агента в Лондоне, из Англии выехал в начале октября 1881 года майор Сарториус, снабженный множеством карт России, с секретными поручениями изучить Кавказ, Каспийское море и даже сибирскую границу, т. е. местности, могущие получить важное значение в случае столкновения России с Англией в Средней Азии».

Изученные материалы показали Алексею, как интенсивно проникают в Закавказье английские разведчики. Особо их интересовали коммуникации. Разобравшись с ними, они поняли бы, как дислоцируются в Закавказье войска. По-видимому, столь откровенный интерес англичан вызвал у местных властей беспокойство. В письме к начальнику Главного штаба генералу Обручеву Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе сообщал: «Товарищ министра внутренних дел просит меня об усилении на Кавказе, в особенности на линии железной дороги, наблюдения за появившимися английскими шпионами либо агентами, которые доставляли английскому правительству сведения о положении дел в Закавказской области и о наших военных приготовлениях». Число английских офицеров в Закавказье – руководствовались они, понятно, секретными инструкциями – быстро увеличивалось. Обычно они проникали сюда под видом путешественников и охотников – это был самый удобный способ посетить Закавказье и не встретить при этом препятствий. Обезвредить столь многочисленную агентуру местные власти не могли. Военное министерство выказывало в этой связи растущие опасения. Допускать в столь важный регион английских офицеров, утверждали военные, крайне нежелательно, даже в качестве туристов. И под их нажимом, чтобы как-то ограничить наплыв английских разведчиков, министерство иностранных дел издало распоряжение «о предупреждении британских подданных, состоящих на военной службе, что посещение ими Кавказского края может быть допущено только по предварительному разрешению русского военного министерства».

В числе немногих получивших такое разрешение офицеров посетил Закавказье артиллерийский капитан Френсис Бинфорт. В Тифлисе за ним велось наблюдение. В материалах тифлисского полицмейстера, пересланных в Петербург, говорится: «Во время пребывания в Тифлисе английский подданный офицер Бинфорт имел встречи с начальником отделения Индо-Европейского телеграфа Макиевым, членом духовной консистории армяно-григорианской церкви архиереем Ванской церкви Татиосом Ланджастанянцем, князем Эристовым, полковником Орбелиани, начальником движений Закавказской железной дороги статским советником Патисовым».

Русская контрразведка регулярно перехватывала донесения английских консулов. Лондон, однако, это не смущало, и он настойчиво пытался увеличить

количество своих консулов в городах Закавказья. Особенно ему хотелось иметь консула в Баку, и в 1889 году он впервые попросил об этом. В Петербурге просьбу отклонили. Весьма резонно прозвучало мнение Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе: «Англия не имела торговых интересов на Каспийском море, и английский торговый агент в Баку мог бы проявить вредную для России политическую деятельность». В 1891 году англичане повторили свою просьбу, но русские вновь её отклонили.

Англичане понимали, что просьбу нужно аргументировать, и подыскивали убедительные доводы. Таковым они сочли возросший вывоз бакинских минеральных масел в Индию, но русские проигнорировали этот аргумент. Лондон так и не добился своего. Алексей обнаружил в архивах справку, подписанную начальником бакинского карантинно-таможенного округа статским советником Климентом Домовичем. В справке говорилось: «Вывоз масел в Индию производится почти исключительно одной фирмой Каспийско-Черноморского товарищества с братьями Ротшильд во главе, правление которой находится вне Баку, и для этого абсолютно не нужен английский консул».

Но англичане не отступали. Капля камень точит, и кончилось тем, что министр иностранных дел Николай Гирс предложил позволить им иметь в Баку «внештатного консульского агента из местных жителей, проверенных губернатором, что не внушало бы, по-видимому, местным властям никаких опасений».

В 1885 году англо-русские отношения крайне обострились. Виной тому было столкновение интересов двух держав в Средней Азии. Но всё обошлось, и этот кризис так и не перерос в войну. Судя по всему, Англия планировала нанести удар по Закавказью посредством своего десанта и турецких войск. Однако, как уже сказано, её планы сорвало вмешательство Германии. Русское правительство попросило канцлера Бисмарка об услуге, и, выполняя соответствующую статью Тройственного пакта, Германия, Австро-Венгрия и Италия потребовали у султана закрыть Дарданеллы для английского флота. Требование полностью соответствовало Берлинскому трактату, султану пришлось подчиниться, и вероятная атака на Батум и Поти захлебнулась.

Правящие круги Британской империи и в 1890-е годы не оставили попыток оказать нажим на Россию и её внешнюю политику. Супруги Шаровы работали тогда в Лондоне. Однажды в одной из газет Алексей наткнулся на статью известного исследователя Д. Гилларда. Тот полагал, что Англия стремится любой ценой обеспечить безопасность Индии и помешать русской экспансии на Ближнем Востоке. Для этого она «пытается проникнуть на Памир, сколотить коалицию азиатских правителей против России, укрепить Османскую империю с целью воспрепятствовать установлению там русского влияния».

В октябре 1892 года в Петербург срочно полетела шифрограмма: «Английское правительство вновь стало вынашивать планы об атаке черноморского побережья Российской империи». Тем не менее высказывалось предположение, что Великобритания нанесёт удар по России только при исключительно благоприятных для этого условиях. 6 сентября 1893 года Алексей показал шефу вырезку из газеты «Пайоннир Мэйл»: «Ситуация, сложившаяся в русско-английских отношениях, напоминает шахматную партию, в которой

соперники пытаются добиться позиционного превосходства». Рассматривая регион, где столкнулись интересы России и Англии, газета отметила, что шахматная доска в данном случае раскинулась от Каспийского моря до Индийского океана и охватывает Памир, Афганистан и Персию.

К 1895 году англо-русские противоречия обострились настолько, что в Лондоне стали разрабатывать куда более конкретные, чем прежде, планы военных действий против России. Как раз в это время британский военный атташе в Тегеране подполковник Пикот и прибывший из Мешхеда полковник Уайт «обсудили целесообразность распространения системы шпионажа на Среднюю Азию и Кавказ». Пикот представил британскому послу в Иране сэру Мортимеру Дюранду меморандум следующего содержания: «Единственная информация о передвижении русских войск в Транскаспий поступила от консула в Батуме Пикота. Хотя английское генеральное консульство и учреждено в Мешхеде и продолжает наблюдение в Средней Азии вплоть до Самарканда, все же его сообщения о продвижении русских войск поступают лишь постфактум. Это порождает необходимость получать секретные сведения из Баку и Тифлиса».

Петербург срочно предупредили, что свежая информация из Закавказья имеет для англичан первостепенное значение. Недаром они так хотят открыть в Баку консульство. Имея там и в Тифлисе своих постоянных представителей, Лондон сможет получать систематические сведения о военных перевозках по Закавказской железной дороге.

Закавказье было для английской дипломатии не только плацдармом, откуда Россия приблизится через Среднюю Азию к индийским границам, но и отправной точкой русской экспансии к югу, к Персидскому заливу. Поэтому Англия не брезговала ничем, только бы затруднить положение России в этом регионе, сковать ее по рукам и ногам.

В том же 1895-м в центре внимания британцев оказался и армянский вопрос. Кровавые избиения мирного населения, прокатившиеся по Турецкой Армении, лишили жизни более 300 тысяч коренных жителей. В Москву срочно пошла шифрограмма; в ней сообщалось, что в помощь жертвам резни (*слова геноцид тогда не было*) в Лондоне создан англо-армянский комитет. Ссылаясь на многочисленные и энергичные требования общественности, английское правительство заявило, что не останется безучастно к событиям в Турецкой Армении. Расчет был очевиден – вмешательством на стороне армян подчинить султана своему влиянию.

Русское посольство немедленно информировало Петербург: «В англо-армянском комитете меньше всего армян, этот комитет меньше всего заботится о несчастных турецких армянах. Зато влиятельных лиц из большой политики в этом комитете более чем достаточно. К нему принадлежит и герцог Вестминстерский, и, по сути, само правительство. Главная цель англичан – создать затруднения для России, возбудить волнения и осложнения близ ее кавказских границ, возбудить армян, закрыть для России доступ от Закавказья к Персидскому заливу, к Индии». И снова: «Прикрываясь личиной человеколюбия в армянском вопросе, Англия стремится, в конце концов, только к одному: создать затруднения для России».

В качестве противовеса России британские политики видели Германию. Собственные трения с ней их пока еще не беспокоили, они надеялись руками

немцев ударить по несговорчивому русскому медведю. Да и немецкая дипломатия находила союз с Англией небесполезным для Германии. Об этом свидетельствует перехваченное летом 1898 года русской контрразведкой письмо кайзеру министра иностранных дел Бюлова: «Всякое соглашение с Англией при теперешнем международном положении окажется направленным против России и упрочит безопасность восточногерманской границы...»

Попытки сблизить две державы предпринимались не впервые. Еще в феврале 1891 года в беседе с английским послом Ласселсом Бюлов пожелал достичь дружеского взаимопонимания с Англией. И сам кайзер открыто намекал: «Вряд ли Англия имела когда-либо такой благоприятный шанс для сближения с Германией, ведь на престоле Германии находился внук Виктории».

Активным сторонником англо-германского сближения выступал и министр по делам колоний Джозеф Чемберлен. Уже в России Алексею попала в руки его речь, произнесенная в ноябре 1899 года в Лейстере. «Я думаю, – заявил тогда Чемберлен, – что союз между нами и великой Германской империей станет очевидным для всех. Между нами бывают разногласия и недопонимания, но всегда была сила, объединяющая нас. Это единство интереса и чувства. Если союз между Англией и Америкой является значительным фактором в деле сохранения мира, то новый Тройственный союз между тевтонской расой и двумя ветвями англосаксонской расы возымеет еще большее влияние на будущее мира». В чем состоял расчет Чемберлена? Союз сильнейшей морской державы (Англии) с государством, имевшим очень сильную сухопутную армию (Германией), позволит распоряжаться судьбами планеты.

Короче говоря, в 80–90-е годы XIX века англо-русские противоречия так обострились, что разрешить их правящие круги Великобритании намеревались ударом по Закавказью – не только основному источнику русской казны, но и главному плацдарму для проникновения России в Среднюю Азию и на Ближний Восток. Упорные многочисленные попытки Лондона развернуть здесь агентурную сеть, а может быть, и прибегнуть к диверсиям очень и очень красноречивы. Они свидетельствуют, что руководители российской контрразведки не зря ели свой хлеб. В Петербурге вовремя предугадали действия англичан и противопоставили им удачные контрмеры.

Об этих мерах и пойдет речь в следующих главах.

ПОПОВ ИЛИ МАРКОНИ?

Читатель, наверное, заметил, что я, как и обещал, не ссылаюсь больше на лондонские страницы дневника Надежды. Но всё же, прежде чем излагать события, предопределившие официальный статус моих героев в пору их многолетней службы в Баку, воспроизведу дневниковую запись от 1 июля 1902 года. Кстати, вслед за страницами с этой записью располагалась первая стопка нечитабельных листков.

Да, вот уже много лет я веду дневник – одно время мишень бесконечных насмешек Алёши. Ему, конечно, любопытно было знать, о чём я пишу. Но я уверила его, что, по крайней мере, о нашей работе здесь нет ни слова, и он оставил меня в покое.

Однажды, когда мы насовсем уже вернулись в Россию, я попыталась бросить дневник. И не смогла. Это как наркотик. А ещё дневник очень помогает разобраться в себе, потому что для самоанализа неплохо всё расписать и разложить по полочкам. Кстати, в Лондоне каждый мой день был настолько загружен, что времени на дневник практически не оставалось, я записывала что-то, только когда получала весточку с родины. В них обычно говорилось о рождении очередной племянницы или племянника, замужестве многочисленных двоюродных сестер или женитьбе столь же многочисленных кузенов, о кончине престарелого родственника. Но мне-то хотелось пообщаться с самой собой и, воспользовавшись поводом, выплеснуть на бумагу свои мысли и чувства.

Неизменно возникал естественный вопрос: о чем писать? Первое, что приходило в голову – о себе. Но так, чтобы не перечислять фактов и не описывать "жизнь тела", а сосредоточиться на "жизни души". То есть улавливать и фиксировать свои мимолётные ощущения, страсти, томления, сомнения. Не менее важна и "жизнь ума" – попытки осмыслить и воспроизвести словами то, что поименовано выше. Я, конечно, понимаю, что три эти жизни существуют нераздельно, разять их почти невозможно. Но ведь есть приоритеты. Кто-то первым делом фиксирует свои действия, и получается хроника, кто-то – переживания, и получается психологический этюд, кто-то – логику умозаключений, и получается... Сама не знаю, что тогда получается. Жаль, нет у меня таланта выразить одно через другое.

Жизненные установки, которые прививались мне родителями, преподавателями гимназии, моим окружением – это хорошо. Но дело вот в чём. Тебя учат, как надо поступать, и не объясняют – почему так, а не иначе. По крайней мере, меня и брата воспитывали в духе "так надо". А потом это вошло в привычку, стало стереотипом. Останься я в Карабахе, вся моя жизнь обернулась бы, пожалуй, набором стереотипов.

Потом я попала в русскую среду, затем в страну с другими обычаями и привычками – тем, что зовётся национальными традициями (например, чай с молоком), и чуть было не потеряла почву под ногами. В первые месяцы в Лондоне я многого не понимала, меня тоже не понимали. Молчаливый крик: объясните, почему так, а не иначе! Ответ: потому что мы так привыкли, а ты – иностранка. Все, что делаем мы, – хорошо, все, что русские, – плохо. Почему? Да потому, что это надо впитать с молоком матери. Об остальном не хочется говорить.

В этом году, как и планировалось, мы взяли отпуск ко второй годовщине папиной кончины, к 3 июля 1902 года. Июль Алеша намеревался провести со мной в Шуши, однако жизнь внесла свои коррективы. Случилось это в первый же наш вечер в кругу родных. После бесконечных тостов за встречу, здоровье, удачу в делах и семейной жизни, радостные и хмельные, мы дожидались за столом чая. И тут на пороге появился почтальон со срочной телеграммой из Петербурга. Что случилось? Официально Алёша занимался поставками радиотехнического оборудования на корабли Каспийской флотилии. А в середине июля в Кронштадт должен был прибыть итальянец Гульельмо Маркони. Вот начальство и предписало мужу встретиться с ним. И все планы насмарку. Сегодня утром Алеша выехал в Баку, оттуда в Петербург.

А начиналось всё так.

Связь изначально была двигателем прогресса. Люди с незапамятных времён мечтали мгновенно связываться друг с другом. Веками эти мечты поверяли сказкам, а дальше них дело не шло. Но уже к концу XIX столетия сказка потихоньку становилась явью. Мир оплела сеть телеграфных проводов, сообщения из Петербурга в Нью-Йорк доходили за считанные минуты. Чуть позже изобрели телефон, и на расстояние стало возможно передавать не только буквы, но и живую речь. Но для такой связи требовались провода. К тому времени огромные лайнеры бороздили океаны, и устойчивая связь с сушей была для них насущной необходимостью. Мгновенная беспроводная связь по-прежнему оставалась мечтой. Но подоспело время воплотить её в жизнь.

Великий английский физик Джеймс Клерк Максвелл еще в 1864 году теоретически доказал существование электромагнитных волн. Они, утверждал учёный, преодолевают значительные расстояния без каких-либо проводников. Менее чем через четверть века этими невидимыми волнами занялся талантливый немецкий экспериментатор Генрих Герц. В 1887–1888 годах он поставил ряд опытов с устройством, способным передавать и принимать электромагнитные волны. Правда, оно было малочувствительным и работало лишь на очень малом расстоянии.

Вскоре путь к созданию чувствительного приёмника был открыт. Француз Э. Бранли и англичанин О. Лодж обнаружили, что трубка, наполненная

металлическим порошком, реагирует на электромагнитные волны. Как только на передатчике проскакивала искра, трубка, которую назвали когерером, принимала сигнал и начинала проводить ток. Но чтобы принять следующий сигнал, когерер следовало слегка встряхнуть, возвращая в исходное состояние.

Об опытах Бранли и Лоджа узнал инженер Александр Степанович Попов, преподаватель минного класса в Морском ведомстве. Он отчётливо сознавал, сколь необходима беспроводная связь. И искал практическое применение «волнам Герца». Попов создал аппарат, в котором когерер отзывался на каждый сигнал. Это позволяло принять ряд сигналов один за другим, надо было только подключить к когереру электрический звонок. Едва появлялся сигнал, молоточек звонка ударял по когереру, возвращая его в исходное состояние. Благодаря этому «звяканью» можно было принимать сообщения азбукой Морзе – к аппарату подключалось перо, и оно регистрировало сигналы на движущейся ленте.

7 мая 1895 года Попов впервые публично продемонстрировал прием и передачу радиосигналов на расстоянии около 60 метров. А уже летом его приемник с подключенным пером регистрировал на ленте грозвые разряды. Это был первый прибор Попова, приносивший практическую пользу, так называемый «грозоотметчик». 12 мая газета «Кронштадтский вестник» коротко сообщила об этом событии, упомянув, что поводом к опытам послужила теоретическая возможность посылать сигналы «электрическими лучами» на расстоянии без проводов. Детальное описание приемного устройства напечатал в своём августовском номере «Журнал РФХО».

24 марта 1896 года на лекции в Русском физико-химическом обществе Попов азбукой Морзе передал радиограмму со словами «Генрих Герц». Теперь его устройство покрывало уже 250 метров. Успех был налицо, но чтобы связь осуществлялась на дальних расстояниях, требовалась ещё долгая работа. Попов, однако, не торопился. Он даже не запатентовал свое изобретение.

Зато молодой итальянец Гульельмо Маркони подошел к делу совсем иначе. В 1895 году он также добился некоторых успехов в телеграфировании без проводов, причем схема его приемника практически не отличалась от поповской. Как и у Попова, система Маркони пока что работала на небольших расстояниях, тем не менее, предприимчивый юноша – ему был двадцать один год – загорелся желанием найти ей широкое применение. Получив отказ в итальянском почтовом министерстве, в начале 1896 года Маркони отправился в Лондон. Там он немедленно обратился за патентом и 2 июля 1897 года, спустя более двух лет после демонстрации Поповым своего приемника, получил его. Затем основал акционерную компанию, в которой имел больше половины акций. В итоге Маркони стяжал себе славу первооткрывателя.

Шумиха, поднятая им, дошла до России. Алексею Шарову поручили познакомиться с итальянским радиотехником и предпринимателем, войти к нему в доверие и проинформировать Петербург о дальнейших его планах.

В своей первой шифрограмме Алексей сообщил: Маркони уже в 1898 году обеспечил первое применение радиосвязи на практике. Когда принц Уэльский, будущий король Эдуард VII, повредил на балу ногу и отправился восстанавливать здоровье на королевской яхте «Осборн», Маркони обеспечил достаточно надежную связь между яхтой и прибрежной королевской резиденцией.

Практический дебют системы Попова состоялся несколько позже, когда он разработал новый, более чувствительный приемник, основанный на так называемом телефонном детектировании. В нем использовались наушники, а не звонок, и можно было поймать более слабый сигнал. В январе 1898 года Попов получил письмо от французского инженера и предпринимателя Эммануэля Дюкрете с предложением установить деловые связи. В том же году фирма «Дюкрете» выпустила первые радиостанции для военно-морских флотов России и Франции.

А уже в ноябре 1899-го броненосец «Генерал-адмирал Апраксин» напоролся на подводную скалу недалеко от берегов Финляндии, входившей тогда в состав Российской империи. Чтобы освободить корабль, надо было взорвать скалу. На эту операцию требовалось немало времени. Для ускорения спасательной операции линию Гогланд–Котка протяженностью 47 километров оснастили двумя радиостанциями фирмы «Дюкрете». Линия заработала не сразу, но к 6 февраля 1900 года связь удалось установить. Она проработала 84 дня и передала 440 радиограмм, в том числе самую длинную, в 108 слов – о том, что броненосец спасен. Беспроволочный телеграф доказал свою надежность, и русский флот принял его на вооружение.

В 1900 году по инициативе Попова Морское министерство создало в Кронштадте мастерскую по производству аппаратуры беспроволочной телеграфии, которая за шесть лет изготовила 36 радиостанций.

Примерно тогда же в одной из последних своих шифрограмм из Лондона Шаров передал схему так называемой «синтонной настройки». Маркони запатентовал ее в 1900 году. Она позволяла передавать и принимать сигналы на волнах определенной длины (частоты). До этого две одновременно работавшие радиостанции всегда мешали друг другу, теперь они работали на разных частотах.

Началась эра радиостанций. В первую очередь их использовали для связи между морскими кораблями и берегом. Ими оснащались военные и гражданские суда. Основными производителями таких станций стали британская фирма «Маркони», французская «Дюкрете» (с ней сотрудничал и Попов), американская «Де Форест», а также немецкие компании, которые в 1903 году создали общую фирму для выпуска радиотехники, – «Телефункен».

Шаров сообщал в Петербург, что при активном содействии британского правительства Маркони начал коммерческое продвижение радио; его фирме удалось захватить наибольшую часть рынка. Гражданским судам, как правило, запрещалось оснащаться радиостанцией Маркони. А те, кто получал подобное разрешение, в обязательном порядке вместе с оборудованием использовали за отдельную регулярную плату словосочетание «оператор Маркони».

Через береговые радиостанции, с которыми связывались корабли, можно было переслать сообщение в телеграфную сеть, а значит – на любой адрес. Заметная часть этих «базовых станций» также принадлежала компании «Маркони».

Операторам «Маркони» – безразлично, на суше или на судах – запрещалось устанавливать связь с радиостанциями других производителей. От кораблей, оснащенных системой Попова – «Дюкрете» или «Телефункен», – сообщения из-за этого запрета не принимались.

Радио помогало спасать жизни на море и на суше. Когда знаменитый океанский лайнер «Титаник» потерпел катастрофу, два находившихся на судне оператора «Маркони» непрерывно передавали в эфир сигналы бедствия. Именно благодаря этому многих пассажиров успели спасти. С тех пор установка радиостанций на кораблях стала обязательной.

В 1902 году итальянский монарх Виктор Эммануил III отметил свою коронацию морским походом на крейсере «Карло Альберто». В походе участвовали также Гульельмо Маркони и его друг, морской офицер Луиджи Солари. Когда крейсер бросил якорь в Кронштадте, его с официальным визитом посетил Николай II. Высокие гости осмотрели радиоаппаратуру, установленную на крейсере, и побеседовали с Маркони. В царской свите на сей раз оказался и хороший лондонский знакомый изобретателя Алексей Шаров.

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ

К концу XIX века во всех генерал-губернаторствах России существовали тайные отделения. В каждом из них офицер второго отдела управления Генерального штаба ведал разведкой, включая нелегальную. Нужно ли пояснять – отчего? Россия мало-помалу превратилась в объект пристального и постоянного внимания германской, австро-венгерской, итальянской, французской, швейцарской, румынской, японской разведок. О неусыпном внимании к ней Англии мы сказали особо. Разрозненные действия различных российских ведомств не могли сдержать шпионского натиска противников и конкурентов. Офицеры Главного штаба, его военно-ученого комитета, в числе первых пришли к ясному выводу – необходима планомерная борьба с иностранным шпионажем. Под их нажимом верхушка русской армии предприняла конкретные меры. Военный министр А. Н. Куропаткин учредил секретный розыскной орган. Его назвали для конспирации «разведочным отделением». Так возникла русская контрразведка.

«Разведочное отделение» создавалось в глубокой тайне. Ему поставили чёткую задачу – «охранение» военной тайны и обнаружение лиц, выдающих ее иностранцам. Как и при любом начинании, многое зависело от личности и деловых качеств первого руководителя. Им стал ротмистр Отдельного корпуса жандармов Владимир Николаевич Лавров, специалист по тайному государственному сыску. По договоренности с Министерством внутренних дел с должности начальника Тифлисского охранного отделения его перевели в военное ведомство.

Разумеется, выбор на Лаврова пал не случайно. Его хорошо знали в военно-ученом комитете. Взаимодействуя с офицерами-разведчиками штаба Кавказского военного округа, подразделение Лаврова активно противостояло шпионажу. Он понимал: Закавказье – стратегический регион империи, здесь в тугую узел связаны силовые линии тайного противоборства великих держав.

Именно к Лаврову, в Тифлис, заехал по пути в Баку Алексей Шаров. Лавров снабдил его рекомендательным письмом на имя бакинского вице-губернатора статского советника Павла Алексеевича Листьева, в частности, попросил побыстрее решить бытовые вопросы столичных гостей. В конце января 1901 года вице-губернатор принял Шаровых. Первым делом он занялся их трудоустройством. Официально Алексея приняли на службу в отдельную Каспийскую флотскую роту,

чтобы он вместе с ее начальником – заведующим судовыми и береговыми радиостанциями Владиславом Владиславовичем Саковичем – оснащал корабли радиооборудованием.

Что касается его основной работы, то согласно инструкциям, полученным от Лаврова, Алексей поступал в распоряжение начальника губернского жандармского управления (ГЖУ) статского советника Николая Александровича Лебедева. Надежде предложили официальное место в городской Михайловской больнице. Узнав, что родом она из Карабаха, директор больницы Лев Григорьевич Гальперин немедленно познакомил ее со штатными ординаторами Семеном Герасимовичем Агамировым и Ваганом Седраковичем Хандамировым. Оба они, бывшие шушинцы, радушно встретили землячку. Надежда несказанно обрадовалась.

Поскольку работа спецслужб по своему характеру не допускает огласки, почти не сохранилось их дореволюционных архивов. Поэтому изложу вкратце сведения, которые отчасти касаются деятельности моих героев. Вот несколько строк из воспоминаний начальника дворцовой охраны генерала А. И. Спиридовича: «Вся служба жандармерии была окутана для нас какой-то тайной. Сами жандармские офицеры своей сдержанностью и какой-то особой корректностью усиливали это впечатление и заставляли смотреть на них с некоторой осторожностью. В них не было офицерской простоты, они не были нараспашку и даже внушали какой-то непонятный страх. Почему и отчего – это было неясно... Но многие в обществе не любили жандармов, службу их бранили и говорили о них, что они все доносчики...»

Ну а Лавров... Он столь успешно организовал оперативно-розыскную работу, что уже к лету 1902 года на его мундире поблескивали два ордена: российский Св. Станислава 3-й степени и персидский Льва и Солнца. Последний ему было «высочайше разрешено принять и носить». Около года – с августа 1902-го по конец мая 1903-го – он руководил русской секретной полицией в Тифлисской губернии. Затем Лаврова перевели в распоряжение начальника Главного штаба. По межведомственной договоренности вместе с ним из Тифлиса в Петербург прибыли два наблюдательных агента – сверхсрочные унтер-офицеры Александр Зацаринский и Анисим Исаенко. Позднее в «разведочное отделение» перешёл губернский секретарь Владимир Перешивкин, прежде состоявший старшим наблюдательным агентом в том же охранном отделении.

К сожалению, я не располагаю сведениями о коллегах супругов Шаровых. Знаю только, что по прибытии в Баку Алексея с Надеждой познакомили с документом, озаглавленным довольно-таки витиевато: «Наставление и программа вопросов для туземных разведчиков, посылаемых в малоизвестные страны Средней Азии». Среди семидесяти его пунктов супруги обратили внимание на несколько – те не имели никакого касательства к их деятельности:

«Есть ли у владетелей страны постоянное войско или нет? Если постоянное войско есть, то сколько, примерно, человек пеших и конных? Все ли это войско живет в одном городе или стоит по разным городам? Откуда это войско взялось: составлено ли оно из жителей самой страны или из людей другой какой-либо страны, и какой именно? Если войско составлено из жителей своей страны, то как оно набрано: от селений или отдельных домов, силой, за плату или вместо подати? Есть ли пушки? Если есть, то сделаны ли они в самой стране или привезены и

откуда именно? Чем солдаты вооружены? Имеют ли они ружья, пики, сабли? Если ружья имеют не все, то из скольких человек один вооружен ружьем? Какие ружья, сделаны ли они оружейниками самой страны или откуда-нибудь привезены и откуда именно? Как они заряжаются: сзади или спереди?»

Алексей невольно сравнил эти вопросы с пунктами знакомой ему инструкции, подготовленной для немецких разведчиков:

«Никогда не забывай: в Германии ты немец среди миллионов немцев. За границей ты немец, по словам и поступкам которого судят о всей нации. Не скрывай, что твои родители немцы, но позаботься о том, чтобы иностранец был этим приятно удивлен. Если ты придерживаешься глупой точки зрения, что за границей всё много хуже, чем дома, оставайся дома. Думаешь, что на чужбине всё лучше, – не возвращайся домой. Путешествуя по чужой стране, не привлекай к себе внимание замкнутостью. Чем ты тише, тем громче о тебе говорят другие. Будь в меру общителен. Одевайся так, чтобы оставаться неброским. Пой только тогда, когда тебя попросят. Не стремись превзойти встречного, если видишь, что он сильнее. Если же ты сильнее в чем-то, дай себя победить, чтобы завоевать надежных друзей. Не забывай, что только названия достоинств и пороков могут переводиться на другие языки. Однако, что они означают, в каждой новой стране ты будешь узнавать заново. То, что тебе кажется странным в чужом народе, постарайся понять. Не удастся самому, разужай у других. Находясь за границей, стремись только понять или узнать, но ни в коем случае никого не поучай».

Сам Алексей собирался использовать в Баку навыки, заимствованные из опыта английской разведки. Что-то, а их он в Лондоне усвоил отменно. Английские разведчики предпочитали действовать незаметно, рассредоточившись на маленькие группы и соблюдая правила конспирации. Даже центральный аппарат их службы был разбросан по всей столице. Различные отделы функционировали под крышей мелких лавочек, мастерских, книжных магазинов, кафе.

Именно поэтому в марте 1901 года в бакинское рекламное издательство и контору объявлений Г. Н. Яковлева поступила просьба напечатать такую вот рекламку: «Техническая контора инженера Т. А. Будагянца, расположенная в доме Д. В. Аван-Юзбашева, что на углу Красноводской и Меркурьевской улиц, увеличила ассортимент оказываемых услуг и приступает к оснащению судов аппаратурой беспроводной телеграфной связи, изготовленной во Франции фирмой "Дюкрете"».

Алексей составил список оснащаемых кораблей Каспийской флотилии. В него среди прочих попали канонерские лодки «Карс» и «Ардаган», посыльные суда «Астрабад» и «Геок-Тепе», портовое судно «Красноводск» и транспортное «Аракс».

И, наконец, чтобы покончить со «шпионскими страстями», приведу высказывания на этот счёт двух великих людей.

Первое принадлежит итальянскому политическому мыслителю, историку и писателю Макиавелли, жившему в XVI столетии: «Чтобы разведать намерения противника и узнать его распоряжения, некоторые полководцы отправляли к нему послов, которых сопровождали ловкие офицеры, переодетые лакеями; пользуясь случаем, эти последние осматривали неприятельские войска, замечали их слабые и

сильные стороны и таким путем изыскивали средства для одержания победы. Другие полководцы подвергали мнимому изгнанию доверенных лиц, которые искали убежища у неприятеля, раскрывали его намерения и передавали их своим военачальникам».

У Макиавелли есть ещё одно высказывание: «Отечество надо защищать честным или хотя бы бесчестным образом. Все средства хороши, лишь сохранена была бы целость его. Когда приходится обсуждать вопрос, от решения которого единственно зависит спасение государства, не следует останавливаться ни перед каким соображением справедливости или несправедливости, человечности или жестокости, славы или позора, но, отбросив всякие соображения, решиться на то, что спасает и поддерживает».

Прусский король Фридрих Великий (1712–1786) придавал большое значение заблаговременному сбору сведений о противнике. Он понимал значение разведки и внёс немалую лепту в эту «науку нечистой игры», положив конец шпионажу как развлечению или дворянской авантюре. Фридрих умело и систематически использовал лазутчиков, именно в этом он ярче всего проявил свои особенности военачальника. Его даже прозвали отцом организованного военного шпионажа. Известны его слова о том, что на ратном поле важно иметь при себе одного повара и сотню шпионов.

Своих агентов Фридрих делил на четыре категории: обыкновенные агенты, которых вербуют из бедняков и которые довольствуются небольшим вознаграждением; двойные агенты, доносчики и ненадежные ренегаты, пригодные главным образом для дезинформации противника; агенты-царедворцы, знать, штабные офицеры и тому подобные конспираторы, неизменно требующие крупного вознаграждения; лица, занятые шпионажем против своей воли.

В своем труде «О военных учреждениях» Фридрих писал: «На войне приходится действовать то с отвагой льва, то с лукавством лисицы, где не берет сила, там возьмет хитрость. Поэтому безусловно необходимо пользоваться и той, и другой: это составляет один лишний шанс на успех. Часто сила не уступает силе, но часто также хитрость берет верх над силой».

События, последние три столетия происходившие в Карабахе и вокруг него, лишний раз подтвердили правоту двух этих великих людей.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Опускаю страницы, где Надежда с умилением описывает, как общалась с многочисленными племянниками и племянницами. Шутки шутками, а к концу 1902 года у Левона с Натальей родилось четверо детей: Нина в 1892-м, Елена в 1896-м, Гевонд в 1900-м и Саркис в 1902-м. (Позднее на свет явились еще три девочки – Вера, Надежда и Любовь; увы, они скончались, не прожив и пяти лет. Последней из оставшихся в живых детей в семье Шакарянов стала моя мама Изабелла, родившаяся в 1912 году.)

Вот о чем думала моя героиня в свой сороковой день рождения, удивительным образом совпавший с десятилетием ее самой любимой и на редкость хорошенькой племянницы Ниночки:

21 декабря 1902 года.

Сегодня мне сорок лет. Возраст, когда уже можно и нужно сказать самой себе: «Что ты такое? Чего ты добилась в жизни, что в ней главное?» Боюсь, я не в состоянии сполна ответить на этот вопрос.

Ведь это Алексей получил диплом с отличием, это ему предложили службу за рубежом, и мы метались между Лондоном, Петербургом, Костромой и Шуши. Все происходило по странному, неизвестно кем написанному сценарию. Мне в этом сценарии отведена роль скромной статистки, помощницы, лишённой права принимать самостоятельные решения. Иногда я спрашиваю себя: «Неужели ты, которой с детства всё давалось легко, с лёта, так безропотно согласилась стать тенью своего мужа, беспрекословно выполнять его указания, прекрасно понимая, что и он не волен распоряжаться своей судьбой?»

Годы в Англии обогатили меня жизненным опытом, познакомили с опасностями, дали возможность испытать себя. Это, конечно, так. Но одновременно они выбили меня из накатанной колеи. Ещё сильнее подействовала на меня скоростная смерть отца, да и утрата Алешей родителей тоже не прошла незаметно. Ну а переезд в Баку – этот пронизанный нефтяными запахами вонючий и грязный город (особенно после Лондона и Петербурга) – всё

больше склоняет меня к мысли, что я ещё не нашла главного в жизни. Вернее, не я, а мы, потому что куда ж я теперь без Алёши?

Ломаю себе голову в поисках этого главного. В чём оно, есть ли оно вообще? Меня мучает хандра и меланхолия – мне столько лет, а я ещё ничего, в сущности, не сделала и не знаю, что нужно сделать.

Хорошо ещё, есть у меня в характере вечное недовольство собой, вечная неудовлетворенность. А не будь их, то, выслушивая по разным поводам похвалы от мужа и начальства, я бы, пожалуй, давно превратилась в самоуспокоенную, самонадеянную и самовлюбленную курицу. И если мне суждено когда-нибудь чего-то достичь, то лишь благодаря этой вечной неудовлетворенности собой. А пресловутые мои способности, про которые я столько слышала с детства, пока что не воплотились ни во что конкретное, надо это с горечью признать.

Напутствуя нас перед отъездом в Баку, один из кураторов словно бы вскользь проговорил:

– Талант – это, знаете ли, прилежание, талант – это труд. Быть уважаемым и ценным и хорошо, и приятно, и очень не просто. Тут опять же не обойтись без ежедневной работы, упорства, целеустремленности. Словом, удачи вам.

А через минуту-другую он сказал, что неизменно руководствовался девизом «Если быть, то быть лучшим». И не позволял себе думать: «Если быть, то быть не последним».

– На первый взгляд похоже, а разница колоссальна. Быть не последним несложно, не надо напрягать все силы. И они пропадут втуне. Соответственно и жизнь будет неполной, неполноценной. А человек рождается сделать всё, что может, всё, на что способен.

По дороге в гостиницу Алексей неожиданно спросил:

– Ну, ты согласна с шефом? Если быть, то быть лучшим! Жизнь – это борьба, борьба – это труд! И вся жизнь – труд. Согласна?

Мне почему-то было грустно, не хотелось умничать, рассуждать. И я молча кивнула.

3 января 1903 года.

У меня дурацкое состояние. Накануне Нового года в Шуши выпал снег. Я играла с племянниками в снежки, простудилась и слегла. Чувствую ужасную слабость. Не дождавись моего выздоровления, Алексей уехал утром в Баку. Я теперь у мамы на попечении. Наталья строго-настрого наказала детям не шуметь и не беспокоить меня по пустякам. Никогда не думала, что даже краткое пребывание в родительском доме так подействует на меня. Возвращаться в Баку так не хочется! Там непереносимо скучно, хотя в больнице я обзавелась хорошими друзьями. Семен и Ваган хорошие люди, и мы подружились удивительно быстро, хотя с возрастом я всё труднее схожусь с новыми лицами. Всё-таки карабахские корни – великая вещь. Если даже говорить не о чем, всегда есть неисчерпаемая тема – Шуши. Воспоминания, общие знакомые и даже дальние родственники, любимые места – всё это сразу сближает и отвлекает от утомительной, однообразной повседневности.

У каждого человека, должно быть, есть глубокие, никогда не заживающие раны. Есть они и у целых народов, у нас, армян, в частности. Сегодня все мы немного не в своей тарелке. В воздухе витает угроза ли, тревога ли, не знаю, как определить. Нарастает и нарастает напряженность между армянами и татарами. Две общины с недоверием глядят друг на друга и в Баку, и в Шуши. За примером недалеко ходить. Утром мама сняла со стены в моей комнате ковер, отперла дверь спрятанного под ним тайника. Когда я была маленькой, в нём не было нужды. Родители держали там документы, золотые монеты, кое-какие украшения и драгоценности, да и то без особой необходимости. Сегодня же мама надумала пересмотреть содержимое тайника. Достала украшения, стала примерять. Потом взялась делить их на две неравные части: большая, мол, отойдет Левону и его детям, а меньшая – мне. Тут дети затеяли в соседней комнате шумную возню. Мама спешно сложила в шкатулку Левонову долю драгоценностей, платёжные ведомости, кое-какие бумаги отца, его диплом о присвоении личного дворянства, ещё что-то, сунула шкатулку в тайник и кинулась утихомиривать бедокуров. На столике осталась моя доля. Мною вдруг овладело такое любопытство, что просто сладу с ним не было. Встала с постели, подошла к столику и ахнула от изумления.

Оказалось, мне предназначено настоящее произведение искусства, по-другому не скажешь. Набор: серьги на бархотке, кулон и браслет. Красота – неповторимая, шедевр ювелирной работы, единственный, наверное, в своём роде. В центре каждой вещицы красуется тюльпан, очень необычный, с открытой, распутившейся чашей. Никогда не видела ничего подобного. От основания к открытой этой чаше тянется небольшой гранат с налитыми, сочно-багровыми плодами. Его ветви обвивают, окантовывают чашу. Изнутри тюльпан выложен бриллиантами разной величины, а вокруг него – веточки яхонтов, сапфиров, изумрудов, и на каждом камешке особый рисунок. И всё это в миниатюре. Передать эту красоту словами – выше моих сил!

Забыв о слабости, я подошла к зеркалу примерить это чудо. В комнату как раз вернулась мама, обняла меня.

– Знаешь, как было, дочка? Сперва мы с папой собирались дарить этот набор по частям...

– Именно мне? – не выдержала я.

– А кому ж ещё? Но не сразу. Родится у тебя первый ребёнок – серьги, родится другой – кулон. И так далее. Когда же узнали мы горькую новость, что детей у тебя не будет, решили сделать иначе – подарить вам с Алёшей весь набор к серебряной свадьбе. Только папа, светлая ему память, не дожил...

– Сколько же ещё ждать, мама!

– Всего десять лет, дочка. Тебе как раз исполнится пятьдесят, будет двойной праздник.

– Ну, мама, тебе виднее...

– Да-да, я всё продумала, так и будет.

На том и порешили. Набор отправился в тайник, мы вместе повесили ковер на место, я легла. Вот у меня с мамой и появился секрет, единственное, что я скрою от Алексея.

28 марта 1903 года.

Вчера меня навестили коллеги по больнице. Разговор зашел о правилах поведения в сложных, конфликтных ситуациях. Алексей поразил всех своими познаниями в психологии, ведь он еще в институте начитался разных книг и выработал для себя доведенные до автоматизма правила поведения. Надо сказать, эти правила полностью себя оправдали. Для меня они не новость, а гости с интересом Алёшу слушали.

Формулирует он их примерно так.

При возникновении сложной, стрессовой ситуации надо задвинуть эту ситуацию на периферию сознания; сделать это надо сразу, механически и сказать себе: кончено, всё прошло.

Надо мысленно вырвать себя из событий, сказать себе: я вообще ни при чём. От тебя ждут реакции, чтобы ответить тебе, а тебе нет до этого дела, пусть они (он, она) делают, что хотят.

Надо осознать, что сложная ситуация – единый миг, а жизнь текла до нее и не остановится после. Пройдет время, случатся новые события. Никто не запретит тебе вернуться назад, к этой ситуации, проанализировать ее в целом, но – в качестве прошедшей. Ты будешь уже хозяином положения, войдешь в него уверенно, как барин в свою деревню.

Шок обычно возникает из-за того, что событие случилось неожиданно. При этом срабатывает «дурман линейного мышления» – человек видит негативный раздражитель и негативно реагирует сам. Его обидели – он плачет, или злится, или приходит в ярость. Надо понять, что любое, самое скверное событие в будущем может обернуться другой стороной. Нельзя реагировать линейно и быстро, лучше вообще не реагировать, подождать, когда случившееся прояснится, увидеть его в истинном свете. Помести, так сказать, свои переживания в банк, а потом получи проценты.

Если уж не удалось избежать стрессовой ситуации, нельзя распускаться, принимать её близко к сердцу, пытаться изменить, переиграть. Улыбнись, пошути, фигурально выражаясь, отойди в сторону и взгляни на неё чужими глазами. Ответить, отреагировать можно потом, осознав свои цели и задачи. Не показывай непосредственную свою реакцию, не будь искренним. Напротив, огрубей, отнесись к случившемуся как циник.

Все прежние события сегодня не равны себе вчерашним, и люди со своими словами и поступками – тоже. Не просто не равны – противоположны. Отсюда следует, что решения, которые ты принимаешь в горячке, неправильны, поскольку приняты на основе поверхностного, сиюминутного взгляда на вещи. Пройдет время, и откроется обратная сторона людей и событий.

Итак, что же требуется?

Снизить накал эмоций, осмотреться, трезво взглянуть на окружающий мир: идет дождь, поднимается ветер, в почерневших тучах сверкают молнии...

Раздробить ситуацию, уронить ее, как вазу, на пол, пусть она разлетится вдребезги.

Непрестанно держать в уме, что через мгновение, в иных координатах пространства и времени, ситуация переменится, может, и чуть-чуть, на миллиметр, но будет уже другой.

Смириться, но искать выход из положения.

Когда гости ушли, я набросилась на Алексея, упрекала его в затворничестве. Он и не думал оправдываться.

– Сколько мы с тобой вместе? Пятнадцать лет? – Он говорил необычно жёстко, сухо. – Все эти годы я занимаюсь одним только анализом сложившихся ситуаций. А ты?

Я растерялась.

– А что я?

– А ты даже не попыталась разобраться во мне. Знаешь, как в таких случаях говорят? Пиши на себя жалобу.

1 апреля 1903 года.

Прошло три дня после Алёшиных откровений. И я, и коллеги все еще находимся под их впечатлением. И каждый вслух или про себя дополняет услышанное.

Вчера, например, Семен Агамиров высказал такую мысль – свершившись, событие навсегда уходит в прошлое, и ни о каком его повторении не может быть и речи. Каждое последующее мгновение ново, поиски утраченного времени бесполезны. Только в особо кризисные моменты вулкан наших ежеминутных потерь извергается: прошлое поднимается из глубины, и мы ужасаемся «громадной утрате», плачем, кричим, пытаемся повернуть события и время вспять. Удивляемся, хотя удивляться-то на самом деле нечему: громадная утрата не что иное, как сумма десятков, сотен и тысяч потерь, которых мы не замечаем. А почему? Разрешающая способность нашего мозга не в силах уловить и зафиксировать всё. Только редкие из этих потерь запечатлеваются, как мгновенная фотография, в нашем сознании.

В свою очередь я заметила, что уже слышала нечто подобное. Дело было года два с половиной назад. Мы только-только вернулись из Лондона. И нам посоветовали послушать доклад Алексея Ухтомского. Двадцатипятилетний кандидат богословия, он поступил тогда, чтобы пополнить образование, на естественное отделение Петербургского университета. Молодой учёный произвёл на нас глубокое впечатление. Как сейчас помню его слова: «Мир управляется свободой и любовью. Ищущие же своего удостоверения и обеспечения стремятся опереться на мертвые постоянства, и тогда в основе мира предполагают мертвые формы...» Речь, с одной стороны, шла о желательности «строжайшего обдумывания своих поступков», а с другой – о необходимости доверять внутреннему голосу, инстинкту. Лично мне представляется, истина должна быть посередине. Но как достичь этой золотой середины, какими железными правилами руководствоваться? Это очень трудно.

Тему свободы и любви попытался развить и Ваган Хандамиров. Он сказал, что много лет изучает подростковый самоанализ, пытается проникнуть через него в мир ещё не сформировавшегося человека. «Я пришёл к выводу, что для подростка нет ничего важнее любви, он стремится к ней, жаждет обрести её».

Ваган привёл любопытный пример. Один из его пациентов придумал себе любимую девушку. В своем дневнике он красочно живописал единственную встречу с ней, адресовал ей письма, она на них отвечала. Всякий раз он изобретал новую причину, почему девушка не могла с ним встретиться. То родители увезли ее в деревню, то увлекшись музыкой, она день и ночь играла на рояле, то заболела. Короче говоря, они долго не встречались, но по-прежнему любили друг друга. Юноша был невзрачен, невысок, очень застенчив. Он искренне верил в сочинённый мир любви, в «свою девушку», плакал, тоскуя по ней. Эти слезы, вызванные фантазией, мечтой, фантомом реальности, поддерживали в нем необходимый уровень энергетической напряженности, питали его душу. В противном случае могла наступить эмоциональная деградация, человек вырос бы духовным инвалидом.

– Чувство важно само по себе, – сказал Хандамиров, – оно способно заменить эмоционально бедную реальность, особенно в период, когда личность ещё только формируется. Оно может быть и материальным, если направлено на реальное существо: встречи, поцелуи. Но при развитой фантазии может быть и сугубо эфемерным.

Алексей не перебивал, не задавал вопросов. А когда гости разошлись, неожиданно сказал:

– Хорошие у тебя сослуживцы. Умные, мыслящие. Тебе повезло. Я очень этим доволен.

Пробел между читабельными и нечитабельными страницами в дневнике Надежды надо было чем-то заполнить. Честно признаюсь, я решил немного развлечь своего читателя. Но! «Развлекательный материал» имеет отношение, пусть и косвенное, к служебной деятельности моих героев. Итак...

РОМАН РАЗВЕДЧИКА И РОМАН «ОВОД»

Мощная британская разведка имела сложную структуру и многочисленный персонал. Русский агент, сменивший в Лондоне Алексея Шарова, в декабре 1907 года отправил в Петербург донесение «Об организации и личном составе разведывательных отделений в Англии и Индии». Разведотделение английского военного министерства, писал он, числится в отделе военных операций и включает в себя две части: европейскую и азиатскую.

Европейская часть собирала, обрабатывала и распространяла сведения, касающиеся военной географии, средств и вооруженных сил всех европейских государств за исключением России. Азиатская часть вела сбор информации в России, Китае, Японии, Корее, Америке (Северной и Южной), а также ведала «сведениями об Индии и сопредельных ей территориях».

Возглавлял азиатскую часть полковник У. Холден. У него в подчинении находились офицеры четырех подразделений, причём в так называемом Российском отделении работали майоры В. Макбейн, А. Джеддс и капитан Р. Уайт. В донесении говорилось, что при штабе главнокомандующего британскими войсками в Индии функционирует крупное разведывательное отделение: 20 офицеров во главе с подполковником В. Маллесоном.

Более подробную информацию о работе этого отделения представила Генштабу разведка Туркестанского военного округа. Побывавший в Индии с секретным заданием статский советник Половцов в 1907 году сообщил, что в этой стране действует несколько разведшкол. Слушатели центральной школы в Бомбее, британцы, изучают по выбору русский, персидский или китайский язык. В прочих школах к шпионской работе готовят выходцев из азиатских народностей. Половцов сообщал, что существует секретное соглашение, в силу которого английские разведчики с ведома афганских властей «время от времени пропускаются через афганские пределы для проникновения в российские владения». В одну из поездок Алексея в Петербург его познакомили с этой информацией. На полях донесения было размашисто написано: «Полезно знать». «Чья это помета?» – спросил Алексей. «Его величества», – доверительно сказал куратор.

Список сотрудников Русского отделения ничего не дал Алексею: он не сталкивался с этими людьми, не слышал их имён. «Ещё не прославились», – усмехнулся он про себя, вспомнив одного знаменитого английского разведчика, с которым судьба столкнула его, пусть и не лоб в лоб. А тут он прочёл о нём в досье, составленном русской разведкой. Склонный собирать занятные рассказы, не содержавшие государственной тайны (вроде тех, которыми он огородил Надежду в день их знакомства), Алексей тогда встрепенулся. В досье среди прочих материалов имелась и своего рода «клубничка» – там добросовестно описывались любовные приключения агентов. И Шаров не упустил шанса пополнить свою копилку несколькими романтического свойства эпизодами.

Героем одного из них оказался супершпион Сидней Рейли. Он владел семью языками, жил с одиннадцатью паспортами и сменил столько же жён.

Зигмунд Георгиевич Розенблюм – таким было подлинное имя Рейли – родился в Одессе в 1874 году. Девятнадцати лет от роду он убежал из дому и, пробравшись тайком на пароход, в конце концов оказался в Южной Америке. Его побегу предшествовала личная драма: воспитанный матерью-полькой в строгих католических традициях, молодой Зигмунд узнал, что отец у него вовсе не офицер царской армии, а венский врач-еврей.

Работая поваром и охранником экспедиции в джунглях, в Бразилии он попал в поле зрения местного резидента английской разведки. Тот завербовал его. В качестве первого задания новоявленному агенту «Интеллидженс сервис» поручили разведать, что происходит на нефтяных месторождениях в районе Баку и нефтеперерабатывающих предприятиях близ Батума, благо русский язык был для него родным. Шёл 1897 год. Тогда и появилось на свет российское досье Зигмунда.

Видимо, начинающий разведчик не оплошал. Его карьера продолжилась неподалёку от русских границ, в Персии. Здесь в 1899–1902 годах он служил под видом торговца медикаментами – сообщал об объёме и качестве добываемой нефти на персидских месторождениях, а попутно выяснял, кто финансирует в Европе буров (англичане тогда воевали с ними в Южной Африке).

В марте 1902 года разведчик вновь оказался в Баку. Накануне его приезда Алексей Шаров получил шифрограмму из Петербурга. Ему предписывалось взять агента под наблюдение; сообщались и некоторые факты из его биографии. В частности, русской разведке стало известно, что в свое время Розенблюм познакомился в Батуме с Маргарет Томас, 24-летней рыжеволосой красавицей, женой пожилого и богатого Хью Томаса. Вскоре тот умер при загадочных обстоятельствах, и в августе 1898-го Розенблюм женился на соблазнительной вдовушке. При этом он получил британский паспорт и девичью фамилию жены, став отныне Сиднеем Рейли, уроженцем ирландского города Типперери.

В Баку Рейли появился проездом. Он пробыл там менее двух недель и к большому облегчению Шарова укатил с женой по железной дороге в Москву. Вёл он себя крайне осмотрительно, подозрительных встреч не имел и куда не надо носа не совал. Элегантный и респектабельный господин. Осталось непонятным, что продержало его в Баку столько времени. Но разгадывать эту загадку предстояло не Алексею. Пути моего героя и британского разведчика разошлись навсегда, хотя шпионская деятельность Рейли в России продолжалась вплоть до ноября 1925 года,

когда его застрелили при попытке нелегально перейти границу. Но Алексей этого не узнал. Он погиб ещё раньше.

Однажды в Шуши родственники Надежды горячо обсуждали роман «Овод», одну из недавно появившихся и стремительно завоевавших Европу книг. Алексей вызвался рассказать любовную историю, косвенно связанную с романом. Его, конечно, спросили, откуда он её знает. Он улыбнулся: услышал в Лондоне. Насколько она достоверна? «Ну, не мне судить, – ещё шире улыбнулся Алексей. – Как говорится, за что купил, за то продал».

В 1896 году Сидней Рейли, тогда ещё Зигмунд Розенблюм, вернулся из Южной Америки. Познакомился в Англии, а может, ещё где-то с Люси Буль, дочерью замечательного английского математика Джорджа Буля и сестрой начинающей писательницы Этель Войнич (урожденной Буль). Люси свела молодого человека с сестрой. Этель была на десять лет старше Зигмунда, что не помешало ей стать его любовницей. Они вместе уехали в Италию. На Этель, женщину пылкую и революционно настроенную, произвели сильное впечатление захватывающие рассказы Розенблюма о своей богатой событиями юности, работе в подполье, постоянной смене имен и адресов. Надо ли говорить, что не обделённый воображением Зигмунд пересыпал подлинные события вымышленными подробностями, а нередко и наоборот – добавлял подлинные детали к вымышленным событиям? Так или иначе, но Этель взялась за перо и год или полтора спустя выпустила в свет свой знаменитый роман. В судьбе Овода – Артура Бертон легко просматривались вдохновенные рассказы Зигмунда. Кристально чистый герой из тех, кого принято было называть пламенными революционерами, во многом обязан своим рождением обаятельному и ловкому авантюристу...

Чего Алексей не сказал, так это того, что своими глазами видел Зигмунда Розенблюма в Баку. Правда, тот носил иное имя. От Войнич он давно ушёл. И никому не известно, читал ли он «Овода».

НАПРАШИВАЮТСЯ АНАЛОГИИ

Я, конечно, понимаю – читатель уже заждался конкретности. Как именно работали мои герои в Баку на разведывательной ниве, что делали, кому и каким образом противодействовали? Вот что хочет он узнать. Увы, вынужден его разочаровать... В дневнике Надежды нет ни общих сведений на этот счёт, ни непосредственных описаний или зарисовок. Может быть, они содержатся в нечитабельных спёкшихся листках? Маловероятно. Мы помним, Алексей строго-настрого запретил Надежде касаться в дневнике материй, не подлежащих огласке. Та пообещала ему и, судя по всему, слово своё держала и сдержала.

Положение может показаться безвыходным. Однако, собирая материалы для книги, я наткнулся на рассказ о немецком разведчике, имевшем касательство к шифровальной деятельности. Мне представляется, разведчик есть разведчик, шифровальщик есть шифровальщик, в какой стране и на какую бы страну он ни работал. Аналогия, разумеется, не полная, а лишь относительная. Но она есть, и это вне сомнений. А степень предполагаемого соответствия и сходства пусть определяют сами читатели.

«В марте 1915 года на норвежский пароход, отправлявшийся из Осло в Нью-Йорк, сел пассажир, по паспорту значившийся швейцарцем Эмилем Гаше. Под этим именем скрывался германский морской офицер Франц Ринтелен, которому и была поручена деликатная миссия в США. Фамилию Гаше выбрали не случайно. Это была девичья фамилия одной швейцарки, вышедшей замуж за немецкого офицера. Она сообщила Ринтелену все необходимые сведения о своей семье, чтобы он мог с успехом сыграть свою роль. Швейцарский коммерсант не вызвал никаких подозрений у офицеров, производивших осмотр нейтральных судов, и благополучно прибыл в Нью-Йорк. Ринтелен привез с собой особо сложный шифр, который передал германскому военному атташе фон Папену (впоследствии канцлеру и гитлеровскому дипломату-разведчику) и морскому атташе Бой-Эду.

Ринтелену было нетрудно пустить корни в Нью-Йорке. Ему оказали прямое содействие судовладельцы и промышленники – выходцы из Германии. В его распоряжении было также немало моряков германского торгового флота, которых война застала в США и отрезала от родины английская блокада. С помощью некоего Макса Вейзера Ринтелен быстро основал торговый дом "Э. В. Гиббонс и К°". Под вывеской этой экспортно-импортной конторы он и начал действовать. Немец-химик доктор Шеле предложил его вниманию свое изобретение. Это была свинцовая трубка с медным диском посередине. Обе части трубки, разделенные диском, наполнялись пикриновой и серной кислотами, которые при соединении воспламенялись. Регулируя толщину медного диска – только после того как его разъедали кислоты, происходило воспламенение, – можно было заранее рассчитать начало пожара. Знакомые моряки помогали Ринтелену закладывать "сигары" из свинца на корабли, перевозившие военное снаряжение. Сгорая, "сигары" не оставляли следов, и долгое время причины участившихся пожаров на американских грузовых судах, шедших в Европу, оставались неустановленными.

Ринтелен узнал от своей американской агентуры и уведомил начальство, что англичане раскрыли немецкий код. Однако в Берлине не вняли этому предупреждению и палец о палец не ударили. Теперь английские контрразведчики без труда читали немецкие телеграммы. Расшифровка одной из них повлекла за собой колоссальные последствия. Германский министр иностранных дел Циммерман предписал немецкому посланнику в Мексике предложить мексиканскому президенту вступить в войну на стороне Германии и побудить Японию перейти на сторону Тройственного союза. Трудно представить себе более абсурдное для тех лет предложение. Но послать подобное предложение телеграфом! Это просто не укладывалось в голове.

Американцы поначалу даже не поверили в подлинность телеграммы. Телеграмма, однако, шла через Вашингтон: немецкий посол в США Бернсторф протелеграфировал ее посланнику в Мексике фон Экхардту. На почте в Вашингтоне сохранилась ее копия. Расшифровать её, зная код, было делом техники. К тому же английская разведка вскоре расшифровала и передала Белому дому ряд инструкций из Берлина, развивавших и уточнявших депешу министра.

Конечно, не эта телеграмма определила решение президента Вильсона объявить войну Германии. К участию в Первой мировой войне американцев подвигли их собственные планы. Однако в глазах общественного мнения она во многом оправдывала вступление США в войну.

Каким образом английская разведка добыла германский дипломатический код? Существуют три версии.

Немцы утверждали, что его передал англичанам молодой австрийский радиоинженер Александр Сцек. Он имел доступ в помещение для радиопередач в Брюсселе. Из этого помещения, находившегося в доме немецкого генерал-губернатора, отправлялись правительственные радиogramмы немецким дипломатам за границей. Сцеку обещали крупное вознаграждение, и он бежал в Англию с шифром. Все его следы были потеряны. После войны отец пытался разыскать его, но английская разведка категорически отказалась пролить свет на судьбу радиоинженера. Возможно, его "убрали", чтобы гарантированно

сохранить тайну. (Английский разведчик Г. Ландау утверждал, что немцы схватили Сцека на голландской границе и расстреляли как дезертира, но сопровождавший его английский агент добрался до Голландии с копией кода.)

У. Черчилль в книге "Мировой кризис" излагает официальную британскую версию. Согласно ей, книги шифров были извлечены русскими водолазами, обследовавшими германский крейсер "Магдебург", потерпевший 25 августа 1914 года крушение в Балтийском море. Книги шифров лежали за пазухой у унтер-офицера, тщетно пытавшегося спастись во время катастрофы.

Русское командование приняло все меры, чтобы немцы не узнали о ценной добыче. Водолазам, обследовавшим "Магдебург", был объявлен выговор за нерадивую работу. О том, что шифры попали к русским, не догадались ни капитан "Магдебурга", ни взятая в плен часть экипажа. Получив сообщение от русского морского атташе, британское адмиралтейство немедленно послало за шифрами военный корабль. В октябре они были доставлены в Лондон. Правда, код являлся лишь одним из средств, использовавшихся для сохранения тайны радиопередач. Тем не менее английские эксперты уже в начале ноября 1914-го расшифровывали немецкие радиogramмы.

Наконец, английский разведчик Э. Вудхолл излагает третью версию. Он якобы лично знал того, кто доставил код, – солдата французского Иностранного легиона. Вудхолл условно называет его Смитом. В конце 1915 года Смит – тот свободно владел французским, немецким и фламандским языками, – послали в бельгийскую столицу добыть шифр. В одежде крестьянина разведчик благополучно пробрался в город и связался с несколькими бельгийцами, готовыми помочь ему. Особо важную роль сыграла девушка Ивонна. Она работала в кафе, куда часто заходил влюбленный в нее немецкий унтер-офицер, оператор на радиостанции. Ивонна убедила своего поклонника, мол, ей с братом (так она представила Смита) страшно хочется выучиться радиоделу. Радио имело в ту пору малое распространение, и унтер-офицер охотно вызвался их учить. Отвечая на тонкие, заранее подготовленные вопросы Смита, он поневоле, ни о чём не догадываясь, выдал главные элементы кода. Смит несколько недель тщательно записывал полученные сведения. Потом переделал в немецкую форму и пересек линию фронта.

Чуть ли не в то же утро немцы ворвались в кафе. Их контрразведка давно уже следила за подозрительными контактами своего радиста. Однако Ивонна твердила лишь одно: Смит – дезертир, я его укрывала, в этом и признаюсь, а ни о чём другом понятия не имею. Девушку приговорили к тюремному заключению, посадили и ее подругу, также активно помогавшую Смигу.

Эти три версии при всём различии не так уж и противоречивы и вовсе не исключают одна другую, поскольку шифр мог быть получен различными путями.

Еще один код обнаружили на дирижабле, рухнувшем после немецкого воздушного налета на Англию. "Цеппелин" сбился над французской территорией. Находившиеся неподалеку американские офицеры успели растащить драгоценные книги, их с трудом удалось отнять у любителей сувениров. Англичане даже завели после этого специальную эскадрилью самолетов, готовых ринуться к месту падения "цеппелинов", и та добыла-таки еще одну шифровальную книгу, правда, полусгоревшую. Аналогичная морская служба занималась поисками кодов на

затонувших подводных лодках. Однако покров секретности донныне окутывает эту историю. вполне возможно, подлинные обстоятельства похищения кода так и не будут открыты. Но факт остаётся фактом: английская разведка не только завладела вражескими шифрами, но и посылала телеграммы от имени германского командования. Одна из таких телеграмм принесла британцам крупную победу на море».

Чтобы по-иному осветить работу моих героев, показать ее опасность и, если угодно, шпионскую романтику, воспроизведу отрывок из другого рассказа. В нём описан арест русского разведчика, коллеги Алексея, долгое время жившего под маской немецкого офицера Гольдринга...

«Казалось, начало пути не предвещало ничего плохого. Верный своей привычке не заводить знакомств в дороге, Григорий не вмешивался в разговоры спутников, сделал вид, что у него разболелась голова, – даже демонстративно таблетку от головной боли проглотил. Это произвело впечатление. Никто не отважился обратиться к нему со стереотипным вопросом, откуда и куда едете, не поинтересовался, что за книгу он так невнимательно листает. Человеку нездоровится, лучше оставить его в покое; со всяким может случиться, да еще в вагоне, где из-за плохо пригнанных дверей и окон так и гуляют сквозняки.

Воспользовавшись своим положением не совсем здорового человека, Григорий отвернулся к окну. Поезд приближался к австро-итальянской границе. Возможно, это даже была последняя пограничная станция – та, где он почему-то решил выйти на перрон. Чистый теплый воздух, напоенный ароматом молодой зелени, казалось, сам вливался в грудь, от него, как от вина, кружилась голова. Неудержимо захотелось унести хоть частичку этой благодати с собой в вагон. Хотя бы пучок травы. Вот тогда-то Григорий и сделал несколько фатальных шагов к краю перрона. Подошел патруль.

– Гауптман Гольдринг? – слышалось сбоку, когда он склонился над каким-то кустиком, напоминавшим молодой чабрец.

Его застали врасплох, и он вздрогнул, как мальчишка, пойманный с поличным. Этого не могли не заметить патрульный офицер и двое солдат, сопровождавших его. Если бы не это... возможно...

В толпе, окружившей подозрительного пассажира, Григорий увидел знакомое лицо. Фрау Вольф, бывшая экономка генерала Эверса! Поймав на себе взгляд того, кого она считала Гольдрингом, фрау быстро спряталась за чью-то спину.

"Выдала!" – мелькнула мысль».

Точно так же в марте 1917 года в Петербурге арестовали Алексея, куда он приехал по своим служебным делам. Только в этом случае его никто не выдавал. Арестовали свои, обвинив в контрреволюционной деятельности.

СХВАТКА ГИГАНТОВ

В феврале 1898 года газета «Тверские ведомости» опубликовала статью «Опасны ли иноземные капиталы?», в которой предупреждала, что коварный Альбион вот-вот подомнёт под себя все бакинские дела. Чтобы понять суть описываемых ниже событий, имеет смысл привести статью полностью.

«Англичане принесли в нашу страну миллионы, дают их шутя, удивляя наших промышленников отсутствием базарности в переговорах о покупке, столь свойственной нашей купеческой привычке. Англичан мы совершенно не можем понять: нефтяное дело в Баку всегда было в ребяческом состоянии, а цены на нефть и керосин были так мизерны, что 1/2 коп. за пуд первой и 4 коп. за пуд второго у всех еще в памяти и никого не удивляли.

Коренные нефтепромышленники, не исключая и Тагиева, призвавшего, как говорится, варягов, никогда не имели в мыслях продавать свои дела и на предложения маклеров продать они отвечали улыбаясь, не веря в возможность осуществления, – запросами: 4 млн., 5 млн., 10 млн. и, наконец, 23 млн. На такое несуразное требование, по понятиям бакинцев (и, заметьте, справедливым, так как им их дела стоят во много раз меньше), неожиданно они слышат, без возражения, ответ: согласны, пожалуйста к нотариусу, получите задатки. Согласитесь, есть отчего и поседеть с досады, что мало потребовали, в особенности жадному человеку. Запросили вдвое, а то и втрое – и вдруг согласны!

На что же рассчитывают англичане, проявляя непонятную для нас щедрость? В Англии каждое новообразовавшееся предприятие организовано в совершенно чуждом для нас масштабе, размеры его далеко превосходят наши, выраженные в рублях. Там очень мало предприятий, основанных с капиталом меньше чем 2 млн. фунтов стерлингов. Приблизительно переведя их на наши деньги, получим ужасную для нашего уха цифру – 20 млн. рублей! Отсюда понятно, что составить компанию в 8 млн. фунтов стерлингов (т. е. 50 млн. русск. рублей) для англичан ничего не стоит, и деньги легко находятся. Мы, русские, – плохие рекламисты и до момента прихода в Баку англичан умели лишь хорошо приплачивать за свой керосин, возимый в Англию на авось, где царил американский рынок. Теперь лед

пробит, и для англичан стало совершенно доказанным, что русское нефтяное дело способно давать очень часто 100% на затраченный капитал. Стало известно, что равного по богатству месторождения нефти, как российское, нет во всем мире, и с тех пор капитал из богатой деньгами Англии течет к нам широкой рекой.

Естественно возникает вопрос: но почему же нужен иностранный капитал? Мало ли у нас денег в Москве, да и вообще отечественных денег? Мало, и причин к тому много. Главная из них заключается в дороговизне наших капиталов. У нас частный вексельный кредит признается нормальным в 9%, а государственный в 6%. Наши толстосумы справедливы по-своему, заявляя: "Зачем нам вступать в рискованные дела, да еще в горные, когда существуют еще ножницы для купонов в 4,5%, а дела наши московские меньше 20% не дают". Они рассуждают правильно: зачем рисковать вступать в нефтяное дело, воевать на заграничных рынках и погубительном Кавказе, если даже в Москве есть много дел, дающих 10 или 15%, но они считаются убыточными. Вот откуда между нами и англичанами, а стало быть и их деньгами, большая разница. Англичанин в год обернет 20 миллионов рублей, а мы – 2 миллиона, он довольствуется 3 и 4%, а нам и 20 мало.

С приливами английских денег наша платежная способность повысилась, курсовая ценность рубля поднимается, и так будет правилом (и было всегда), что наш вывоз, восторжествовав над ввозом, дает нам шансы, силу и преимущества на всемирном рынке. Промышленники кричат, что англичане, захватив всю нефтяную торговлю, сойдутся с американским Стандартом и владычество Рокфеллера воцарится в русском нефтяном деле. Но бояться опытных трестмейстеров нет никакого смысла, ибо у нас всегда в руках возможность наложить свой запрет в виде таможенных пошлин; что же остается опасного в приливе к нашей промышленности иностранных капиталов, кроме удешевления кредита, развития промышленных предприятий и торговли».

Как писал в своем реферате Алексей Шаров, борьба между американским и российским керосином началась в России в конце 70-х годов XIX века. До этого американский керосин долгие годы безраздельно царил на российском энергетическом рынке. Производил его главным образом нефтяной трест Рокфеллера «Стандарт ойл». Не встречая сопротивления, Рокфеллер покорил Германию, Англию, Францию, Индию, Китай и другие страны. Что до России, она поистине была для «Стандарт ойл» золотым дном, ибо никто в мире не потреблял столько керосина. Рекордными для американского керосина стали 1872–73 годы, когда Россия закупила его в количестве 14, 9 млн. галлонов.

В реферате Шарова приводились цифры, убедительно показывающие, что в конце 90-х годов Россия стала ведущим производителем нефти. Она поставляла на рынок 45% сырой нефти и 23% керосина. Благодаря неустанной активности братьев Нобелей, для которых русское правительство создало самые благоприятные условия, у России появилась реальная возможность отнять у американцев лидерство на мировых рынках.

По железным дорогам курсировали вагоны-цистерны, принадлежавшие Нобелям. В 1883 году они владели 60 составами по 25 вагонов-цистерн в каждом. На железнодорожных узлах находились принадлежавшие им же цистерны-нефтехранилища. В 1885 году их было 40, а 15 лет спустя – 129. В Царицыне, Нижнем Новгороде, Рыбинске, Ярославле, Самаре, Саратове, Казани, Перми, Твери

появились крупные распределительные станции. Гигантские нефтехранилища были сооружены в окрестностях Санкт-Петербурга, и в 1881 году туда поступила первая партия керосина от «Бранобеля». Такие же технические гиганты возникли в Подмоскowie, Риге, возле Орла.

На заводах Нобелей по переработке нефти, оборудованных новейшей техникой, работали квалифицированные специалисты и рабочие. Менеджеры были вышколены, агенты энергичны, а на рекламу денег не жалели. Нобели не скупались также вкладывать средства в нефтеперегонное дело и транспорт. Развивая свой бизнес, они, конечно, встретили упорное сопротивление конкурентов, местных и пришлых, безжалостно «давили» их и разоряли, но стать абсолютными монополистами все же не смогли. Главными их соперниками были Каспийско-Черноморское общество, за которым стоял парижский дом Ротшильдов, и «Манташев и Ко». И когда Нобели начали поставлять в Россию свой керосин, импорт американского быстро пошёл на убыль. Десять лет спустя, в 1882–83 годах, его поступило всего 1,7 млн. галлонов. А потом ввоз и вовсе прекратился.

Потеря русского рынка чувствительно ударила по интересам «Стандарт ойл». К тому же русский керосин появился и на рынках тех стран, которые Рокфеллер привык считать своей вотчиной. Количество его стремительно росло. Первая партия, отправленная за границу в 1881 году, составила 134 000 пудов. Но вскоре российский экспорт исчислялся цифрами совсем иного порядка: в 1885-м - около 7,5 млн. пудов, в 1888-м – 35,4 млн. Американцы забили тревогу. «Русский вопрос» не давал покоя рокфеллеровскому тресту. Надо было всеми силами противостоять экспансии с востока. Так началась первая в истории «нефтяная война», которая с переменным успехом продолжается и в наши дни.

Стратегия противостояния русскому нашествию основывалась на главной идее – создавать опорные пункты «Стандарт ойл» за рубежом. И ее филиалы возникли в Англии, Германии, Бельгии, Голландии, Италии, других странах. Филиалами становились местные компании – торговцы керосином. Рокфеллер скупал контрольные пакеты их акций. Нобели ответили тем же. В Германии появился филиал их компании «Нафтапорта», в Австрии, Англии, Бельгии и Голландии – контролируемые ими общества.

Руководствуясь принципом «лучшая защита – нападение», Рокфеллер вступил в переговоры с нефтепромышленными компаниями России. Он начал с Нобелей, которые контролировали более четверти всего нефтяного производства страны и около половины торговли керосином. Руководство «Стандарт ойл» решило приобрести крупный пакет акций «Бранобеля» и принять участие в совместном строительстве транскавказского нефтепровода. Но эти замыслы повисли в воздухе – они вряд ли понравились бы русскому правительству. Нефтяное дело оно рассматривало как важный источник дохода для казны. Акциз на керосин приносил государству миллионы рублей. Экспортируемый керосин, правда, обложению не подлежал, зато вывозимый на внутренние рынки только в 1890 году принес в бюджет 10,6 млн. руб.

Рокфеллер зондировал почву и под Ротшильдами. В результате долгих переговоров родился договор о разделе сфер влияния на мировом нефтяном рынке. Собственно, то был ещё не договор, а протокол о намерениях. Вступить в силу он мог лишь при двух условиях: если его признают другие русские

нефтепромышленники, в первую очередь Нобели; и если его одобрит и пообещает поддержку правительство.

Но правительство Рокфеллера не поддержало, и он пошел другим путем. Все началось с волнений в Батуме, из-за которых, пусть и ненадолго, прекратился экспорт керосина. В декабре 1904 года начались забастовки в Баку, вскоре обернувшиеся беспорядками на промыслах. Вот хроника развернувшихся событий:

9 декабря созвали митинг, чтобы обсудить положение дел, однако появилась полиция, многих арестовали;

12 декабря на новом митинге решили поддержать забастовку и превратить ее во всеобщую;

13 декабря забастовка началась и охватила все промыслы;

23 декабря полиция начала аресты;

3 января забастовка завершилась победой рабочих: они подписали коллективный договор с предпринимателями, первый подобный договор в империи. К той поре общество уже выработало своеобразный алгоритм давления на власть.

Но это, как говорится, были только цветочки. В феврале поспели и ягодки – кровавые столкновения армян и татар, с новой силой возобновившиеся в августе. Дело дошло до пожаров на нефтепромыслах. Убытки были колоссальны. Погромщики поджигали месторождения и нефтехранилища. За месяц им удалось уничтожить более тысячи скважин. Нефтяная промышленность, в сущности, рухнула, и Россия навсегда потеряла лидерство в нефтедобыче.

Вот свидетельства о понесенных потерях, опубликованные в газете «Баку» (орфография и пунктуация оставлены без изменений):

«Сгорели целиком с конторами: Каспийское товарищество, Руно, Тумаев, Ар[м]алуйс, Манташев (у Манташева целиком завод на Забрате), Питоев, Мирзоев, Красильников, Меликов, Арамазд, Адамов, Тер-Акоповы, завод "Ватан", Ширван, Кавказское товарищество, Кавказ, Соучастники, Радуга, Петроль, Балаханское общество, князь Гагарин, Гальперин и много других мелких фирм, у "Братьев Нобель" осталось две трети, Каспийско-Черноморское общество – половина, Московско-Кавказское общество отделалось легко: сгорели только четыре буровые вышки, а остальное все осталось, Бенкендорф не пострадал, у Воронцова-Дашкова сгорело 6–7 вышек... фирма Хальфи пострадала мало, у Шibaева и компании осталась половина промысла. Остались целиком в Романах "Поляк" и механический завод Строзера. Не тронуты фирмы Мусы Нагиева и Асадулаева. Также остались целиком в Романах механические заводы Биеринга, общества "Мотовилиха"... Сгорели "Тифлисское товарищество", Товарищество Набат, Шихово, Милов-Таиров, Зубалов, завод Хатисова... Английские фирмы Олеум, Шibaев (Кубань) тоже пострадали, но меньше.

Последствия погромов и поджогов для российской нефтепромышленности оказались катастрофическими. Добыча нефти и экспорт резко сократились, и место русских компаний на рынке с успехом заняла "Стандарт ойл". Общее количество вывозимой из России нефти в 1906 году уменьшилось в сравнении с 1904 годом втрое. Экспорт нефти во Францию сократился вчетверо, в Англию – втрое, в Китай и Индию – в 24 раза».

И в заключение. В июле 1903 года на курорте в Карлсбаде британский бизнесмен д'Арси, недавно приобретший нефтяную концессию в Иране, познакомился с соотечественником, адмиралом Дж. Фишером. Тот не уставал повторять: «Кто владеет нефтью, тот правит миром». Разбогатевшего на австралийском золоте Д'Арси эти слова удивили, и он сохранил их для потомства.

Старый морской волк оказался пророком.

ПРАВИТЕЛЬСТВО БЕЗДЕЙСТВУЕТ

Мы уже говорили, как отнеслись правительства великих держав – и русское в их числе – к армянским погромам в Османской империи, в частности в Константинополе. Но ведь одно дело, когда возмутительные беспорядки, кровавые злодеяния и резня происходят в отдалённых краях, и совсем иное, когда примерно то же самое творится в твоих пределах, у тебя на глазах. Осудить беззакония в чужой стране нетрудно. Куда труднее жёстко пресечь их в своей стране, а затем осмыслить – что и почему случилось. Увы, реакция русских властей на бакинское кровопролитие лишний раз это подтверждает.

...В августе столкновения и пожары так поразили Надежду, что она на время забыла о дневнике. Всеми своими помыслами она устремлялась в Шуши — как там её родные, не задела ли их вспыхнувшая с поразительной силой взаимная нетерпимость и ненависть? Но постепенно всё в душе улеглось, ум осознал, что и почему происходит. Осознал, скорее всего, недостаточно глубоко, но потрясение и недоумение первых дней сменились иными чувствами. Как бы то ни было, февральская резня в Баку всё-таки нашла отражение в дневнике Надежды. Вот о чем написала она спустя месяц:

17 марта 1905 года.

Позавчера вечером неожиданно приехал Левон со старшей дочерью. Когда Алексей открыл дверь, он даже вскрикнул от удивления: с порога ему во весь рот улыбались нежданные гости. Левон держал в руках небольшой деревянный сундучок, а Ниночка – саквояж, обитый черной кожей. Я выбежала на шум и тут же оказалась в объятиях брата и племянницы. Выяснилось, что на их поездке в Баку настояла мама. Обеспокоенная слухами о февральских погромах, она снарядила сына в дорогу, предварительно уложив на дно сундучка дуэльный пистолет, много лет мирно висевший над кроватью Левона. Провожая сына, мама сказала: «Теперь я спокойна. Если, не приведет Бог, нападут разбойники, ты сможешь отбиться и отстоять честь Ниночки!» Представляю, как Левон

извлекал бы музейный этот пистолет со дна сундучка, битком набитого снедью, как разбойники терпеливо бы дожидались этого и как они попадали бы в обморок при виде столь грозного оружия. Но шутки в сторону, поводов для беспокойства у мамы было предостаточно. Вот уже полтора месяца Шуши жил слухами о беспорядках, возникших в Баку на межнациональной почве и унесших сотни безвинных жизней.

Вчера я пригласила своих земляков из больницы, и мы впятером попытались воспроизвести пережитые нами страшные дни. Но прежде земляки-шушинцы только и говорили, что о необыкновенной красоте Ниночки. И правда, в свои 13 лет она выглядела года на три старше – юное, но совершенно сформировавшееся и неотразимо цветущее создание. Когда мы вечером уединились с ней у меня в спальне, она по секрету похвастала, что за ней ухаживают старшеклассники реального училища. Левону это действует на нервы и, чтобы оградить дочь от «докучливых преследований», он намерен перевезти ее в Тифлис и отдать в шестую женскую гимназию. Наталья категорически против, однако вряд ли это возьмем действие. Левон уже договорился с председателем тамошнего попечительского совета Иваном Суреновичем Игитьянцем, с которым дружен с детства, и поселит Ниночку у него дома, под бдительный надзор его жены и матери.

Уставшая с дороги Ниночка сразу после ужина стала клевать носом и пошла спать. А я разлила чай, и разговор быстро переключился на февральские события.

– С чего все началось? – без обиняков спросил Левон.

– Сам я при этом не присутствовал, – ответил Семен Агамиров, – но мне рассказывал сосед, его в тот день ранили.

– В какой именно день?

– 6 февраля. По словам соседа, на площади перед армянским собором бродил зажиточный татарин Бабаев и внимательно всматривался в собравшихся. Потом уже стало известно, что накануне у него при невыясненных обстоятельствах погиб родственник. Армяне ли его убили? Точно никто не знает, может, и армяне, какое это, в сущности, имеет значение...

– Да, – вмешался Ваган, – это как окуроченный порох в пороховом погребе. Неважно, кто его бросил, если взрыв уже случился.

– Вдруг Бабаев достал из кармана револьвер и выстрелил в человека, который беседовал с друзьями. Поговаривали, будто Бабаев заподозрил в нём убийцу родственника. Словом, он выстрелил и промахнулся. На него тут же набросились и забили до смерти.

Татары возили тело Бабаева на тележке по своим кварталам и призывали правоверных защищаться от убийц-армян. Этого было достаточно. Через час-другой банды татар, вооруженные берданками, кинжалами и револьверами, высыпали на улицы. Они рыскали по городу и без лишних слов стреляли во встречных армян, а раненых добивали кинжалами. Моему соседу пуля попала в плечо, он кинулся в проходной двор и смог скрыться. Всего в этот день было убито человек 35, из них трое или четверо татары. Армяне, как всегда, не ждали такого поворота событий, а татары – наоборот. Чувствовали они себя похозяйски и уверяли друг друга, что есть, мол, приказ чуть ли не самого губернатора, чтобы полиция три дня не вмешивалась. И три дня шли погромы.

Губернатор Накашидзе, конечно, такого приказа не издавал, но устное распоряжение, похоже, было. Иначе почему ни полиция, ни войска даже попытки не предпринимали навести порядок?

Отвлечёмся на минуту от дневника Надежды. Бросается в глаза, насколько похоже события развивались и спустя восемь десятилетий – в феврале 1988 года в Сумгаите и в январе 1990-го в Баку.

Семен умолк, и сразу же, словно дожидаясь этого, заговорил Ваган Хандамиров.

– Той ночью в окрестные татарские деревни поскакали верховые и потребовали подмоги. Наутро в Баку появились группы крестьян с охотничьими ружьями и кинжалами. Шайки убийц и погромщиков появились одновременно в разных частях города. После первых же выстрелов закрылись все лавки – не только армян, но и татар... Улицы разом опустели. Застигнутые врасплох армяне спасались бегством. Им вслед гремели выстрелы. Несчастные падали. Были такие, кто погиб в двух шагах от своего дома... Запирались на все запоры двери, среди бела дня захлопывались ставни на окнах. Убитых насчитывалось уже больше сотни. Все подходы к нашей больнице запрудили телеги с ранеными. Хирурги с ног валились от усталости, мы с Семеном взялись им помогать. Работать было трудно, мешали посторонние...

– Какие посторонние? – не понял Левон.

– Понимаете, – пояснил Семен, – армяне спасались кто где. Если оказался далеко от дома, лучше было не добираться – наверняка поймут, а это верная смерть. Вот и укрывались у нас.

– И не только у нас, – кивнул Ваган. – И в гостиницах, и в аптеках, и в иных учреждениях. Слава Богу, многие не отказывали в помощи. Случалось, и нередко, татары тоже укрывали армян.

– Какой ужас, – покачал головой Левон. – Это в двадцатом-то веке! В большом городе, на глазах у властей.

– На глазах у всего мира, – поправил Алексей. – Думаете, никто не знал, что здесь творится? Ошибаетесь. – Он вышел и через минуту вернулся с газетой. – Вот, извольте. Это «Русское Слово»: «За вооруженными шайками следовали грабители. Ворохами, узлами тащили они награбленное добро. Один нес обувь, другой – бутылку вина, третий – штуку сукна. Кто-то, обливаясь потом, тащил большое стенное зеркало».

– От какого числа газета? – спросил Левон.

Алексей взглянул на первую страницу.

– От 22 февраля, – сказал он.

– А сам ты, Алёша, видел что-нибудь?

– Видел, конечно. В тот день я был на Биби-Эйбатских промыслах. Армяне – их среди рабочих большинство, – услышав, что в городе начались погромы, вооружились кто чем: ножами, железяками, ломиками, и двинулись на помощь соплеменникам. Не тут-то было. Город оцепили жандармы. Погромам они не мешали, зато рабочих остановили и разоружили. Те устроили митинг и постановили... – Он прервался, поискал глазами в газете и прочёл: – «Идти в город и разносить полицейские и губернские учреждения, если полиция не примет мер к

прекращению убийств». А на следующий день уже начали действовать дашнакские отряды самообороны.

– Погоди, Алексей. – Я открыла комод, извлекла из ящичка вырезку из дашнакской газеты «Дрошак» и прочла по-армянски (разговор у нас, понятно, шёл по-русски): «Перед нами появился бледный от ужаса армянин и рассказал, что татары окружили его дом и подожгли. Пламя уже перекинулось в комнаты, откуда дети бежали на чердак, где непременно сгорят через 15 минут. Группа из трех человек бросилась спасать детей из горящего окруженного дома. Ужасная картина предстала их глазам. Горящие дома освещали весь район. Армянские семьи задыхались от удушья, каждую минуту ожидая смерти. Те, кому удавалось вырваться из пламени, падали, сраженные пулями... И вот прогремело несколько залпов опытных армянских бойцов, и озверевшие татары... бежали от троих армян. Три бойца собрали и перевели в безопасное место примерно 100 жителей горящих домов: детей, женщин, стариков. Трудно описать радость и восторг спасенных. Священник, известный всем непримиримый противник революционеров, упал перед армянскими воинами на колени и со слезами на глазах благодарил их...»

– А дальше?

– Как только вступили в дело отряды самообороны, армянские погромы перешли в обоюдные столкновения. К полудню 9 февраля истек срок, отведенный, как говорят, губернатором Накашидзе на погромы. Надо было что-то предпринимать, ещё немного – и никто бы не загнал джинна в бутылку. Губернатор пригласил к себе городского голову, татарского муфтия, епископа Ананию и других почтенных лиц. Они двинулись по городу с белым флагом, причем впереди шагал сам генерал-губернатор, в мундире и при всех регалиях. Войска тоже получили соответствующий приказ и открывали огонь по тем, кто еще не утихомирился.

– Дайте прочту, – вмешался Алексей.

– Опять «Русское Слово»? – спросил Левон.

– Оно самое, только другой номер. Послушайте: «Началось подведение итогов. По улицам повезли на дрогах подобранные трупы. Начались ужасные раскопки в развалинах сгоревших домов... На армянском кладбище трупы лежали грудями, и страшен был вид этих искаженных мертвых лиц, зияющих ран, раздробленных черепов».

Левон закусил губу и молча качал головой. Потом сглотнул ком в горле и спросил:

– Есть какие-то цифры, я имею в виду – официальные.

– Есть, – ответил Алексей. – Создали татаро-русско-армянский комитет по оказанию помощи пострадавшим. Он и огласил данные: было убито 205 армян, из них 20 детей, и ранено свыше 120-ти. Мусульман убито 111, ранено 128, детей среди них не отмечено. Имущественно пострадали свыше 450 армян и свыше 60 мусульман.

– Странно, – сказал Левон. – Убитых армян вдвое больше, пострадавших больше чуть ли не вдесятеро, а вот раненых – одинаково.

– Ничего странного, – пожал плечами Ваган. – Всякого раненого армянина, если, конечно, ему не удалось убежать, добивали без пощады, армяне же раненых обычно не трогали.

– Без пощады, говоришь? – усмехнулся Семён. – Раненых убивали с дикой жестокостью. Состояние трупов было чудовищное.

– Да, – подтвердил Ваган. – Уж мы-то с тобой навидались.

– Хорошо, по крайней мере, что не всё так безнадежно. Мусульмане всё-таки спасали наших, это внушает какую-то надежду. Ведь это правда?

– Правда, – кивнул Алексей.

А я достала вырезку из газеты «Каспий» от 20 февраля и прочла письма спасшихся от погромов армян:

«Я, Давид Ованесов, подрядчик фирмы Нобель... проживающий... в доме Баба-Киши Бабаева, двоюродного брата убитого 6-го февраля на Парапете Рза Ага Бабаева, покорнейше прошу вас дать мне возможность печатно выразить благодарность г. Бабаеву, моему домохозяину, который все время с 6-го февраля защищал и снабжал съестными припасами меня и мое семейство, равным образом и прочих квартирантов этого дома».

«Я, Яремши Караханян, выражаю благодарность трем жещинам, татаркам, домохозяйкам нашей квартиры, за то, что они в течение пережитых нами 6–9 февраля ужасных дней, не только кормили и поили обывателей этого дома до 50 человек армян, но и спасли нам жизнь, умоляя своих единоверцев не трогать нас».

– Так-то оно так, – изобразил вдруг скептическую мину Семён. – А вспомните, чем кончил несчастный француз...

Левон вопросительно посмотрел на него

– Был тут один француз, инженер с промыслов Мишель Тимони. В августе он самолично спас несколько армянских семей, а потом дал показания комиссии адвокатов, ужасные показания, правдивые. Татары его возненавидели. Улучили момент и живьем бросили в горящую буровую яму.

Левон с Ниночкой уехали через два дня.

– Не могу, – извинился брат, прощаясь. – Мне в этом городе страшно. Понимаю, что всё как будто позади, но за неё страшно, – он обнял Ниночку за плечо. – Дома спокойнее.

С наступлением мира как армянское, так и мусульманское духовенство активно выступило с увещеваниями о «братском единении народов», причем на проповеди епископа Анании присутствовал казий, и наоборот. Почтенные армяне, мусульмане и русские создали комитет по умиротворению населения. Должен сказать, аналогии с событиями недавнего прошлого настолько разительны, что автор считает своим долгом остановиться на них поподробнее. Ну а выводы пусть делает сам читатель.

В те дни в Баку было введено военное положение, но отнюдь не для защиты мирных граждан. Их не защищали ни во время погрома, ни в последующие дни. Я имею в виду власть, а не отряды самообороны. Но резня привела к неожиданному для властей результату: явное, открытое попустительство погромщикам со стороны администрации вызвало всеобщее возмущение. «Отчего власти не положили конец уличной резне?» Вопрос требовал ответа, и ответ последовал, негодующий ответ: «Власти бездействовали». Именно к этому сводились резолюции съезда нефтепромышленников, общего собрания присяжных поверенных, частного

совещания гласных думы и бакинской, без различия племени, интеллигенции. Именно так написало и московское «Русское Слово».

В городе собирались один за другим многотысячные митинги. Выступали представители всех национальностей, говорили, что вражды между армянами и мусульманами не было и нет, а происшедшее – провокация самодержавия. Требовали наказать истинных виновников. Произносили революционные речи. 16 февраля в Петербург из штаба корпуса жандармов полетела отчаянная телеграмма: «Третий день в общественном клубе происходят открытые заседания для желающих, где члены революционного комитета призывают сбросить самодержавие и с оружием в руках смело двинуться в кровавый бой... Полиции не существует; власть в беспомощном состоянии. Благомыслящие русские просят защиты, так как все, кроме них, вооружены и сейчас преступное сборище в 3000 человек заседает в центре города. Генерал-майор Медем».

Вслед за этой телеграммой полетела новая: «В Баку анархия: вчера на собрании учитель Васильев взывал к убийству царя и уничтожению всего романовского дома. Заседание Думы по неотложным вопросам не состоялось, вследствие скопления евреев, агитаторов-армян, пытавшихся произносить революционные речи... Подготавливается трехтысячное собрание в цирке, а в общественном собрании – гимназистов под руководством учителей. Губернатор приговорен к смерти. Если не будут приняты самые серьезные меры, положение станет критическим. Генерал Медем».

Только теперь, когда возникла угроза самому режиму, министр внутренних дел Булыгин 18 февраля пошел на доклад к царю. Мрачными красками описал он разгул анархии в городе, особо подчеркивая опасность, грозящую безоружным русским людям от вооруженных туземцев. «Власти же пребывают, по-видимому, в панике и беспомощной растерянности». Вывод: необходимо ввести в Баку военное положение. В тот же день последовал высочайший указ об объявлении военного положения в городе Баку и Бакинской губернии.

Собираясь перейти к событиям, непосредственно происходившим на родине моей героини, предоставляю читателю самому проводить аналогии и делать выводы.

СОБЫТИЯ В ШУШИ

Самые подробные сведения о событиях в Шуши были опубликованы в книге Павла Шехтмана «Пламя древних пожаров», в которой этим событиям посвящена целая глава. Я воспроизведу ее полностью, опуская только ссылки на источники, которые использовал автор.

«1 августа 1905 года был наконец опубликован указ Николая II о возвращении церковных имуществ и об открытии армянских школ. В армянских церквях празднично звонили колокола, происходили торжественные богослужения. «Недолго же вам радоваться!» – бросали, проходя мимо, иные татары.

Местные власти и полиция, состоявшие в основном из татар (так, в администрации Шушинского уезда был только один не-татарин – уездный начальник Пивоваров), открыто готовились к резне. Татар собирали в шайки и усиленно вооружали. Очевидно, для «усиления кадров» Такайивили назначил стражником в Казах известного разбойника Кязыма, недавно убившего двух русских стражников. О характере карабахской полиции говорят такие детали. В Арешском уезде (центр – Агдам) награбленный у армян скот татары гнали в имения полицейских приставов: все три пристава были татарами из Шуши. Евлахский пристав Аббас Везиров был главным организатором разбоя на шушинском тракте. Ограбленные там армяне шли к шушинскому полицеймейстеру Хосров-беку – и получали ответ: «Это не мое дело – обращайтесь к уездному начальнику!» А ханкендинский пристав попросту заявил пришедшим к нему родственникам убитого армянина: «Пошли вон!»

Такого рода «хранители порядка» вели усиленную антиармянскую агитацию среди своих единоверцев. Одновременно шла агитация и от бакинского, как тогда говорили, панисламического комитета (т.е. националистического кружка Топчибашева, Агаева и др. – зародыша будущей партии «Мусават»). Для погрома ждали только удобного повода...

В десятых числах августа Арешский, Джеваниширский и другие уезды взбудоражил страшный слух: армяне у села Ванк напали на мирных кочевников и вырезали множество женщин и детей. 300 вооруженных всадников из Агдама двинулись на место происшествия и там удостоверились, что вышла перестрелка из-за 7 украденных баранов, убито 2 татарина, ранено несколько армян. Подобные ссоры случались ежегодно, и гораздо более кровопролитные. Но повод был найден. Вооруженные шайки стали останавливать дилижансы: таким образом «взяли в плен», предварительно ограбив, 100 пассажиров-армян. 15 августа Агдам был окружен полчищами вооруженных татар.

«В Агдаме полный произвол; на улицах селения встречаются вооруженные татары; лавки заперты – несколько армянских лавок разграблено... Когда мы проезжали, горели водочные заводы Хубларова, Арунова и др. Заводы эти окружены толпою татар, вооруженных скорострельными ружьями. Толпа все, что уцелело от огня, торопливо укладывает в арбы и увозит в свои села; толпой, видимо, руководит чья-то рука, так она действует смело и нагло». Разгром водочного завода Хубларова подробно описан одним из рабочих (грузином): «Раздался стук в ворота... через несколько минут ворота были разбиты, и во двор ворвалась толпа татар, человек в 300 и начала стрелять в старавшихся скрыться рабочих, из которых 9 было убито. Все они – армяне. Трупы их были изрезаны кинжалами, у некоторых головы отделены от туловища. В это время другая часть толпы, стоявшая за воротами, подожгла забор из сухого хвороста. Потом начался разгром завода и жилых помещений. Все было разграблено и увезено, бывшие на складе спирт, коньяк и вино были зажжены».

Все армяне оставили Агдам, и погромщики обратили свои взоры на Шушу. Резня в Шуше становилась неизбежной. Армяне тоже усиленно готовились к предстоящим столкновениям. Для защиты Карабаха партия Дашинакцутюн сформировала милицию (ополчение) в 150 человек. Командиром был герой Ханасорского похода 1897 года Вардан Ханасори, помощником его – Амазасп. Милиционерам были назначены посты в армянских районах Шуши, каждый пост охраняло по 5-10 человек.

Поводом к шушинской резне послужило убийство неизвестными татарина-фонарщика (но татары были, конечно, убеждены, что это дело рук армян). 16 августа около 2 часов дня в татарской части города два татарина подошли сзади к бывшему мировому судье Лунякину, шедшему из тюрьмы, и выстрелом из револьвера убили его наповал. Вскоре у Эриванских ворот (в армянской части) татарин ранил в ссоре армянина-объездчика, а под городом был ранен армянский крестьянин. Это послужило сигналом. На татарских рынках немедленно были перебиты все находившиеся там армяне. Армяне стали запирали лавки, в разных частях города, поднялась перестрелка, а к вечеру армяне и татары, заняв позиции, открыли друг против друга убийственный огонь. Вся ночь прошла в перестрелке... Татары, находившиеся в армянской части, были взяты в плен армянами, и наоборот, другие армяне были взяты в плен татарами. На следующий день армяне кинулись в маленький татарский поселок за Эриванскими воротами, к складу Насира, официально – дровяному, а подпольно – оружейному (Насир как бы заведовал татарским арсеналом, и армянам это было известно). Вооружившись и поджегши разгромленный склад, милиционеры заняли позиции у

ворот и отбили прорывавшихся в город татар из Агдама, Малыбеглу и других окрестных селений. Затем к воротам подъехал хан Джеваниширский с сотней молодых и белым флагом. Численно со своим отрядом сильно уступая армянам, он стал было говорить им о «братском единении» и своих миротворческих устремлениях, но армяне были начеку. Едва татары схватились за шапки, как армяне дали залп поверх голов и разоружили пришельцев. Пленного хана заставили написать миротворческое воззвание, впрочем, не произведшее впечатления на татар.

Тем временем в татарской части громили дома и лавки армян. Разгромили и сожгли военный лазарет. В городе вслед за пожаром лазарета воцарилась полнейшая анархия, а малочисленная полиция, состоявшая исключительно из мусульман, не в силах была удержать озверевшую толпу мусульман от насилия, грабежей и поджогов. Так, татары, вооруженные насосами, обливали дома армян керосином и поджигали их. Благодаря сильному ветру, огонь быстро переходил от одного здания к другому... повсюду около пожаров стояли вооруженные татары и производили стрельбу. Делали они это, видимо, для того, чтобы не допустить армян к защите своего имущества. Таким образом огонь уничтожил более 200 домов, большинство армянских лавок, аптеку Григорьева, театр Хандализова и мировой отдел... установлен факт о намерении поджечь армянскую церковь...

18 августа на помощь шушинскому татарскому населению из Джеваниширского и Джебраильского уездов стали подходить вооруженные конные и пешие сельчане. Перестрелка со стороны татар стала усиливаться: малочисленный джебраильский гарнизон... совместно с армянскими волонтерами 17 и 18 августа успешно отражал приступы татар. Но когда пришли на помощь шушинцам упомянутые выше сельчане, толпа татар, имея перевес над войсками, успела с трех сторон ворваться в армянскую часть города и открыть убийственный огонь по армянскому кварталу. Войска и армянские волонтеры, отстреливаясь, отступили к крепости; следом двинулись мирные жители. Перестрелка продолжалась почти целый день, то затихая, то разгораясь с новой силой. В самый критический момент... с бульвара Шуши... грянул оглушительный выстрел, через некоторое время другой, третий, наконец, грянул оглушительный взрыв и наступила тишина... Оглушительные выстрелы подействовали на толпу татар, а последний взрыв окончательно парализовал толпу: она немедленно прекратила стрельбу, выкинула белый флаг и вступила в переговоры с армянами. Оказалось следующее: неподалеку от дома Амбрумова, безо всякой цели, валялось крепостное орудие, с датой изготовления – 1827год. Орудием этим и воспользовался один из местных запасных артиллеристов из армян и стал обстреливать им татар. На четвертом выстреле орудие разорвало, и артиллерист только тогда прекратил стрельбу. Начинял он орудие гирями и кусками чугуна; хотя они не оказали разрушительного действия, но подействовали на татар так сильно, что они после третьего выстрела прекратили дальнейшее наступление на войска и армян...

20 августа последовало полное примирение между армянами и татарами, и в тот же день последовал обмен пленными. Уничтожено огнем 240 домов; убито 318; много раненых, исключительно трехлинейными винтовками (т. е. армейским оружием, которого, теоретически, у обывателей быть не может! – П. Ш.).

Среди армян встречаются раненные разрывными пулями, видимо, «дум-дум». В Шушу были двинуты войска и выехал сам губернатор Такайшвили.

Шуша после погрома имела мрачный вид: «Наряду с вооруженными армянами и татарами встречаются на каждом шагу патрули солдат и казаков. В 7 часов вечера на улицах Шуши уже нет никого; благодаря отсутствию городского освещения, над Шушою царствует злоеущий мрак, и только тусклые огоньки в некоторых жилых домах говорят, что в городе есть еще живые люди... (Татары не продавали армянам керосина. – П. Ш.). В особенности тяжелое впечатление производит на зрителя центральная часть города. Тут огонь произвел полное опустошение, и там, где несколько дней тому назад гордо красовались двух- и трехэтажные каменные здания, теперь одни лишь развалины, обгорелые стены и груды всякого хлама. Тут толпой, видимо, руководили фанатизм, злоба и месть, и недаром в храме красовались надписи на русском языке: "христиане – ..."»

Столь же тяжелое впечатление произвели развалины Шуши и на другого корреспондента «Тифлисского листка», татарина, подписавшегося «Мамед». «Нужно иметь сердце кровожадного зверя, дикаря, чтобы решиться на такой поступок, и ангельское сердце, чтобы простить этот поступок», – говорит он о «подвигах» своих единоплеменников. Положение оставалось напряженным еще долго, почти год. Татары объявили армянам бойкот и не продавали ни хлеба, ни керосина. А поскольку житницей Шуши считался Агдам, среди армян начался голод. Наконец Такайшвили велел татарским купцам выделить армянам продовольствие, и те выделили... 50 пудов сахара. «Татарское население не посещает армянскую часть города, а армянское – татарскую, – пишет Мамед в начале ноября 1905 года. – Почти ежедневно исчезают, Аллах, конечно, ведает куда, армяне, а недавно под Шушой были убиты четыре армянина, собиравшие шишки... Для приобретения чего-либо в татарской части армяне посылают солдат. Но теперь и солдатам перестали продавать продукты, зная, что продукты покупают для армян».

По поводу исчезновения людей никакого следствия не велось. Не велось и следствие об исчезновении 30 армян (в том числе женщин и детей) – пассажиров трех дилижансов, остановленных под Агдамом в начале сентября (после того как Такайшвили много раз громогласно заявлял, будто спокойствие на тракте Евлах – Шуша полностью восстановлено). Три месяца после событий в Шуше действовало временное отделение елисаветпольского окружного суда; в результате из 26 дел, касавшихся участников погрома, было рассмотрено 4, а остальные отложены «за неявкою обвиняемых и свидетелей». В Шуше наступило относительное спокойствие, а в уездах разыгралась настоящая война.

«Мусульманское население края, видя, что погромы заводов в Агдаме и расхищение имущества армян остаются безнаказанными, стало организовывать вооруженные банды, несколько сот человек каждая, и делать нашествия на армянские села и деревни, сжигать хутора и запасы корма, вырубать сады и т.д. Армяне со своей стороны по мере сил не оставались в долгу у татар: нападения они отражали вооруженной рукой, сами в свою очередь нападали на татарские селения, из которых организовывались названные банды и которые стали местом сборища из разных пунктов, выжигали и вконец разрушали их и т.д...»

«В Джэвэнирском уезде, – сообщает «Тифлисский листок», – в селениях Дудукчи, Ахилла, Ахбулах и Харманджи часть населения вырезана, часть спаслась бегством. Дома сожжены и разграблены, селения Эдилу и Бутан окружены татарами; значительная часть вооруженных полчищ двинулась к селению Гадрут и др.».

19 августа татары сожгли Гадрут, ограбили Амараский монастырь и унесли мощи св. Григория (вскоре разысканные и возвращенные властями). Тогда армяне подожгли село Диван-Ашлар, а 24 августа утром жители села Хирманджук напали на татарское село Халарша, угнали весь скот и захватили 8 человек татар.

Сразу после окончания шушинской резни агдамские, малибейлийские и прочие окрестные татары собрались на станции Дальмаматлы. Порешили пойти и разгромить Ханкенди, вместе с Гадрутом, бывший центром организации карабахских армян. Но известный разбойник Дали-Али явился к толпе и разогнал ее по домам, пригрозив расправиться с зачинщиками. Слухи об этом несостоявшемся походе вызвали панику в Елисаветполе: армяне закрывали лавки, ожидая погрома.

Одновременно дашнакские отряды самообороны заняли старинные укрепления Аскеранского прохода. Дважды армяне отбивали атаки татарской конницы. 22 августа к Аскерану подошел большой отряд конных татар, возвращавшихся из Шуши в Агдам. Зная, что проход занят армянами, татары выслали на разведку из Ходжалу 30 всадников. Они не вернулись. Выслали еще 11 – те тоже не вернулись. Татары решили, что их товарищи прошли безопасно; на самом деле они были окружены и быстро уничтожены все до одного. Но ободренные татары двинулись мимо старинных крепостных стен, тянувшихся с двух сторон прохода. Неожиданно из-за стен ударили залпы... Татары были окружены и легко перебиты; часть пыталась прорваться к караван-сараяу Гасан-аги, но погибла под пулями отряда, засевшего на старом татарском кладбище. Из двух сотен, подошедших к Аскерану, в живых осталось только 6 человек.

Такайшвили явился в Шушу и вновь принялся утверждать, что в губернии все спокойно. В начале сентября в Шушу к губернатору являются три армянина из села Миришаллу Шушинского уезда и заявляют, что в соседнем с ними татарском селении Абдал-Гюлафлы ими замечено большое скопище вооруженных татар из разных пунктов уезда и что они опасаются нападения как на их селение, так и на соседние армянские, и потому просят генерала принять меры к предотвращению погромов. Генерал отсылает их назад, уверяя, что ничего подобного быть не может и что если татары осмелятся сделать нападение, то он разорит их селение. Через два дня после этого, ночью, татары в большом числе... напали на Миришаллу, разграбили и сожгли несколько домов, перебили несколько человек армян, между которыми были дети и женщины, и только благодаря стойкому отпору армян, не смогли довести до конца предпринятого разгрома целого села. На другой день армяне как из Миришаллу, так из других соседних селений собрались в числе нескольких сот человек и, чтобы обезопасить себя от будущих нападений, решили самим напасть на татар, рассеять скопище их, а самое гнездо их разорить и разрушить вконец. Не дожидаясь исполнения генеральского обещания – разорить Абдал-Гюлафлы, армяне сами напали на это селение и в

течение нескольких часов превратили его в груды дымящихся развалин. Для защиты татарского селения генерал выслал-таки казаков, но они опоздали».

Когда в октябре 1905 года Надежда с Алексеем приехали в Шуши, они нашли родительский дом в целостности и сохранности. Оказалось, что дворник-татарин при виде приближающейся разъяренной толпы вышел ей навстречу и обратился к мародерам со словами: «В этом доме Саркис-бек Шакаров бесплатно лечил ваших детей. Поворачивайте обратно».

Не желая комментировать вышеприведенный текст, приведу для сравнения краткие замечания о шушинских событиях, позаимствованные мною из других источников:

1. На вебсайте «Карабах и регион» говорится: «Армяно-турецкая резня в Шуши началась в августе 1905 года. Армянская сторона под руководством Саркиса Меграбяна предприняла некоторые меры самообороны. Несмотря на это, армянской части города был нанесен значительный ущерб. Были подожжены многочисленные сооружения, разграблены богатые дома и магазины. При этом, по неуточненным данным, погибло 127 армян. Помимо численного преимущества, турки-татары пользовались покровительством местных и губернских властей. Однако, встретив крепкое и организованное сопротивление армян, они сами первыми предложили перемирие».

2. Сведения о татарах, первыми предложившими заключить перемирие, подтверждает итальянский путешественник Луиджи Виллари; в своей книге «Огонь и меч на Кавказе» он пишет, что в 1905 году Шуши пал жертвой ожесточенной армяно-татарской войны, которая закончилась следующим образом:

«2-го числа [сентября] мусульманские военачальники послали к армянам гонца, и в русской православной церкви наконец-то состоялись мирные переговоры. Татары и армяне прилюдно заключили друг друга в объятия и поклялись в вечной дружбе – до поры до времени. Состоялся обмен пленными – как и подобает цивилизованным противникам. Число убитых и раненых достигало 300 человек, из которых две трети составляли татары, поскольку армяне были лучше вооружены и находились в более выгодном стратегическом положении. Ущерб оценивался в сумму от 4 до 5 миллионов рублей. [Русские] воинские части численностью в 350 человек, казалось, ничего не предпринимали в разгар военных действий, зато любезно предоставили военный оркестр для торжеств по случаю примирения».

3. В процитированной ранее Википедии приведены данные, подтверждающие ущерб, понесенный сторонами конфликта:

«Во время армяно-мусульманской резни в 1905-1906 гг. было сожжено и разграблено более 300 домов армян и вся торговая часть, был сожжен театр. В татарском секторе сгорело около 80 домов. К началу 1907 года население города резко уменьшилось. Потребовалось целое десятилетие, чтобы город в какой-то мере восстановился. Торговая часть армянского сектора была восстановлена, но многие армянские дома еще долго лежали в руинах».

В заключение приведу любопытную историю; она характеризует среди прочего тогдашние представления о журналистской этике.

«Официальное Российское Телеграфное Агентство передавало: "Баку, 21 августа. 16-го августа в Шуше армяне внезапно напали на мусульман, живущих и

торгующих в армянской части города, и всех их вырезали. Армяне подожгли затем целый поселок в 40 домов у Эриванских ворот... Мусульмане, в числе 100 человек, имея во главе бывшего владетельного хана и председателя комитета по умиротворению Джеванширского уезда, прошли в армянскую часть, чтобы успокоить население, но армяне, напав на них, ранили многих, а остальных взяли в плен. Подъезжающего на помощь и. о. губернатора Барановского армяне поранили. Мусульмане взяли раненого губернатора в город и, возмущенные насильем, начали отбивать армянские нападения. К тому времени из окружающих селений к мусульманам... подошла помощь; тогда армянское духовенство, бездействовавшее до того времени, выступило с просьбой о прекращении насилия". Эта любопытная телеграмма характеризует не только взгляды корреспондента (им был, видимо, Топчибашев), но и взгляды и понятия хозяев агентства – высшей российской бюрократии.

Телеграмма вызвала скандал. "Тифлисский листок", например, сопроводил ее следующим комментарием: "Мы не можем не обратить внимание на напечатанную в сегодняшнем №-ре телеграмму... о шушинских событиях. Не говоря уже о том, что это сообщение резко расходится с действительностью, извращает ее и совершенно не соответствует другим сообщениям из различных частных, административных и официальных источников, крайняя тенденциозность этой телеграммы слишком явна и бросается в глаза каждому беспристрастному читателю, мало-мальски знакомому с положением дел на Кавказе и хоть немного понимающему истинный смысл татарско-армянской распри. Но и полное несоответствие, и крайняя тенденциозность телеграммы... понятны; телеграмма эта – сочинение бакинского агента, редактора "Каспия" Али Мардан-бека Топчибашева. По наведенным нами в официальных сферах справкам губернатор совершенно здоров и никем не ранен".

В "Сыне отечества" по поводу этой телеграммы выступил Конст. Пономарев. Отметив, что армяне являются обороняющейся стороной, он продолжал: "Но, несмотря на факты, известные всему Кавказу, и частью засвидетельствованные официально... появились телеграммы, искажающие факты и исходящие от татарско-исламистской партии, группирующейся вокруг газеты "Каспий". Видные представители этой партии... продолжали в течение весны и лета агитировать против несчастных армян, измышляя события вроде, будто бы, сожжения армянами в бане татарских женщин, нападения на мулл, ограбления мечетей. Измышления эти были опровергнуты... уважаемым на Кавказе мусульманским писателем Султановым. О них ни слова так же не говорилось ни в донесении... генерала Алиханова, (мусульманина), ни сменившего его принца Людовика-Наполеона..." Сторонники "Каспия" – это "группа, которой единственно только на руку все эти ужасы, тогда как несчастный мусульманский народ оплачивает их своей кровью и потом". Ложь телеграммы была слишком откровенной, особенно в пункте о поранении Барановского. Посыпались опровержения, в том числе и официальные. Однако татарские идеологи не оставили своих усилий и распустили слух, будто в Шуше армяне ворвались в мусульманскую школу, перерезали 20 мальчиков-персов и отрезали им уши и носы. Эту историю специальная делегация рассказала персидскому шаху, проезжавшему тогда через Закавказье; однако генерал Ширинкин опроверг ее официально».

Читаешь эти строки, и перед глазами проносятся картинки недавнего прошлого. Вспоминаешь февраль 1988 года: митинги в Степанакерте, Ереване, погромы в Сумгаите, Кировабаде, Баку. А как тенденциозно освещались эти события на Центральном телевидении, в «Правде», «Известиях» и т. д. Вспомним, какой хай поднимался в соседней республике, когда появлялась правдивая статья или репортаж, в которых сообщались истинные причины, побудившие народ Арцаха сказать решительное «Нет» своей «автономии» в составе советского Азербайджана. История повторяется поразительным образом. Здравый смысл подсказывает: «нефтяной фактор» не вправе играть судьбами миллионов людей. Политики! Остановитесь, пока не поздно! Нефть рано или поздно кончится. Останутся искалеченные судьбы. Нет ничего дороже человеческой жизни. Не делайте целые народы заложниками своих честолюбивых амбиций.

Кроме событий в Шуши, Павел Шехтман описал в «Пламени древних пожаров» погромы армян и в других городах нынешнего Азербайджана. Призываю читателя набраться терпения и прочесть еще один впечатляющий фрагмент из этой книги; здесь приведены показания очевидцев бакинских событий февраля 1905 года.

ПОКАЗАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ

Екатерина Орловская: «Приехала в Баку в воскресенье. Ко мне зашел г. Мдивани, живущий в той гостинице, и сказал мне: "Вы приехали в тяжелое время. Полтора месяца назад уже решено разделаться с армянами, а в последнем заседании, в пятницу 4-го февраля, происходившем у одного мусульманина (где был и он, Мдивани) решено окончательно уничтожить армян". Видела из окна, как проехал мимо полицеймейстер, остановил для чего-то фаэтон, в этот самый момент на его глазах татарин убил армянина, но полицеймейстер, не обратив никакого внимания на это, поехал дальше».

Бабаян: «Мой компаньон по делу, татарин, рассказывал мне, что полицеймейстер им прислал два ящика патронов и несколько берданок с советами получше воспользоваться ими в течение трех дней, убивая побольше армян».

Один из очевидцев рассказывает, и слова его подтверждены показаниями многих других, что на вопрос, обращенный к татарам-громилам: зачем они стреляют в армян? – получался один и тот же ответ: " Они бунтовщики! "

– Да вам-то что? Ведь не против вас бунтуют!

– Они хотят своего царя иметь, а потом нас душишь будут...

– Да кто же вам сказал, что армяне своего царя хотят? Ведь это неправда...

– Полиция говорит и другие русские говорят, губернатор получил секретную бумагу бить армян-бунтовщиков.

– За что?

– А за то, что они будут бить татар, если мы не соединимся с ними вместе и не будем бунтовать.

– Да кто это тебе сказал?

– Полиция...

– Как, прямо тебе сказали?

– Нет, я от других слышал, что губернатор призывал мулл и богатых персиан и приказал им бить армян».

Корреспондент газеты «Мишак»: «Татары, ворвавшись в дом, кажется, Карапета Азиянца, первоначально потребовали денег, а затем, получив деньги, отделили мужчин от женщин и детей. Все поняли, что мужчин хотят перерезать, начали умолять пощадить, но татары ответили, что не могут никому из мужчин сохранить жизнь, потому что так приказано губернатором».

Мовсумов, «молодой интеллигентный татарин из сеидов», рассказывал, что он был очевидцем... следующего факта: губернатор ехал в сопровождении конвоя и переводчика Шахтахтинского. Его обступила толпа в 40 человек вооруженных татар... Губернатор будто обратился тогда к ним и сказал: «Я вам мешать не буду, режьте, убивайте, грабьте армян на улицах, но только домов не трогайте и не грабьте, а то я принужден буду приказать действовать войскам...»

Господин Мовсумов за свою речь был жестоко избит единоверцами своими, пригрозившими к тому же убить его. Он вынужден был бежать из пределов Кавказа. Вот кстати, что пишет г. Мовсумов своему другу из места своего изгнания:

«Уже два месяца шла подготовка. Пристав 1-го участка Мамедбеков и Султанов (помощник пристава), еще летом возбуждавшие татар на резню армян на фабрике Мирзабекянца, собирали татар в чайных заведениях и говорили им, что так как армяне не хотят принимать участия в "бунте" (демонстрациях), то армяне поэтому собираются вырезать татар во время предстоящей демонстрации рабочих. Я сам был свидетелем этой гнусной пропаганды».

Статский советник Арутюнов, присяжный поверенный: «...полковник Вальтер просил у князя Накашидзе разрешения силой разогнать толпу громил и просил только письменного приказа... Губернатор князь Накашидзе ответил:

– Что же, стреляйте... я ничего не имею против...

– Нет, ваше сиятельство, вы дайте мне письменный приказ.

– Да ведь я не откажусь от своих слов...

– Ваше сиятельство! Дело это чревато последствиями, и мне надо иметь письменный приказ...

Губернатор – ни слова... Замолчал... А в это время шла резня безоружных армян... Далее... в народе слишком упорно говорят, что оружие и патроны раздавали в некоторых полицейских участках, как то: во 2-м, 3-м и черномгородском. Относительно этого полицейского участка говорят даже, что до событий 6-9 февраля мусульманам выдавались офицерские револьверы, причем у них отбирались паспорта, а когда состоялся мир, то стали обратно принимать револьверы, выдавая паспорта».

Андрей Блаш, бухгалтер: «Я проходил по Карантинной улице, я видел трупы убитых, возле стояла толпа татар, вооруженных казенными револьверами образца "Смит и Вессон". Проехали казаки. Один из них предложил обезоружить татар.

– Не твое это дело, болван! Едем дальше».

В. М. Асланов, отставной поручик: «В понедельник, 7-го февраля, группа татар набросилась на дом Хачатурова. К проезжающим в это время по улице трем казакам обращаются с просьбой о помощи три армянина, бросаются перед

ними на колени. Казаки соглашаются взять одного из них, берут его в середину и двигаются вперед: отойдя несколько шагов, один из казаков, завидя татар, мигает глазом татарам, толкает вперед армянина: татарин выстрелом из берданки убивает наповал армянина. Казак острит: "Ишь, гололобый, и стрелять-то толком не умеет, чуть подкову не испортил". Затем преспокойно казак вынул папироску, закурил ее у татарина, и все трое двинулись дальше».

Архивариус Бакинского окружного суда Нагибеков (татарин) передавал тому же Асланову: «В среду, 9 февраля, около 3-х часов, губернатор князь Накашидзе едет по Николаевской улице; идут три армянина, в числе их подросток. На глазах у князя Накашидзе татары нападают на армян, одного из них убивают на месте, подростка бьют прикладом. Сопровождавший князя Накашидзе казак подлетает к татарам и отнимает берданку; тогда князь Накашидзе кричит: "Отдай назад берданку!"»

Тер-Ованесянц: «Подойдя к господину губернатору, я заявил ему, что нас окружают вооруженные татары, что наша жизнь в опасности и что нам необходимо оказать помощь, а именно дать несколько казаков, чтобы выбраться из означенного дома и пробраться в армянскую часть города, но губернатор рассердился на меня и сказал: "Вон! Убирайся к черту – не надоедай мне!"»

А теперь для сравнения приведу показание русских беженцев из Баку, испытавших на себе в январе 1990 года, т. е. спустя 85 лет после описанных выше событий, все прелести азербайджанского интернационализма.

«Вот живая картинка из Баку девяностого года. Беженка Н. И. Т-ва: "Там творилось что-то невообразимое. С 13 января начались погромы, и мой ребенок, вцепившись в меня, говорил: "Мама, нас сейчас убьют!" А после ввода войск директор школы, где я работала (это вам не на базаре!), азербайджанка, интеллигентная женщина, сказала: "Ничего, войска уйдут – и здесь на каждом дереве будет по русскому висеть". Бежали, оставив квартиры, имущество, мебель... А ведь я родилась в Азербайджане, да не только я: там еще бабушка моя родилась!..»

Да, Баку в 1990 году кипел ненавистью к "русским оккупантам". Горцы создавали Азербайджан для азербайджанцев: на улицах и в домах орудует толпа громил, и при этом митингующие ходят с глумливыми лозунгами: "Русские, не уезжайте, нам нужны рабы и проститутки!" Сколько же сотен тысяч, если не миллионов, русских людей пережили десятки погромов и "холокостов", чтобы, в конце концов, убедиться, что нет никакой дружбы народов?»

Неправда! Есть такая дружба! Вспомним, как весь мир в декабре 1988 года устремился в Армению, чтобы помочь жертвам землетрясения. Вспомним посылки, собираемые в городах России для оставшихся без крова армянских детей. Вспомним и надписи на товарных вагонах, идущих в Армению через территорию Азербайджана.

«Вот как очевидец описывает случай в юридической консультации в Москве: "Женщина из Загорска оказалась русской беженкой из Баку. Внешне похожа на внезапно постаревшую девочку-подростка, бледная, руки трясутся, говорит, сильно заикаясь – так, что порой трудно разобрать речь. Проблема ее проста: по какому пункту какого из юридических документов их должны считать беженцами? их не прописывают, а на работу без прописки не принимают

("Правда, я шитьем подрабатываю, полы в подъездах мою"), статуса беженца не предоставляют, положенных в этом случае денег не дают. Галина Ильинична стала объяснять... Беженка вынула лист бумаги и авторучку, но записать ничего не смогла – руки тряслись так, что ручка оставляла на листке только прыгающие каракули. Я взялся помочь.

Закончив писать, спросил беженку, кивнув на трясущиеся руки: "Это отчего у Вас так?.." "Ой, да сейчас уже почти прошло! Я и говорить сейчас стала лучше (А я, грешным делом, думал, что хуже некуда!) А вот тогда, когда нас убивали..." "Где вас убивали?" "Да в Баку, где мы жили. Выломали дверь, мужа ударили по голове, он без сознания валялся все это время, меня били. Потом меня прикрутили к кровати и начали старшенькую насиловать – Ольгу, двенадцать лет ей было. Вшестером. Хорошо, что Маринку четырехлетнюю в кухне заперли, не видела этого... Потом побили все в квартире, выгребли что надо, отвязали меня и велели до вечера убраться. Когда мы бежали в аэропорт, мне чуть не под ноги упала девчоночка – выбросили с верхних этажей откуда-то. Вдрызг! Её кровь мне все платье забрызгала... Прибежали в аэропорт, а там говорят, что мест на Москву нету. На третьи сутки только и улетели. И все время, как рейс на Москву, ящики картонные с цветами, десятками на каждый рейс загружали... В аэропорту издевались, все убить обещали. Вот тогда я начала заикаться. Вообще говорить не могла. А сейчас, – на ее губах появилось что-то наподобие улыбки, – сейчас намного лучше говорю. И руки не так трясутся".

У меня не хватило мужества спросить ее, что же случилось со старшенькой, которой было двенадцать лет в день чудовищного надругательства, как пережила весь этот ужас четырехлетняя Маринка...»

Я сознательно опускаю описания сцен с издевательствами над бакинскими армянами. Кадры с чудом спасшимися, но покалеченными беженцами, спускающимися по трапу самолета из Красноводска, периодически показывают по армянскому телевидению. Показывают и кадры с возложением венков на аллее шахидов в Баку, куда привозят руководителей иностранных государств, отдающих дань памяти «героям» бакинских погромов.

АЙ ДА ВИЛЛАРИ!

Добродетели армян относятся к тем качествам, которые с прогрессом цивилизации будут приобретать все большую ценность.

Эпиграф к этой главе взят из книги названного выше итальянского журналиста и дипломата Луиджи Виллари. Он путешествовал по югу России в 1905 году, а вернувшись на родину, написал книгу «Огонь и меч на Кавказе», изданную в Лондоне в 1906 году. Алексею и Надежде с трогательной надписью: «От души и для души. Восхищен армянами. Лондон, 1 декабря 1906 года» подарил на Рождество Гульельмо Маркони.

Прежде чем привести фрагменты из книги Виллари, предпошлю им необходимую преамбулу.

В конце сентября 1905 года Алексей Шаров получил шифrogramму. Его предупредили, что из Тифлиса в Баку направляется итальянский путешественник Луиджи Виллари. Алексею предлагалось познакомиться с ним и проследить за его контактами. Алексей так и поступил – как бы невзначай толкнул итальянца в вестибюле гостиницы «Европа», где тот снял номер, извинился за свою неловкость и, слово за слово, пригласил его к себе на чашку чая. Домашние чаепития время от времени повторялись, и Алексей был в курсе передвижений гостя, его контактов, интересов и знакомств. Именно за чаепитием Алексей вскользь обронил:

- Я, сеньор Луиджи, неплохо знаю вашего соотечественника Гульельмо Маркони.
- Изобретателя радио? И что же вас связывает?

– Радио и связывает. Я поставляю кое-каким организациям оборудование, которое изготавливает лондонская фирма Маркони.

Радиооборудование гостя не занимало. Но знакомство с известным и преуспевающим учёным и предпринимателем служило чете Шаровых прекрасной рекомендацией.

Виллари с неослабным вниманием следил за бурными событиями, очевидцем которых ему выпало стать. Баку целых три года сотрясали волнения, стачки, когда открытое, а когда подковёрное соперничество за нефть между такими магнатами, как Рокфеллер и братья Нобели, ну а вдобавок армяно-татарское противостояние, временами переходившее в кровавые столкновения. Неравнодушный и пристальный наблюдатель, Виллари с редкой достоверностью воспроизвел увиденное и снабдил свои зарисовки с натуры точным и глубоким комментарием.

Почта доставила бандероль аккурат к Рождеству. Как только улеглись праздничные хлопоты и суета, Надежда приступила к чтению. Книга Виллари удивила и порадовала её. Она поделилась было своими впечатлениями с Алексеем, но тот попросил жену подождать: «Освобожусь, прочту, тогда и обсудим». И Надежда вновь обратилась к дневнику.

7 января 1907 года.

«Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!» – написал Александр Сергеевич, закончив «Бориса Годунова». Закончила восьмую главу «Огня и меча» и не в силах удержаться: «Ай да Виллари, ай да сукин сын!» Глава называется «Армяне, татары и российское правительство». Нигде и никогда я не встречала столько лестных высказываний о моем народе. Ну, например: «Лично я имел дело с армянами, чьи манеры и привычки были абсолютно светскими, находясь среди них, я чувствовал себя в обществе изысканных европейцев, даже если не принимать во внимание их доброту и радушие по отношению лично ко мне». Читая это, я, грешным делом, подумала: может, он и меня имел в виду?

А вот это не имеет ко мне никакого отношения, но всё равно приятно: «В целом трудно обвинить армян в нечестности, у большинства из них исключительно высокое понятие о чести. Коммерческая способность, доходящая почти до гениальности, позволила им взять в свои руки экономическое развитие края».

А вот еще: «Любовь к образованию – одна из наиболее впечатляющих особенностей армян, представители всех классов с рвением обучаются сами и стараются дать своим детям хорошее образование. Безграмотные крестьяне пытаются скопить нужную сумму и готовы даже голодать, чтобы отправить детей в достойную школу и, при возможности, в университет. Многие состоятельные армяне делают значительные пожертвования на школы и стипендии учащимся».

В отличие от своей героини, сосредоточу внимание вот на чём. Виллари, по сути дела, разделил мнение о значимости нефтяного фактора, некогда высказанное в реферате Алексея. Мало того, итальянец отметил и роль армян в этой сфере: «Своим развитием Баку прежде всего обязан армянам – они были первыми в

широкомасштабной разработке нефтяных месторождений современными методами, они составляют значительную часть квалифицированных рабочих, а также управляющих, инженеров и капиталистов».

Или: «В 1858 году была предпринята попытка получить очищенную нефть из нефти-сырца, в 1863-м армянин Меликов построил первое очистное сооружение. Первопроходцами нефтяной индустрии были армяне, хотя русские и иностранцы вскоре нахлынули в Баку в большом количестве. В 1871 году пробурили первую скважину, с тех пор новый метод добычи восторжествовал над прежним. Через два года забил первый нефтяной фонтан, за ним последовали другие. Фонтан Орбелова (1877–81) достигал высоты в 200 футов и выдавал миллион пудов сырой нефти в неделю, фонтан Манташева, забивший в 1881 году, оказался в два раза выше».

Далее Виллари вскрывает причины напряженных отношений между двумя закавказскими народами: «Соперничество между армянами и татарами в Баку имеет давнюю историю и отличается от общего характера вражды этих народов в остальных частях Кавказа. Татары всегда считали Баку своим городом. Татарские ханы властвовали здесь веками, значительное большинство населения провинции составляют татары, и общий облик региона вплоть до недавнего наплыва иностранцев был преимущественно татарским и мусульманским. Однако армяне, более образованные, сообразительные и напористые, постепенно приобретали в городе все большее влияние, тесня при этом татар. Есть всего две небольшие татарские нефтяные компании, хотя многие татары проявляют интерес к отрасли. В Баку, где армяне находятся в меньшинстве, они преобладают в городском совете, тем более что закон запрещает нехристианам иметь больше половины мест в органах местного самоуправления. Армяне успешно конкурируют даже с иностранцами. Хотя армянский капитал составляет в отрасли всего 35%, пять из семи членов "Съезда" ("Совета производителей нефти") – армяне по национальности. Татар нет не только в "Совете производителей", но и в Комитете фондовой биржи».

Именно это обстоятельство и послужило, по мнению Виллари, причиной бед, обрушившихся на армян: «За время пребывания в Баку меня чрезвычайно поразило ожесточение иностранцев против армян, кроме двух-трех случаев их симпатии целиком были на стороне татар. Признаюсь, такое единодушие произвело на меня впечатление... Не говоря уже об умении мусульман производить впечатление, на позицию иностранных финансистов и предпринимателей влияет их конкуренция с армянами. Если б не армяне, иностранцы прибрали бы к рукам всю здешнюю нефтяную промышленность, вместо этого им приходится иметь дело со способными, энергичными, предприимчивыми соперниками.

Вдобавок армянские рабочие гораздо менее сговорчивы, чем татарские, у них выше требования по оплате труда, питанию, условиям проживания, они требуют для себя бань, читален и т. д., тогда как татары приноравливаются ко всему. Армяне входят в рабочие организации и могут организовать стачку, если не получают требуемого, некоторые из них принимают участие в революционном движении. Яркий тому пример – летние стачки 1903 года. С татарскими рабочими можно обращаться как угодно, стоит только добиться расположения их предводителей и местных российских властей. Но с армянами нужна осторожность. Будучи политически более грамотными, чем татары, они гораздо требовательнее. Все

вышесказанное объясняет ожесточение иностранцев против армян. Один видный промышленник-англичанин прямо заявил мне, что всех армян необходимо уничтожить. Он обвинял их во всех мыслимых преступлениях, видел в них первопричину всех волнений, источник всякой революционной агитации».

Далее Виллари задается риторическим вопросом: «С какой стати татары должны ненавидеть армян больше, чем других христиан, к примеру, русских и иностранцев?» И тут же даёт ответ: «Причина в том, что армяне живут рядом с ними в большом числе, тогда как другие христиане сравнительно малочисленны. Армяне – коренные жители, тогда как русские приезжают сюда в качестве солдат, государственных служащих, временных наемных рабочих и уезжают через несколько лет. Иностранцы прибывают делать деньги и точно так же быстро отбывают восвояси. Армяне же считают каждый город, где их достаточно много, своей "сферой влияния", их прогресс в некоторой степени происходит за счет татар».

Последние инстинктивно понимают, хотя никогда в этом не признаются, что представляют собой расу, клонящуюся к упадку, что каждый шаг прогресса ведет к ущербу для них и к выгоде для армян, которые станут еще богаче и влиятельнее. Кроме того армян они боятся меньше, чем русских, первые – такие же подданные, как и они сами, тогда как последние представляют собой господствующий в империи народ, им нужно подчиняться во избежание нежелательных последствий... Несмотря на отсутствие любви между татарами и армянами, на частые убийства на почве расовой и национальной вражды, они жили бок о бок под российской властью в относительном мире. Они не смешивались социально, но соприкасались по делам бизнеса, в клубах и в своих контактах с местной администрацией.

До февраля прошлого года между двумя народами не начинались боевые действия. Причина конфликта выглядит темной: татары и армяне обвиняют друг друга в первом нападении, но обе стороны согласны, что правительство организовало или, по крайней мере, поощряло открытую вражду, исходя из старого принципа "разделяй и властвуй". Несомненно, правительство действительно убеждало татар, что в случае нападения на армян оно не станет вмешиваться, желая предприятия успеха». Как тут не вспомнить еще раз атмосферу, сложившуюся в городах, где в конце минувшего века произошли погромы армян, – в Сумгаите, Кировабаде, Баку? Как не подумать, что погромщики без труда уловили намёки властей предрержащих: делайте своё дело, никто вам не помешает?

«Как я уже говорил, во времена голицынского режима армян изгнали с государственной службы, новый административный персонал в районах со смешанным населением назначался либо из татар, либо из русских чиновников, разделявших предубеждения Голицына. Татарами были губернаторы отдельных районов, полицеймейстеры, приставы и практически все рядовые полицейские... Князь Голицын и его помощники даровали татарам множество привилегий и постоянно разглагольствовали перед ними о беззакониях армян».

Татары быстро поняли, какую выгоду можно извлечь из сложившегося положения. Из Персии переправлялось большое количество оружия и между главными представителями татарской знати было достигнуто взаимопонимание по поводу плана действий. Вероятно, вначале в тайных договоренностях принимали участие представители властей Баку – города, где национальный антагонизм проявлялся сильнее всего. Однако в скором времени весь мусульманский элемент

Закавказья был вовлечен в дело и, возможно, также некоторые зарубежные мусульмане, хотя соучастие мусульман из Персии не имеет прямых доказательств. Общая схема состояла, ни больше ни меньше, как в полном истреблении всех армян в Бакинской, Дагестанской, Елизаветпольской и Эриванской губерниях.

Причины, побудившие правительство, мягко говоря, «не замечать» гонений на армян, полагает Виллари, надо искать в том, о чем уже говорилось в предыдущих главах. А именно: «Россия по многим причинам отказалась от своей традиционной враждебности к Турции. Раньше в России надеялись через покровительство восточным христианам со временем подчинить в той или иной степени своему влиянию всю Оттоманскую империю и даже сделать ее полуколонией. Однако Берлинский трактат лишил Россию плодов ее побед, освобожденные балканские народы проявили дух, которого не ожидали ни Александр II с Горчаковым, ни лорды Биконсфильд и Солсбери.

Российские власти и в некоторой степени сам народ устали от проблем восточных христиан и начали сожалеть о пролитой крови и затраченных средствах, которые не принесли ни немедленных выгод, ни даже благодарности. Страдания армян вызывали еще меньший отклик – будучи неправославными, они не пользовались в России особой симпатией. В довершение ко всему англо-русские отношения в восьмидесятых годах были очень напряжены, некоторое время война между двумя империями казалась близкой. Как покровительница Турции, Англия могла в любой момент отправить флот в Черное море, используя базы в турецких портах. Севастополь до сих пор лежал в руинах, Батум все еще не был укреплен, российский черноморский флот только возрождался, все южное побережье России было открыто для английской морской атаки. Даже в случае диверсии на индийской границе, все черноморские порты были бы наверняка захвачены или разрушены.

С учетом этого чрезвычайно желательным стало достижение взаимопонимания с Турцией как с целью вытеснить Великобританию с Востока, так и для собственной безопасности. Для соглашения с турками России необходимо было отказаться от защиты прав восточных христиан, в данном случае армян, которые считались наиболее опасными врагами Оттоманской империи. Это удачно совпало с подозрительностью, которую Санкт-Петербургская бюрократия испытывала по отношению к любой агитации, с ее неприязнью по отношению к инородцам и иноверным церквам в своих владениях».

И далее: «Резня армян в Турции, начавшаяся с небольшого эпизода в Эрзруме, развивалась по восходящей, пока не дошла до своей кульминации в ужасной бойне 1894–1896 годов. Россия ничего не сделала, чтобы сдержать Порту, даже не выразила своего недовольства, наоборот встала на защиту султана против других держав, требовавших осуществления обещанных реформ. В России опасались, что в случае реформ и получения армянами некоторой автономии, в Малой Азии образуется новая Болгария, а это в свою очередь приведет к зарождению армянского сепаратизма на Кавказе.

Российские официальные лица восприняли резню в Турции с циничным безразличием. Общеизвестной стала фраза князя Лобанова: "Нам нужна Армения, но не нужны армяне". Этот девиз неуклонно соблюдался в российской политике по отношению к Армении и Македонии в последующие 20 лет. Нельзя, конечно, возлагать вину исключительно на Россию, западные державы также несут свою долю

ответственности, в особенности Англия — главный творец Берлинского трактата. Очень сомнительно, что Россия стала бы противодействовать энергичным акциям против Турции, если бы британские политики имели смелость настоять на них».

Говорят, лучше поздно, чем никогда. Пусть и спустя целое столетие, хочется от лица всех армян, от имени армянского народа поблагодарить Луиджи Виллари за сочувствие, добрые слова и, главное, за правду.

«КРОВЬ И ПОЖАРЫ В ГОРОДЕ НЕФТИ»

Читая одну главу в книге Луиджи Виллари, Надежда вспомнила, как они с Алексеем и земляками-шушинцами рассказывали Левону о февральских погромах. Я воспроизвожу эту главу полностью, так что читатель еще раз убедится в беспристрастности моей героини. К тому же в августе 1905-го – ни в разгар событий, ни по свежим следам – Надежда не сделала в дневнике ни единой записи. Жаль, конечно, свидетельство умного и добросовестного очевидца всегда драгоценно. Но, видимо, в те дни помыслы моей героини всецело были в Шуши. Думаю, рассказ итальянского дипломата сполна возместит упущение Надежды (хотя не нам её судить!). Больше того, итальянец – очевидец незаинтересованный, объективный и сторонний, тогда как армянин или азербайджанец, сколько бы ни стремились к объективности, достигнуть её никогда бы не смогли, признаем это. Виллари озаглавил интересующую нас главу «Кровь и пожары в городе нефти». Вот она:

События в Баку не остались без внимания прессы, но освещались они отрывочно и часто недостоверно. Будет полезным изложить их в правильной последовательности.

Здесьние погромы стали эпизодом кровавой драмы армяно-татарской вражды, при этом февральская резня оказалась первым случаем открытого и крупномасштабного противостояния. Его можно рассматривать как часть борьбы современных идей и азиатского варварства, которая происходит везде на Востоке, в том числе и в России.

В июле 1903 года разразились стачки русских и армянских рабочих на нефтепромыслах. Они имели главным образом экономическую природу, но присутствовала и политическая подоплека, как и в других стачках того же года по всей Российской империи. Началось революционное движение. Несколько буровых вышек было сожжено, и общее положение в Баку стало вызывать беспокойство тогдашнего генерал-губернатора Одинцова. В августе для изучения ситуации в город прибыл заместитель министра внутренних дел генерал фон Валь.

Князь Голицын, поглощенный своей антиармянской политикой, несколькими неделями раньше провел конфискацию собственности армянской церкви, и в октябре на его жизнь было совершено покушение. В начале 1904 года представитель грузинской знати князь Накашидзе, который в качестве Эриванского вице-губернатора активно участвовал в конфискации, был переведен на новое место и назначен губернатором Баку. Его прибытие совпало с обострением армяно-татарской вражды. Взрыв казался неминуемым, многие армяне отослали свои семьи из города. В июне 1904 года князь Голицын навсегда покинул Кавказ и отбыл в Санкт-Петербург.

К концу года князь Накашидзе был вызван в столицу и после нескольких встреч со своим бывшим начальником вернулся в Баку. Возбуждение и взаимная ненависть в городе нефти усилились, но губернатор ничего не делал для примирения. Наоборот, он постоянно говорил об армяно-татарской резне, как о неизбежном событии, открыто поощрял татар и относился к армянам с явным холодком. Когда армянская делегация явилась выразить свои опасения и просить власти о защите, он ответил только одно: «Не стреляйте сами, и никто не станет стрелять в вас». Тем временем на Шемахинке произошло несколько убийств армян, приписанных татарам. Одновременно несколько трупов татар, якобы убитых армянами, были обнаружены под растаявшим снегом. Многие подозревали участие полиции, попытку еще больше разжечь ненависть между армянами и татарами, но мне не удалось выяснить обоснованность этих подозрений. Власти постоянно твердили татарам, что армяне замышляют резню мусульман и нужно быть начеку. В начале февраля татарский торговец Касумбек, совершивший несколько актов насилия над армянскими детьми – девочками и мальчиками – подвергся нападению и был ранен. Касум-беку удалось убить нападавшего армянина. Арестованный, он пытался бежать, и конвойный, также армянин по национальности, застрелил его. (Как видим, кара постигла Касум-бека, по меньшей мере, не беспричинно. – С. К.) Этот конвойный оказался членом революционного комитета (видимо, имеется в виду партия «Дашнакцутюн» – Армянский революционный союз. – С. К.), но армяне отрицали, что именно партийная организация отдала приказ убить Касум-бека. Они утверждали, что солдата склонила к этому семья одного из мальчиков, пострадавших от Касум-бека.

Родственник Касум-бека, состоятельный татарин по фамилии Бабаев, решил по татарскому обычаю отомстить. Через несколько дней поблизости от городской церкви он совершил покушение на человека, на которого ему указали, как на убийцу Касум-бека. Бабаев промахнулся и в последовавшей затем суматохе был застрелен сам. Этот случай взволновал весь город. Князь Накашидзе призвал

несколько армянских журналистов в свою резиденцию и обратился к ним с длинной речью об опасности резни. Если татары поднимутся, он не сможет защитить армян из-за недостатка войск и ненадежности полиции, большей частью состоящей из самих татар. Один из армян, участников встречи, сообщил мне, что некоторые ее части слово в слово повторились потом в губернаторском рапорте после резни – похоже, Накашидзе заранее предвидел развитие событий.

Процессия с телом Бабаева проследовала по татарским кварталам. Если бы князь Накашидзе пожелал предотвратить беспорядки, он бы ее остановил. Вид погибшего привел мусульман в ярость, и 19-го февраля они начали убивать подряд всех армян. Последние защищались, как только могли, но татар, лучше вооруженных, было во много раз больше. Власти никак не реагировали на отчаянные призывы о помощи армянам, осажденным в своих домах. Князь Накашидзе отвечал, что не имеет войск и ничем не в состоянии помочь, хотя на самом деле в его распоряжении было две тысячи человек. Видели, как он разъезжал по городу, открыто подбадривая татар и похлопывая их по спинам. Однажды у него на глазах слишком усердные солдаты разоружили татарина – губернатор приказал вернуть ружье, что и было выполнено.

М. Адамов, один из богатейших армян Баку, трое суток провел в осаде в собственном доме. Будучи первоклассным стрелком, он собственноручно убил нескольких нападавших, прежде чем сам погиб вместе с сыном. Ворвавшись внутрь, татары перерезали всех обитателей и подожгли дом. Такая же судьба постигла Лалаева, другого богатого армянина, который защищался до тех пор, пока не закончились боеприпасы, после чего все домочадцы были убиты, а дом сожжен. На его обращения о помощи губернатор не дал никакого ответа, зато лично прибыл на место, как только все было кончено. Только на четвертый день, когда исчерпались силы и нападавших, и обороняющихся, погром прекратился и воцарилось относительное затишье. Убито было от трехсот до четырехсот человек (по официальным данным 218 армян и 126 татар) (205 и 111 соответственно. – С. К.) Шейх-уль-ислам, достойный и благонамеренный человек, имеющий мало влияния на самую беспокойную часть своего народа, помолился за мир в армянском соборе, армянский епископ отслужил службу в мечети. Те, кто сумел сохранить хладнокровие, возлагали на власти главную ответственность за случившееся.

Но расовая ненависть достигла такого градуса, что продолжительное примирение оказалось невозможным. (Даже 70 лет советской власти не вытравили эту ненависть, а в нынешнем Азербайджане благодаря «мудрой национальной политике» она только возросла. – С. К.) Несколько месяцев прошли сравнительно спокойно, хотя случались отдельные убийства. Обе стороны вооружались, армяне более активно. Убедившись во враждебном отношении властей, они поняли, что могут рассчитывать лишь на самих себя. (Примерно так же развивались события в Нагорном Карабахе после февраля 1988 года. – С. К.) Революционный комитет (партия «Дашнакцутюн». – С. К.) проявил большое усердие в сборе денег как с армян, так и с зарубежных фирм, которые подвергались шантажу и угрозам. Оружие и взрывчатка нелегально доставлялись из Москвы. Татары, чувствуя покровительство властей, не предпринимали такой активности. Официальное расследование беспорядков было поручено сенатору Кузьминскому, но его выводы

были напечатаны только в начале этого года, и никто из виновных не был наказан. Армяне взяли дело мщения в свои руки, и 24-го мая князь Накашидзе погиб от взрыва бомбы. Его вина в бакинских событиях в любом случае не подлежит сомнению. Ответственность Голицына под вопросом — князь покинул Кавказ несколькими месяцами раньше беспорядков в Баку, однако они безусловно стали прямым следствием его политики. Возможно, князь Накашидзе получил от него наставления во время своей поездки в столицу.

Безнаказанность бакинской резни ободрила татар в других районах Кавказского края. К лету критическое положение сложилось в Шуше. После убийства князя Накашидзе было объявлено чрезвычайное положение, генерал-губернатором стал генерал Фадеев, некогда отличившийся при взятии Карса. Новый наместник Кавказа был более расположен к армянам, чем его предшественник, права армянской церкви на собственность были восстановлены. Однако служащие низшего ранга и полицейские чины остались в большинстве своем крестурмами Голицына, и власти Баку по-прежнему отказывались признавать ситуацию взрывоопасной. Всего за несколько дней до сентябрьской вспышки насилия было роздано около 16 тысяч разрешений на ношение оружия за подписью генерала Фадеева. Когда комитет нефтепромышленников обратился к нему с призывом осознать серьезность положения и предоставить необходимую защиту, его благородие (его высокопревосходительство. – С. К.) самодовольно ответил, что все обойдется и вообще «все к лучшему в этом лучшем из городов».

Генерала Фадеева не обвиняют в провоцировании второй вспышки насилия или в поощрении татар. Но он не предпринял необходимых мер с тем, чтобы предотвратить беспорядки, хотя личный состав городского гарнизона был увеличен до шести тысяч человек. Социал-демократы, главным образом из числа русских рабочих, снова начали агитировать в пользу гражданских свобод и улучшения положения рабочего класса. Армянский и Социалистический комитеты работали раздельно, но оба желали установления конституционной власти. Армянские рабочие, как и социал-демократы, выдвигали экономические требования, хотя их комитеты были прежде всего политическими.

В конце августа состоялась стачка в трамвайном депо, и движение встало на несколько дней. Затем по приказу генерал-губернатора его восстановили, предписав солдатам сопровождать вагоны в целях безопасности. Забастовщики вышли на демонстрацию, прозвучали отдельные выстрелы, несколько татар получили случайные ранения. Второго сентября в разных частях города начались перестрелки. Татарский и армянский кварталы были, как я уже говорил, разделены рядом опустевших домов, Баку превратился в два военных лагеря. Перестрелка усиливалась, несколько домов было подожжено. Тем не менее, в самом городе, благодаря генералу Фадееву, так и не произошло ничего серьезного. Подчиненные ему войска не позволили прорваться в город сельским татарам, которые в большом числе скопились на окраинах.

Гораздо хуже складывалась ситуация на нефтепромыслах. Как только распространились слухи о стычках в Баку, большие массы татар направились вместе со своими предводителями в сторону Балаханов и Раманов, где к ним присоединились сельские жители. В ожидании нападения армяне заняли оборонительные позиции. За ночь татары подожгли нефтепромыслы в Балаханах

и Раманах, принадлежащие армянским компаниям. Деревянные, пропитанные нефтью вышки вспыхивали как спички, огонь перекинулся на близлежащие здания и распространился на другие промыслы. Вскоре нефтеносные месторождения накрыло облако дыма, языки пламени рвались вверх от горящих вышек.

Отчаянная борьба завязывалась всюду, где сталкивались татары и армяне, однако первым пришлось гораздо тяжелее, чем в феврале. Нападение на Общество нефтепромышленников было отбито с потерями, многие татары были застрелены казаками на промысле «Ватан». Пятого числа меньшие по масштабам бои происходили возле Сабунчинского госпиталя, где находилось около двух тысяч армян и некоторое число казаков. Некоторые армяне, застигнутые врасплох, пытались скрыться, но были пойманы татарами и разрезаны на куски. Часть из них покинула укрытия в ответ на обещание сохранить им жизнь, все тут же было жестоко убито. На промыслах Меликова несколько армян заперлись в здании, но татары облили его керосином и подожгли. Не щадили никого, невзирая на возраст или пол.

Среди актов дикой жестокости выделялись примеры поразительного героизма. Нельзя не восхищаться тем, как армяне переправляли женщин и детей в безопасные места, как доставляли под огнем воду и провизию осажденным. Трое англичан провели несколько дней в осаде в Забрате, прежде чем их освободил консул, мистер Лесли Урквард, но опасность для армян, конечно, была во много раз выше, поскольку татары не испытывали особой вражды к иностранцам. Между тем перестрелки и поджоги начались на приисках в Биби-Эйбате. Промыслы Питоева, Манташева и других армян сгорели дотла, ущерб был нанесен и собственности английских компаний «Олеум» и «Б.О.Р.Н.».

Водонапорные сооружения тоже горели, поэтому погасить пламя не было никакой возможности, отряды казаков и моряков Каспийской флотилии не в состоянии были сдерживать татар. У берега появилось несколько судов, набитых вооруженными татарами. По слухам один из этих кораблей прибыл с территории Персии. Однако в большинстве случаев высадиться татарам не позволили. Жертв в Биби-Эйбате оказалось гораздо меньше, чем в Балаханах, убито было несколько армян, но большинству удалось спастись.

Наконец, прибыли армейские подкрепления из Тифлиса и Ростова, артиллерийские орудия разместили на позициях, как в районе нефтепромыслов, так и в городе. Армия действовала энергично к большому неудовольствию татар, которые надеялись на ее поддержку или, по крайней мере, невмешательство. Генерал-губернатор выпустил предупреждение – в случае, если из какого-либо здания будет открыт огонь, его разрушат артиллерийским обстрелом. Такими методами порядок был постепенно восстановлен, хотя возбуждение было по-прежнему велико, и многие сомневались – не предвещает ли затишье новую бурю. Общее число жертв достигло 600, и счет продолжал непрерывно возрастать даже после относительной разрядки ситуации.

Как обычно, власти допустили множество ошибок, которые скорее увеличили, чем снизили напряженность. Большое здание, где располагались британское и итальянское вице-консульства, другие учреждения и частные квартиры, подверглось ожесточенному обстрелу только на основании слухов, будто кто-то вел револьверный огонь из его окон, впоследствии оказавшихся

ложными. Когда армяно-татарский комитет по примирению обратился к генерал-губернатору с предложением необходимых мер, он продержал их в течение двух часов, разглагольствуя о своих подвигах при осаде Карса.

Во время беспорядков обнаружилась неспособность власти реально контролировать ситуацию, она могла только молить Бога о примирении враждующих сторон. Власть ожидала, что татары и армяне сами договорятся о мире, а она будет всего лишь контролировать честное соблюдение «правил игры». Однако она очень редко могла наказать нарушителей соглашений, поэтому общественный порядок зависел от желания двух народов.

К моменту моего появления в Баку в местах пожаров выгорело все, что могло гореть, перестрелки прекратились. Около десяти тысяч солдат находились в городе и окрестностях, все ожидали прибытия новых подразделений. Никому не разрешалось находиться на улице после восьми вечера, однако каждую ночь слышались выстрелы и каждое утро находили новые трупы. Некоторые из нефтепромышленников хотели восстановить добычу, но в ситуации, чреватой риском, это оказалось невозможным. Армяне не решались возобновить работу из опасений перед татарами, татары — из опасений перед армянами. Многие русские и персидские рабочие в страхе разбежались, оставшиеся отказывались возвращаться на промыслы, пока их безопасность не будет должным образом обеспечена.

Как армянский, так и русский комитеты призывали в своих прокламациях не возобновлять работу без гарантий жизни рабочих и улучшения бытовых условий. Армянский комитет угрожал смертью всем управляющим, которые попытаются организовать работу, не выполнив предъявленные требования. Английские бизнесмены были особенно озлоблены этим, один из них обвинил самих армянских нефтедобытчиков в организации угроз — не имея возможности начать работу, они будто бы препятствуют иностранным конкурентам получить преимущество. Я не мог получить свидетельств в пользу этих нелепых обвинений.

С другой стороны, армянская газета «Баку» выдвигала столь же дикие обвинения против англичан, которые будто бы выдавали своих армянских служащих в руки татар под угрозой сожжения промыслов. Каждый день возникало новое возбуждение умов, митинговали революционные и рабочие комитеты, воздух был насыщен угрозами, взаимными обвинениями, дикими слухами. Совершались аресты, обнаруживались бомбы, появлялись грозные прокламации и резкие статьи в газетах «Баку» и «Каспий». В результате среди населения не утихала паника.

Вскоре после пожаров я посетил некоторые промыслы в Биби-Эйбате. Увиденное не поддается описанию. Вдоль дороги от Баку к Биби-Эйбату стоят ряды небольших магазинчиков и невысоких сараев — жилищ рабочего люда. По мере приближения к Биби-Эйбату появляются нефтяные вышки — необычного вида пирамидальные деревянные башни. Несколько более крупных сооружений обозначают вход на тот или иной промысел. Стоило мне попасть на первый из них, как глазам предстала ужасающая картина полного разрушения. Вся территория была покрыта мусором и обломками. Толстые металлические болванки треснули, как обычные палки, или их скрутило от жара пламени, сделав похожими на извивающихся змей и фантастических чудищ. Большие листы

железа, разодранные в клочья, как бумага, сломанные механизмы, почерневшие балки, фрагменты зубчатых колес, поршней, взорвавшихся котлов, целые мили стальных канатов – все перемешалось в адскую смесь. Рабочие бараки, офисы и дизельные помещения пожар сровнял с землей. Густая нефть медленно стекала в каналы или образовывала мрачные озера липкой жидкости с зеленоватым отливом, ее запах пропитал воздух. Несколько рабочих бродили вокруг, пытаясь убрать хоть часть мусора, найти отдельные пригодные к использованию металлические изделия. Все вокруг больше походило на ночной кошмар, чем на реальность.

Всего из 200 нефтяных вышек Биби-Эйбата было уничтожено 118, большинство других производственных строений превратились в груды почерневших руин. Однако при детальном рассмотрении убытки оказались не так велики, как их оценивали поначалу. В самых первых сообщениях приводилась цифра в 15 миллионов фунтов стерлингов, затем она стала снижаться до десяти миллионов, пяти, трех...Теперь наиболее достоверной представляется цифра в два, два с половиной миллиона. Из них потери англичан составляют не более одной десятой. Людям, не знакомым с особенностями нефтедобычи, кажется, что подоженная скважина будет гореть до тех пор, пока не исчерпается весь ее подземный запас. На самом деле выгорает только нефть на поверхности, запас на глубине около полутора тысяч футов остается целым и невредимым.

Конечно, все деревянные части вышек моментально сгорели, точно так же, как нефть и керосин в огромных резервуарах. Пришли в негодность механизмы, разрушились строения. Однако большая часть капитала была вложена в бурение скважин, и она не пропала. Львиная доля оборудования устарела и изнашивалась, в любом случае его должны были списать в течение года или двух. Серьезнее оказался ущерб от остановки добычи. Состояние анархии не позволяло возобновить ее в течение нескольких месяцев, и даже теперь добыча не вышла на прежний уровень.

Недостаток рабочих рук – одна из главных проблем, рабочие требуют более высокой оплаты и страховки жизни с высокими премиальными выплатами. Даже при выполнении этих требований найти желающих не так-то просто. Вся отрасль оказалась отброшенной назад, только радикальные меры снова поставят нефтедобычу на нормальную основу. Если бы власти сумели гарантировать порядок, процветание в Баку восстановилось бы за очень короткий срок. Крупные добывающие компании могут позволить себе дождаться общего улучшения ситуации. Даже без учета возможных компенсаций государства за ущерб, такие компании впоследствии с лихвой компенсируют свои потери от остановки добычи увеличением цены на нефть. Но более мелкие компании и акционеры находятся в бедственном положении, многие из сравнительно состоятельных людей теперь разорены.

С первого взгляда видно, как объективен итальянский автор. Он не обеляет ни одну сторону, ни другую, не отдаёт предпочтения ни тем, ни другим. И я вновь искренне благодарю его за беспристрастный рассказ о событиях столетней давности.

ПОЧЕМУ Я ТАК ЛЮБЛЮ АЛЕШУ?

Так начиналась предпоследняя запись в дневнике Надежды. Записи же, воспроизведённые мною прежде, сделаны за десять лет до того. И за эмоциональным откликом на книгу Луиджи Виллари следовала вторая стопка слипшихся нечитаемых страниц. Не стану гадать, о чём размышляла и какие мысли поверяла Надежда бумаге, занятие это неблагодарное и бесперспективное. Лучше расскажу, какие события – из тех, что известны мне – происходили в семье Шакарян и в это десятилетие, и после того, как семья бежала из родного города.

Напомню, что последней у Левона и Натальи родилась – 17 августа 1912 года – моя мама. Годом раньше ее старшая сестра Нина вышла замуж за известного в Баку венеролога Николая Мелкумова и переехала к нему в Баку. Так что родня подшучивала над Натальей, мол, ты и дочь будете рожать наперегонки – кто первая. Впрочем, их предсказания не сбылись, и первенец Нины появился на свет только в 1915-м, иначе говоря, тётя оказалась на три года старше племянника. Поскольку я всегда был очень привязан к Нине Львовне, мне с детства запомнились отдельные вехи ее биографии. Через семь лет после рождения сына она рассталась с венерологом. Вторым её мужем стал российский консул в Тавризе Христофор Саркисян. Однако этот брак продлился считанные месяцы. Саркисян страдал скоротечной саркомой, лечение лишь оттянуло развязку, и в 1922 году он скончался в Крыму. Тетя Нина вернулась восвояси и жила какое-то время у младшей сестры Елены. Та, кстати, переведясь в своё время по Нининым стопам в шестую гимназию, первой обосновалась в Тифлисе. Именно к Елене бежала семья после мартовских 1920 года погромов. А вскоре тетя Нина вышла замуж за Тиграна Ахумяна, чьи пророческие слова я процитировал выше.

Теперь несколько слов о старших братьях мамы. Гевонд и Саркис успели до погромов окончить шушинское реальное училище. Высшее образование они

получили в Тифлисе, а в 1925 году переехали в Ереван и стали впоследствии известными экономистами.

«Почему я так люблю Алёшу?» Не странно ли, что сакраментальным этим вопросом моя героиня задалась на двадцать восьмом году замужества? Дело, скорее всего, в том, что зимой 1917 года, накануне февральской революции, Алексей Шаров уехал в Петроград; из-за войны с немцами столицу по патриотическим соображениям переименовали на русский лад. Уехал Алексей во второй за последние полгода раз. Оставшись одна, понятия не имея, как и куда развернутся революционные события (на Кавказ перестали приходить столичные газеты), Надежда поневоле взялась за перо.

9 марта 1917 года.

Почему я так люблю Алешу? Наверное, потому, что я сама создала его, и это моё создание мне нравится. Какой он был самоуверенный, когда мы с ним встретились! Он же ни о чем не хотел ни думать, ни говорить, кроме как о шпионах, рассказы о которых вызубрил наизусть. Я, однако, угадала в его душе иной облик – так скульптор угадывает в необработанной глыбе мрамора будущую свою статую. Ах, сколько же мне пришлось потрудиться! Говорят, можно увидеть, как растет трава. Я воочию видела, как преображалась душа юноши, как изо дня в день медленно, но верно менялось его лицо. Его чувства ко мне, моей родне, моей родине становились теплее, его мысли – сложнее и тоньше. Точно так же менялась и его речь, и его глаза, и его голос! До встречи со мной это был сухой математик, неловкий и довольно грубый, вернее, неотёсанный; я создала Алексея, моего Алексея, душевно тонкого, красивого. Как же мне трудно теперь без него. Он – мой, моя собственность, я его вылепила и имею на него все права... Мне нравится в нем, кроме всего прочего, риск, окружавший нас в годы совместной жизни. Я привыкла к риску, принобовилась, и без него всё стало бы как-то пресно. Если же риск однажды материализуется, если нам не повезёт... Ну что ж, мы знали, какую судьбу себе выбирали, и не сойдем с избранного пути. Сойти со своего пути – трусость, а мы с Алёшей не трусы.

Месяц назад я проводила его и решила пройтись до дома пешком. Шла по знакомым улицам и вспоминала... Вот в этом трёхэтажном каменном доме живет моя племянница. Перед отъездом Алексей настаивал, чтобы, пока он не вернется, я переехала к Ниночке, но я отказалась. У нее растет чудесный мальчик, очень шумный и подвижный, настоящий живчик – ни минуты покоя. Но мне-то нужна тишина, чтобы никто не мешал оставаться наедине со своими мыслями. Между прочим, удивляюсь, что общего между Ниночкой и ее мужем. Она такая общительная, веселая, а после рождения ребенка еще больше похорошела. Мелкумов же, наоборот, бука, молчун. Он вечно угрюм и вдобавок ужасно ревнив. Чего доброго, через несколько дней отвезет меня с Ниной и ребенка в Шуши. Нет уж, одной мне будет лучше... А вот старый-престарый дом, но в нём всё ещё живут. А этот ещё не успели восстановить – он сгорел во время пожара, вспыхнувшего во время погромов...

Я шла так медленно, что, казалось, остальные прямо-таки проносятся, пролетают мимо. Кое-кто рассеянно глядел на меня, но тут же отводил глаза...

Что ж, это понятно, каково смотреть в глаза человеку, когда тот плачет. А вот я поравнялась с храмом, на торжественной закладке которого когда-то – целую жизнь назад – присутствовал папа. Если бы не позднее время, непременно поставила бы свечку. Ведь есть же прямая связь между тем, что папу пригласили на закладку церкви, и тем, что я оказалась в Петербурге, где и встретилась с Алексеем. Не вылечи папа царского сына, не получи за это дворянство, не было бы ни того, ни другого.

Позади меня шла под руку нежная парочка. Но вот эти двое обогнали меня. Что случилось? Они растались, идут по разным сторонам улицы, он нервно курит, она то и дело поглядывает на него.

22 марта.

Вот уже неделя, как я в Шуши. Да! Мне страшно... Мне действительно страшно! Я никогда ничего не боялась, а теперь боюсь. Теперь я точно знаю, что сны – реальность! Кто знает, сколько бы я проспала, не приснишь мне Алексей. В кромешной темноте я едва различала его лицо. Он подавал мне какие-то знаки, но в чём был их смысл? Потом темнота мало-помалу рассосалась, однако вместе с ней исчез и Алексей. Я вновь одна. Что со мной будет? Обычно дурной сон обрывается пробуждением, и всё становится на места; сон – это всего лишь сон, и с жизнью у него ничего общего... А тут сон властвовал надо мной.

Я взглянула в зеркало и не узнала себя: вся какая-то почерневшая, увядающая. А накануне вечером мне казалось, что все плохое позади: Алексей скоро возвратится, жизнь потечет обычным своим руслом. Одна беда – хватит ли сил? Последнее время я сильно устаю, да и нервы стали сдавать. А ведь у меня перед глазами живой пример – мама. После смерти папы она безропотно взвалила на себя заботу о многочисленной нашей семье. Подчас я просто диву даюсь, откуда в ней столько энергии. Крутится день-деньской, как белка в колесе, и всё ей нипочем. Она уже прабабушка, но по ней этого не скажешь. И как она только успевает готовить на такую ораву? Правда, ей очень помогает Наталья. Чистота в доме, уроки детей, приём гостей да мало ли что ещё – это на ней.

Надо было немного прийти в себя, и, пока домашние не проснулись, я пошла прогуляться. Идя по тихим, еще сонным улицам и глядя в живописные очертания проступающих вдали гор, я вдруг поняла – во мне и вокруг что-то изменилось. И, может быть, изменилось необратимо.

Люди думают, будто любить просто, а что трудно, так это найти, кого полюбить. А ещё трудно, чтоб и тебя тоже полюбили. Но ведь это верно лишь отчасти. Любить человека таким, каков он есть, не воображаемого, но реального – сродни искусству. Часто мы наделяем свою вторую половину чертами, которых у любимого и в помине нет, а поняв, что заблуждаемся, порываемся его переделать. Иногда такое удаётся. Любовь чудотворна и способна менять людей. И даже мир, окружающий нас. Когда любишь, он выглядит совсем иначе, ты счастлива и не замечаешь царящих повсюду зла, лицемерия, лжи. И как это замечательно, что не замечаешь! Я согласна с Достоевским, у которого вычитала такое: «Отцы спрашивают у учителя: что есть ад? Он отвечает: невозможность более любить».

Все гуманистические философии, как и религии, сходятся в одном: нет ничего выше и прекраснее любви. Лишь она способна дать людям счастье и свободу. В тебе самом – свободу от низменного, а в обществе – свободу для каждого проявить себя. Некогда Эмпедокл учил, что миром правят две противоборствующие силы, любовь и вражда. Ныне два этих космических начала принято определять как добрую энергию и злую энергию. Всё, что сказано и сделано с любовью, преумножает добрую энергию, и соответственно злые слова и дела преумножают энергию разрушительную. Они непрестанно, ежесекундно борются между собой, и от того, какая энергия победит, зависит будущее человечества.

Для большинства людей загвоздка в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтобы любить самому. Между тем второе и важнее, и сложнее, потому что не все способны любить. Это мало кто понимает, и человек всеми силами старается обратить на себя чью-то любовь. И видит к этому, как правило, два пути.

Первый обычно выбирают мужчины. Он заключается в том, чтобы стать удачливым, и сильным, и богатым. Если я такой замечательный, думаю мужчина, то как можно меня не полюбить? Обязательно полюбят, если не одна, так уж другая точно.

Второй путь более свойствен женщинам. Суть его – пленить мужчину. Внешностью, одеждой, чем бы то ни было. Хорошие манеры, умение поддержать интересную беседу, и готовность прийти на помощь, и скромность, и неприязнательность – это тоже способ. К нему, кстати, прибегают и мужчины, и женщины. Короче говоря, любви добиваются примерно так же, как и карьерного роста, либо благорасположения «нужных» людей, либо влиятельных связей. Так было и в викторианскую эпоху, и много раньше. Не любовь обуславливает, к примеру, вступление в брак, а наоборот: брак, основанный на некоем соглашении – то ли между семьями, то ли между посредниками – и учитывающий социально-материальные интересы сторон, предполагает, что его результатом и станет супружеская любовь.

А я привыкла считать иначе. Любовь иррациональна. Любви не надо учиться и тем более нельзя учить. Она, пока есть, и непрестанна, и постоянна. Момент, когда двое совершенно чужих людей вдруг обнаружили, что разделявшая их стена рухнула, становится для них и самым волнующим, и самым прекрасным в жизни. Так и произошло у нас с Алексеем. Вот почему наша с ним любовь никогда не породила ни в нём, ни во мне чувства вины или же тревоги. Не знаю, как он, а я за двадцать восемь лет осознала, что любовь – искусство. Такое же, как искусство жить. Между прочим, что жить – это искусство, тоже мало кто понимает. Если хочешь научиться любить, поступай точно так же, как если бы хотел научиться любому искусству – музыке, живописи или, скажем, столярному, врачебному или инженерному делу.

Овладение искусством делится на два этапа, теоретический и практический. Но наряду с теорией и практикой есть еще третья составляющая, и без неё не достигнуть высот ни в одном деле. Речь об одержимости. Ты уверен: это дело главнее и лучшее всего на свете, и оно требует полной самоотдачи. Так относились мы с Алёшей к нашей опасной работе. Так относились мы и друг к

другу. Он был для меня центром вселенной, пупом земли. Кажется, и я для него была тем же.

Вот почему я так его люблю.

На такой лирико-философской ноте и обрываются записи в дневнике Надежды. О дальнейшей судьбе моей героини я расскажу по воспоминаниям её и моих родственников. И тогда станет понятно, почему дневник остался незаполненным.

КОМИССИЯ БАТЮШИНА

В конце июня 1916 года Алексей Шаров получил шифрограмму, подписанную контрразведчиком петроградского контрразведывательного отделения (КРО) Григорием Александровичем Бертом. В молодости они вместе учились на курсах шифровальщиков, потом их пути разошлись. В последнее время до Алексея доходили слухи, что теперь Григорий Берт служит в военной контрразведке. При встрече Берт подтвердил, что с начала войны состоит под началом генерала Николая Степановича Батюшина, основателя российской военной разведки; в ту пору генерал Батюшин возглавлял разведку и контрразведку Варшавского округа.

В разгар мировой войны Россия испытала нехватку сахара, хлеба, керосина и других продуктов первой необходимости. Они таинственным образом исчезли с рынка, словно их и не было. Генералу Батюшину, особо доверенному лицу императора, поручили возглавить комиссию по противодействию откровенным разрушителям российской экономики. Кто, собственно, имелся в виду? Поимённо пока ещё никого не называли, но речь шла о тех финансистах, биржевых маклерах и прочих воротилах большого бизнеса, у кого был прямой выход за границу.

– А при чем тут я? – недоумённо спросил Алексей.

– Понимаете, Шаров, – ответил Берт, – это я порекомендовал привлечь вас к работе комиссии. – И, предвосхищая повторный вопрос Алексея, поспешил объяснить: – По нашим сведениям около 30 миллионов пудов рафинада – а ведь это треть его годового производства! – сосредоточено у границы с Персией. И у вас, на Кавказе, и в Туркестане. Более или менее точно установлено, что сахар контрабандой переправляют на ту сторону, а там отправляют караванами в Багдад.

– Моя-то задача какова?

– Об этом вам скажет сам генерал. Аудиенцию он вам назначил на завтра.

В доме на Фонтанке, 90 Алексей увидел подъезд с табличкой на дверях: «Комиссия генерала Батюшина». Поднялся по давно не мытой, пахнувшей мышами лестнице на третий этаж и вошел в полутемную приемную. Из мебели там имелся разве что грязный топчан. Восседавший на нём жандарм с неопрятной щетиной лениво взглянул на документы и кивнул Алексею на дверь кабинета.

Знаменитый генерал сидел за простым столом. По правую сторону от него устроился Владимир Георгиевич Орлов, военный следователь по особо важным делам при штабе верховного главнокомандующего. Берт отозвался о нём уважительно: знает, мол, своё дело и поднаторел за годы войны в борьбе со шпионажем. Орлов держал в руках толстую зашнурованную папку. На обложке Шаров сразу же разглядел свою фамилию. Генерал встал, поздоровался с Шаровым за руку, предложил сесть и взял у Орлова папку. Расшнуровал её и стал перебирать содержимое. Алексей заметил под ворохом документов стопку листов, оформленную как-то чересчур уж знакомо. Вдруг его осенило: это же мой реферат о развитии нефтяной промышленности в России. Когда я писал его? Лет пятнадцать назад. Удивительно. Значит, в него до сих пор ещё заглядывают...

Вернувшись в Баку, Алексей разъяснил жене: характер их деятельности временно меняется.

– Что значит временно? – усмехнулась Надежда.

– Спроси что-нибудь полегче, – отмахнулся Алексей. – Теперь наше дело – собирать информацию о нелегальной переправке в Персию сахара и керосина.

– Кого подозревают в контрабанде? – поинтересовалась Надежда.

– Многих. Главным образом евреев.

– Это что, новая антисемитская волна?

– Вряд ли. Суть вот в чём. В Питере подсчитали, что перед войной в Баку доля компаний, производящих керосин и возглавляемых евреями, достигла 44%.

– Что ж тут странного? Ты вспомни, кто зачинал здесь нефтяную промышленность. «Поляк и сыновья», «Дембо и Каган», бароны Гинцбург, Фейгель...

– Нам с тобой вспоминать незачем, – перебил Алексей. – В Питере, как видишь, и вспомнили, и проценты высчитали. И поручили нам проследить за экспортной деятельностью тех, кого ты назвала, за их наследниками, вообще за промышленниками-евреями.

– Понятно. Каковы сроки?

– Предписано в течение шести месяцев собрать материалы и представить в комиссию. Лично, из рук в руки.

Через полгода, 12 февраля, Алексей Шаров явился в Петроград и лично передал генералу Батюшину документы, которые удалось раздобыть, и прочую информацию. В первую же минуту Алексей заметил, что шеф далеко не так приветлив и добродушен, как при первой встрече. Он сухо сказал, что непременно и внимательно познакомится с представленными материалами, но только после суда над Иваном Федоровичем Манусевичем-Мануйловым. Алексей сделал большие глаза, но генерал никак не отреагировал на его изумление и, сославшись за занятость, удалился.

Вечером того же дня Алексей встретился с Бертом и узнал много любопытного. Дело в том, что в свое время Манусевича привлек к работе в

комиссии не кто иной, как сам Николай Степанович Батюшин, поскольку высоко ценил его профессиональные навыки. Манусевич, говорил он, столько лет прослужил в системе внутренних дел, он же собаку съел, он же всех насквозь видит. Чего генерал явно не учел, так это извечной коррумпированности системы, из которой пришёл Манусевич. И теперь Батюшину предстояло выступить на суде свидетелем. Эта необходимость и тяготила, и нервировала его.

Манусевич снабжал комиссию ложными сведениями, отводил меч правосудия от таких прохвостов, как арестованный было, но уже гуляющий на свободе банкир Рубинштейн, и преспокойно обделывал с этими прохвостами свои темные и прибыльные делишки. Суд приговорил Манусевича-Мануйлова к полутора годам исправительных работ. Справедливость восторжествовала? Но Берт уверенно и раздражённо говорил, что главной целью судей было скомпрометировать комиссию Батюшина.

Так или иначе, судьба членам комиссии выпала трагическая. В конце февраля самодержавие пало, к власти пришли демократические временщики. Вчерашние враги государства с дьявольской изворотливостью в одночасье обернулись «жертвами царизма». Им оказалось несложно взять реванш у контрразведчиков, успевших призвать к ответственности и посадить за решётку многих махинаторов и банкиров: Дмитрия Рубинштейна, Абрама Доброго, Иовеля Гопнера, Израиля Бабушкина и с полдюжины других. Однако же события развивались по привычному для России сценарию. Сахарные короли отрядили курьеров к Семановичу, личному секретарю всемогущего Григория Распутина. «Святой старец» направился к императрице. В конечном итоге деньги толстосумов и влияние Распутина на матушку-императрицу сделали свое дело. Преступников помиловали высочайшим указом. Подоспела очередь арестовать и тех, за кем тщательно проследил Алексей Шаров. Очередь подоспела, но арестов не последовало.

Говорят, человеческая подлость бездонна, у нее так же нет нижнего предела, как у героизма – верхнего. Подлецом и негодяем оказался и личный секретарь председателя Совета Министров Б. В. Штюрмер. Ловкий и беззащитный делец, он не брезговал аферами, биржевой игрой, откровенно шантажировал крупных финансистов. И когда арестовали Манусевича, Штюрмер кинулся к своему покровителю Распутину выгораживать сообщника. Но Распутина убили, и суд все-таки состоялся.

Ну а после февральской революции комиссия Батюшина, равно как и сам генерал, оказалась в числе изгоев. После серии провокационных статей в «Русской воле» и «Биржевых ведомостях» 8 апреля 1917 года генерал-майор Батюшин был задержан и до ноября находился в заключении. После большевистского переворота бежал на юг и примкнул к белому движению. Покинул Россию с армией Врангеля и жил в Белграде. Преподавал в белградском отделении Высших военно-научных курсов, организованных генералом Головиным. В 1939 году в Софии на русском языке вышла его книга «Тайная военная разведка и борьба с ней». Во время Второй мировой войны уехал в Бельгию. Всеми забытый, кончил свои дни в доме престарелых в 1957 году.

Теперь об Алексее Шарове. В начале марта генерал Батюшин отправил в Ставку все оперативные разработки своей комиссии. Однако никого они уже не

интересовали. Сразу вслед за этим и начались аресты членов комиссии. Они производились 16 и 18 марта. Самого генерала задержали через три недели. Не будь он человеком чести, мог бы скрыться. Алексею же Шарову, как и его коллегам, скрываться и в голову не приходило. Аресты свалились на них, как снег на голову. И потом, не задержи Шарова тогда, его, можно не сомневаться, взяли бы при советской власти. Ведь жандармов, полицейских, разведчиков и особенно контрразведчиков большевики не раздумывая отнесли к категории заклятых врагов трудового народа. Впоследствии государственные и военные архивы с их секретными фондами, содержащими материалы российских спецслужб, использовались отнюдь не для того, чтобы изучать историю русской разведки и контрразведки. В архивах искали сведения о бывших сотрудниках и их агентуре. Кое на кого натыкались и спустя десятилетие. Такого «замаскировавшегося врага», разумеется, уничтожали. За что? Да хотя бы за то, что они наверняка гордились в душе своим прошлым. Уничтожая, большевики не смотрели, мужчина перед ними или женщина. И Надежду арестовали сразу, как только в Тифлис пришла советская власть. И расстреляли.

Так что Алексей Шаров был обречён. Однако его не расстреляли. Не успели. В Новониколаевской тюрьме, куда его бросили вместе с коллегами по комиссии, он заразился брюшным тифом и умер в декабре. К тому времени большевики ещё не разобрались в доставшемся им наследии.

Между прочим, в 1947 году вернувшийся из лагеря и ссылки мамин старший брат Саркис Шакарян так и не сказал никому, что именно вменили ему в вину, за что отняли у него десять лет жизни. Обвинение было по тем временам страшным, и он боялся повторить его вслух. Твоя тётка и её благоверный, заявили ему, были английскими шпионами, а ты скрыл это.

Думаю, в тот миг мои герои – Надежда и Алексей – перевернулись у себя в могиле. Впрочем, их могилы, разумеется, не известны.

ЭПИЛОГ

Получив известие об аресте Алексея, Надежда немедленно выехала в Петроград. Ее по настоянию матери сопровождал Левон. Добравшись, они прямо с вокзала кинулись к Анне Борисовне Нейдгарт. Связь между давнишними приятельницами прервалась целых восемь лет назад, однако имя Сазонова по-прежнему было на слуху. Надежда с Леоном понадеялись на русское авось – отправились по адресу, указанному на последнем письме. И не прогадали. Во-первых, Сазоновы жили на прежней квартире. Во-вторых, февральские события задержали на родине Сергея Дмитриевича, которого 12 января 1917 года вновь назначили послом в Великобритании. Анна Борисовна несказанно удивилась, увидев на пороге лондонскую знакомую. Но приняла гостей радушно. А узнав, что привело Надежду в северную столицу, пообещала сделать всё возможное. «Муж очень занят, и вряд ли мы можем на него рассчитывать, – сказала она без обиняков. – Я попробую действовать по своим каналам». У неё, жены бывшего министра иностранных дел и свояченицы Петра Аркадьевича Столыпина, самого, пожалуй, деятельного главы правительства за всю историю России, было много связей в эшелонах власти. Но она быстро поняла, что перемены в стране и столице носят не поверхностный, а радикальный характер. Ее связи не срабатывали. Самое большее, чего она добилась, – ускорила суд над членами комиссии Батюшина.

Левона дожидалось дома столько дел, что он не мог оставаться в Питере бесконечно и в середине апреля вернулся в Шуши. А суд начался спустя ещё месяц. Он подкосил Надежду, разом опустошил ее. Мир, обустроенный за много лет совместной жизни и заботливо лелеемый, в одночасье рухнул. До последней минуты ей верилось, что справедливость восторжествует, не может не восторжествовать, этот дурной сон обязательно кончится. Слишком абсурдно звучали обвинения. Хотя состояние ее было таково, что, в чем обвиняют Алексея,

до неё так и не дошло. Но суд вынес вердикт: семь лет принудительных работ. Значит, всё, о чем осторожно предупреждала ее Анна Борисовна, – правда: великой страной правит анархия. (Через два года жена Сазонова испытала всё это на себе.) Но в голове у Надежды не укладывалось: отчего судьба до того к ней жестока? Ведь они с Алексеем не за страх, а за совесть без малого три десятка лет служили отечеству. Начальство хвалило их, поощряло. И пусть Алексей в минуту откровенности с горечью говорил, что их, видимо, не так уж и ценят, если семнадцать лет держат на одном месте, сейчас это не важно. Отечество, которому они служили, пало, его больше нет. И с ним ухнула в тартарары вся их жизнь. Они теперь у разбитого корыта.

Прошение о помиловании, которое Надежда и сестры Алексея направили на имя Михаила Родзянко, председателя Временного комитета Государственной думы, было пустой формальностью. Надежда ни на что не надеялась. И сухой казённый отказ ее даже не огорчил. Всё было ясно.

Известие о смерти Алексея она получила в Шуши. В Баку делать ей было уже нечего. Михайловская больница? Она исполняла там свои обязанности только ради прикрытия. Так что уволилась она с лёгким сердцем. За полгода от Алексея пришло два письма. Муж подбадривал её, писал, что рано или поздно его с коллегами оправдают, надо только, чтобы в стране установился порядок...

Знал бы он, какой порядок в ней установится.

С той поры в глазах у Надежды поселилась невыразимая черная тоска. Ничто не могло её заглушить – ни чуткость окружающих, ни чтение, ни дневник. Она брала его время от времени в руки, листала, рассеянно просматривала то одну запись, то другую. Наконец сунула тетрадь в саквояж черной кожи, забросила куда-то с глаз долой и забыла про его существование. При бегстве из Шуши до саквояжа не дошли руки. Так он и пролежал сорок лет в развалинах.

Надежда не знала, как жить дальше и стоит ли жить вообще. Жить ей, по крайней мере, больше не хотелось, и всем это было без слов ясно. На первых порах она плакала тайком от беспросветности. Потом и слёзы кончились. И что толку? Алексея не вернёшь, его уже никогда не будет рядом...

Немногие находят в себе силы начать жизнь сначала, найти в ней новый интерес. Как-то Надежда взяла в руки Библию. Они с Алексеем не были религиозны, церковь не занимала в их жизни сколько-нибудь заметного места. Время от времени заглядывали туда, ставили свечи. А тут ей захотелось прочесть десять заповедей. Говорили, что в них, сформулированных в незапамятные времена, спрессована людская мудрость. Это на самом деле так? Имеют заповеди какое-то касательство к ней лично? Ну, вот эта, например: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им». Какие такие изображения? Ах да, древние придумывали себе разных божков, рисовали их, ваяли их фигуры. Они-то и назывались идолами, кумирами. Но при чём тут она, Надежда Шарова, урождённая Шакарян? Не делай себе кумира. Разве она делала? А разве не делала? Разве Алёша не был ей кумиром, разве не ему она служила? Забыла обо всех своих планах, стала плясать под его дудку. Какие-то шифры, коды, тайнопись. Она служила Российской империи? Российская империя распалась, ей что, больно из-за этого? Нисколько. Больно, что погиб Алёша. Какой-то Закавказский сейм, какая-то

Закавказья, Азербайджанская демократическая республика, Республика Армения. Всё это глупости. Ничего этого для неё нет. И Бога нет. У неё был единственный кумир, и она до сих пор ему служит. А это неправильно. Не сотвори себе кумира.

Она вдруг отчётливо поняла простейшую вещь, элементарную – ничто и никто не заменит ей Алеши. Да, самый близкий, родной, любимый. Но его больше не будет. Ей сразу стало легче. Так распорядилась судьба. Чтобы пережить это, нужно время. Просто время.

Но она была неважная христианка и не могла без кумира. И сотворила себе нового. Им, этим новым кумиром, оказалась ее шестилетняя племянница Беллочка. Надежда направила на девушку всю свою нерастрченную материнскую энергию. Те три года, которые отпустила ей жизнь, всецело поглотила забота о воспитании и образовании самой младшей из пяти племянников и племянниц. Мама никогда не забывала светлую женщину, озарившую ей детство, и до последних дней вспоминала её. Те три года стали для неё самыми счастливыми. Даже трагические события, обрушившиеся на Шуши и заставившие её жителей навсегда покинуть родной город, помнились маме куда более смутно.

Вот что произошло.

В феврале 1918 года в Тифлисе был созван Закавказский сейм. 9 апреля сейм объявил об отделении Закавказья от России и провозгласил Закавказскую Демократическую Федеративную Республику, объединившую Грузию, Армению и Азербайджан. Однако Закавказская федерация просуществовала недолго, поскольку Азербайджан стремился объединиться с Турцией, Грузия же рассчитывала на опеку Германии. Армения осталась верна союзническому долгу перед Антантой, но Антанте было не до неё. Большевицкая Россия, которой тоже хватало собственных забот, смотрела на «империалистическую» Армению с подозрением. Едва русская армия покинула свои позиции, началось наступление турецких войск. Оно лишь ускорило распад Закавказья.

26 мая 1918 года сейм констатировал этот факт и сложил свои полномочия. В тот же день объявила о своей независимости Грузия. 28 мая провозгласили свою независимость Азербайджанская демократическая республика и Республика Армения.

До роспуска Закавказского сейма Нагорный Карабах входил в состав Елизаветпольской губернии. Правительство Азербайджана поспешило заявить, что новообразованную «демократическую республику» составляют Бакинская и Елизаветпольская губернии. Тем самым, едва – впервые в истории – народившись, Азербайджан стремился закрепить за собой Карабах и Зангезур – армянские исторические территории с преобладающим армянским населением. И население отказалось признать над собой азербайджанскую юрисдикцию. В Карабахе и Зангезуре власть взяли уездные советы.

Первый съезд армян Карабаха, созванный 22 июля 1918 года в Шуши, провозгласил Нагорный Карабах независимой административно-политической единицей, избрал национальный совет и народное правительство. Два дня спустя правительство Карабаха приняло соответствующую декларацию. После этого попытку включить Нагорный Карабах в пределы Азербайджана предприняли

турецкие войска. Их командующий Нури-паша предъявил ультиматум, однако второй съезд армян Карабаха, созванный 6 сентября, отверг его.

15 сентября 1918 года турецкие части вошли в Баку. Началась массовая резня армянского населения, жертвами которой пало 30 тысяч человек. Разгрому и уничтожению подверглись десятки, может быть, и сотни сёл Бакинской и Елизаветпольской губерний. В этих условиях турки второй раз выдвинули ультиматум, требуя от карабахцев разоружиться, пропустить турецкие и азербайджанские войска в Шуши и признать над собой власть Азербайджана. Но третий съезд армян Карабаха, созванный специально по этому поводу, был непреклонен.

31 октября 1918 года Турция признала свое поражение в мировой войне. Её войска отступили из Закавказья, а их место в декабре заняли англичане, ставшие здесь полновластными хозяевами. На сей раз Азербайджан пытался захватить Нагорный Карабах уже с их помощью. Без согласия Англии новые границы в Закавказье не могли быть установлены. Заявив, что судьбу спорных территорий должна решить Парижская мирная конференция, на деле английское командование не жалело усилий подчинить карабахцев Азербайджану. Британия стремилась полностью контролировать вывоз бакинской нефти и окончательно отделить Закавказье от России. Азербайджану в этой ситуации отводилась роль форпоста Запада, препятствующего советизации региона. Поэтому политика союзных держав на Южном Кавказе имела проазербайджанский уклон. Решение карабахского вопроса затягивалось, скорее всего в расчете на благоприятное для Азербайджана развитие военно-политической ситуации. Среди прочего подразумевалось изменение здесь этнической картины. Между прочим, в 1990–1991 годах примерно так же хотел развязать карабахский узел Советский Союз.

15 января 1919 года азербайджанское правительство «с ведома английского командования» назначило Хосровбека Султанова генерал-губернатором Нагорного Карабаха. Одновременно карабахцам предъявили очередной ультиматум. Но четвертый съезд карабахских армян принял резолюцию: «Армянское население Карабаха с уважением относится к праву соседнего турецкого народа на самоопределение и вместе с тем решительно протестует перед всем миром против попыток азербайджанского правительства уничтожить этот принцип по отношению к Нагорному Карабаху, который никогда не примет власти Азербайджана над собой».

Ни угрозы, ни вооруженная сила не могли поставить Нагорный Карабах на колени. Командующий английскими войсками в Баку полковник Шательворт лично прибыл в Шуши. Напрасно. Получив очередной отказ от пятого уже съезда карабахцев, Султанов снова решил прибегнуть к силе. Почти вся армия Азербайджана сосредоточилась в единый кулак. Чтобы предоставить ей свободу действий, английские войска 12 июня 1919 года покинули Нагорный Карабах.

В эти дни состоялся шестой съезд карабахских армян. Специальная комиссия пришла к выводу, что карабахцы не смогут отразить удар такой мощи. В подобных условиях они начали переговоры, стремясь выиграть время и сконцентрировать имеющиеся силы. 22 августа 1919 года седьмой съезд заявил, что до окончательного решения вопроса на Парижской мирной конференции Нагорный Карабах временно считает себя находящимся в границах Азербайджанской

республики. Однако оружия армяне не сложили. Азербайджанские войска в Карабах так и не вступили. Соглашение, по существу, ничего не изменило, край по-прежнему оставался самостоятельной политической единицей.

19 февраля 1920 года Султанов потребовал «немедленно решить вопрос окончательного присоединения Карабаха к Азербайджану». Восьмой съезд армян Карабаха вновь отклонил это требование и подверг критике правительство Азербайджана, которое грубо нарушало условия временного договора. Столкновение стало неминуемым. Тяжелые бои продолжались с 22 марта по 13 апреля. 23 марта 1920 года турецко-азербайджанские войска вошли в Шуши, разграбили, сожгли и, по сути, стёрли с лица земли этот пятый в то время по числу жителей город Закавказья. В тот день погибло свыше 20 тысяч армян.

Семья Шакарян бежала в Тифлис. Через год здесь оборвалась жизнь моей героини.

ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ НЕМНОГО ИСТОРИИ

В 2006 году я опубликовал роман-хронику «Разные судьбы» и на примере своих предков по отцовской линии рассказал о судьбе одной армянской семьи, часть которой накануне Геноцида осталась в России, а несколько человек эмигрировали в Швейцарию. В большинстве откликов на книгу, печатных и частных, отмечалось: «Автор весьма своевременно обратил внимание на очень тревожное явление, характерное для армянской нации: устроившись весьма неплохо в стране пребывания, эмигранты уже в третьем поколении практически полностью утрачивают свои армянские корни».

Учитывая, что за последние пятнадцать лет родину покинули около миллиона армян, в новой книге я решил разобраться в причинах этой массовой эмиграции. Некоторые из причин для меня очевидны: блокада, и отсутствие рабочих мест, и разгул олигархического капитализма, и соответственно глубокая поляризация населения. Но не менее важна еще одна причина – утрата уверенности в завтрашнем дне. Перестав быть гражданами огромной страны и получив независимость, армяне вновь стали заложниками своей исторической памяти, пробудившейся после семидесятилетнего летаргического сна. Конфликт в Нагорном Карабахе и особенно имитация его урегулирования, которую демонстрируют замороженные нефтяным фактором великие державы, снова принуждают армян искать счастья на чужбине.

Собирая материалы для этой книги, я прочитал изданный в Тифлисе «Кавказский календарь на 1898 год». В нем содержится 50-страничный хронологический указатель всемирно значимых событий за 5 тысяч лет, начиная с мифологических и кончая недавними. В Приложение I я включил только те из них, которые непосредственно касаются Армении и армянского народа. Они уместились на трех страничках. Из них следует, что армянская земля издревле служила для ненасытных соседей неисчерпаемым источником обогащения. Её последовательно

завоевывали и грабили ассирийцы, персы, римляне, византийцы, иверцы, хазары, гунны, арабы и т. д. Не успев отойти после губительного нашествия, не успев отстроить очередную из своих двенадцати столиц, Армения вновь подвергалась опустошительным грабежам.

Казалось, грабежи и насилия наконец прекратятся: в начале XIX века сперва Карабах а затем и Восточная Армения отошли к России. Но всё сложилось иначе. Основной причиной тому стали турецкие войска и «адербейджанские турки, называемые обыкновенно закавказскими татарами. По свидетельству Е. Г. Вейденбаума «эти представители монгольской расы на Кавказе являются остатками тюрко-татарских племен, наводнивших некогда всю переднюю Азию и восточную часть Европы. Проникнув на кавказский перешеек с северо-востока из-за Волги и с юго-востока из Персии, они завладели здесь всеми местами, которые представляли необходимые для степных кочевников удобства».

Эту цитату я заимствовал из «Кавказского календаря на 1917 год», в котором имеется раздел «Мусульманские районы Закавказья, входящие в состав Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и отчасти Тифлисской губернии». Чем объяснить неутраченную агрессивность пришельцев? Я сделал из указанного раздела ряд выписок; они приведены в Приложении II. Сами по себе познавательные, эти материалы замалчивают интересующий меня вопрос, хотя календарь увидел свет после армянских погромов 1905 года в Баку и Шуши и в преддверии новых (в 1918–1920 годах). А что такое погром, уже в наши дни наглядно показали толпы озверевших фанатиков в Сумгаите, Кировабаде и Баку, без разбора грабившие и убивавшие армян.

Примечательно, что и в начале, и в конце XX века погромщики прикрывались идейными соображениями. Тогда армян обвиняли в революционности и сепаратизме, сейчас – в посягательстве на чужую землю. Нынешние громилы вооружались не только кусками арматуры, но и лозунгами «Карабах является исконно азербайджанской территорией». Не желая ввязываться в беспредметный спор об истории страны, возникшей по мановению большевистской волшебной палочки, я привожу в Приложении III статью «Арцах», помещённую в [Википедии – свободной](#) электронной энциклопедии, в которой ныне содержится свыше [140](#) тысяч статей на русском и около 6 миллионов – на [других языках](#).

Неизвестные мне авторы со ссылками на многочисленные источники более чем убедительно показывают, кто в Карабахе истинный хозяин. Я сознательно изъясил ссылки, зато оставил фотографии каменных источников, тех самых, которые остервенело уничтожают или присваивают себе наши соседи. Зачем? Чтобы всеми правдами и неправдами доказать недоказуемое: азербайджанцы на Южном Кавказе не пришельцы.

О качестве изысканий азербайджанских историков можно судить по следующей цитате из сайта, размещенного под заголовком: «Начальный очерк истории Азербайджана. В.М.Сысоев, г.Баку,1925г.», в которой утверждается: «Самые древние сведения (X-VIII вв. до Р.Х.) об Азербайджане мы можем искать в клинообразных ванских или урартийских (Урарту-Арарат) и др. надписях. Однако до настоящего времени в пределах северного Азербайджана таких надписей не найдено; ближайшими местами их нахождения являются южные берега озера Гокчи (курсив наш – С.К.). В некоторых надписях, найденных около

Эривани, упоминается племя Этиуни, т.е. вероятно, удины, которые впоследствии жили на левом берегу р. Куры в теперешнем Нухинском районе; удины сохранились до настоящего времени, в сел. Варташен и Нидж, но уже только в количестве нескольких сот человек, которые почти совершенно утратили свою национальность и обычаи и говорят по-тюркски, все, кроме разве самых древних стариков.

В другой клинообразной надписи упоминается племя Улуани; может быть, это есть имя другого очень древнего племени албанцев (алвани, - у армян "агваны"), которые во весь первый, древнейший, период истории Азербайджана и далее, вплоть до прихода арабов, были самым могущественным народом в юго-восточном Закавказье».

На этом фоне мне непонятна младенческая беспомощность наших мидовских чиновников. Имея за спиной целую когорту квалифицированных ученых, ярких публицистов и мощную правовую базу, они никак не заткнут рот своре борзописцев, уже двадцать лет грозящей армянскому народу «непредсказуемыми последствиями». Не потому ли многие тысячи беженцев из Азербайджана стали жертвами «комплекса исторической жертвы»? Они не верят в будущее своей страны и возможность жить в ней лучше, чем прежде. И предпочли переехать в Россию и другие страны, но не на родину.

Ставшая независимой Республика Армения «продолжает находиться в пограничной ситуации "быть или не быть", лицом к лицу с целым рядом внешних и внутренних смертельных угроз, главной из которых является возможная очередная агрессия со стороны Азербайджана». Это цитата из интервью доктора политических наук Армена Айвазяна («Голос Армении» от 6 марта 2007 года). Не вдаваясь в исторические причины подобной ситуации, Айвазян отмечает: «И сегодня подавляющая часть армянства, в том числе "ее элита", все еще ставит обеспечение безопасности Армении и армянского народа вне сферы своей личной ответственности, считая это едва ли не эфемерной задачей. Такая опасная позиция в течение последних столетий уже неоднократно приводила к общенациональным катастрофам».

К числу таких катастроф я отношу массовую эмиграцию, вызванную неуверенностью в завтрашнем дне.

Думаю, что судьбы моих шушинских родственников подтверждают этот горький вывод.

Приложение I

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

(Из «Кавказского календаря на 1898 год»)

Годы до Рождества Христова

3246. – Всемирный потоп. Ноев ковчег, по спаде воды, останавливается на горе Арарат.

1740–1730. – Завоевания Семирамиды в Закавказье и подчинение Армении ассириянам.

740. – Автономия Армении при Паруйре, после падения Ассирии.

565. – Тигран I, царь Армении, современник и вассал Кира, царя Персидского.

325. – Назначение Александром Македонским правителем Армении перса Митрина, предавшего ему цитадель сардов.

323. – Смерть Александра Великого и раздел его империи между полководцами и вассальными государями. Армения переуступляется Неоптолему.

316. – Смерть Евмена. Распад Александровской империи. Сатрапии нагорной Азии приобретают независимость, в том числе Армения.

255. – Возвышение Парфянского царства и подчинение им Персии. Установление в обеих странах династии Аршакидов.

182. – Аршак Великий владычествует над всей Западной Азией. По его указанию строится крепость Арташат над Араксом. Ганнибал находит убежище в Армении.

150. – Поручение Аршаком Армении брату своему Вагаршаку. Установление в Армении уделов (нахарарств).

72. – Тигран [II], армянский царь, разбит Лукуллом.

69. – Разбитый римлянами Митридат отступает в Армению и Колхиду.

67. – Сражение при Тигранакерте, где Тигран вторично разбит Лукуллом.

34. – Покорение Армении Марком Антонием.

1. – Рождение Спасителя Мира. Начало Христианской эры.

Годы по Рождеству Христову

56. – Римский полководец Корбулон, при императоре Нероне, разоряет Арташат – столицу Армении.
79. – Основание г. Эривань.
90. – Нашествие на Армению Алан с иверцами, окончившееся родственными связями.
98. – Военная экспедиция Траяна «Optimus» в Армению.
130. – Вмешательство армян в междоусобные смуты в земле алан и вывод оттуда пленных, которые были поселены в области Артаз на юго-восточной стороне Арарата.
184. – Основание новой столицы Армении в Вагаршапате (ныне селение около Эчмиадзина, в Эриванской губернии).
204. – Хазары переходят Кавказский хребет и, пройдя Иверию, нападают на Армению.
259. – Сасанид Шахпур покоряет Армению.
286. – Трдат II воцаряется в Армении.
301. – Проповеди в Армении христианской веры св. Григорием Просветителем, и принятие ее армянским народом в царствование царя Трдата.
303. – Основание Эчмиадзина и замена им 13 бывших до него в Армении языческих священных городов и селений.
310. – Трдат изгоняет из Армении и Албании хазар.
342. – Кончина Трдата. Междуцарствие в Армении. Бакурый I, царь Грузии, ведет войну с персами, покорившими Армению.
350. – Нашествие хазар на Армению и поселение их в Албании.
392. – Распад Армении на части: Восточную (персидскую) и Западную (византийскую).
- 410-412. – Изобретение св. Месропом армянских букв, а несколько времени спустя изобретение грузинского церковного алфавита (хуцури). Перевод Библии и Евангелия на армянский язык.
435. – Пресечение династии Аршакидов и прекращение автономии Великой Армении.
451. – Гибельное сражение под Араратом Вардана Мамиконяна с персами. Халкидонский собор, который не приняли армяне.
458. – Мученическая смерть святой Шушаник.
513. – Гунны Сабиры вторгаются в Армению.
640. – Первое вторжение арабов в Армению.
646. – Второе вторжение арабов в Армению.
647. – Император Константин II в Армении.
683. – Вторжение хазаров в Армению.
700. – Император Юстиниан II в Армении.
731. – Вторжение Мурвана Глухого в Армению и Имеретию.
787. – Династия Багратидов вторично вступает на грузинский престол.
830. – Император Феофилакт в Армении.
852. – Взятие Двина арабами.
885. – Восстановление Армении Ашотом Великим из династии Багратидов.

1184-1212. – Царица Тамара побеждает армян, турок и персиян. Покоряет под свою власть все горские племена и распространяет между ними христианскую веру.

1375. – Падение армянского царства в Киликии при царе Левоне IV.

1567. – Начало книгопечатания в Армении.

1667. – Торговая компания армян, под именем джюльфинской, получает грамоту на привоз в Россию из Персии шелка-сырца.

1718. – Посольство карабахских армян-землевладельцев (меликов) к Императору Петру Великому.

1723. – Присоединение к России: Гиляна, Мазандерана, Асрабада и городов Дербента и Баку. Грамота армянскому Патриарху Исаю и армянскому народу об отводе мест для поселения их в Баку и Дербенте.

1735. – Тифлис, Эривань и Ганджа отдаются Надир-шаху.

1773. – Учреждение типографии в Эчмиадзине.

1789. – Основание крепости Шуша.

1797. – Убиение Ага-Магомед-Хана в Шуши его прислугою.

1798. – Карабагские мелики, с подвластным им армянским народом, в числе 11 тысяч семейств, принимают подданство России и переселяются из Персии на кавказскую линию и другие места.

1804. Июня 20. – Князь Цицианов наносит близ Эривани сильное поражение персиянам.

1805. В мае. – Присоединение Карабагского (Шуша) и Шекинского (Нуха) ханств к России. С 12 июня по 9 июля. – Движение полковника Карягина в Карабаг против персидской армии, вторгнувшейся туда; неоднократное поражение неприятеля; геройское отступление русских при непрерывном бое и взятие ими на обратном пути кр. Шахбулаха. С 11 июля по 3 августа. – Поход князя Цицианова на р. Аракс и отражение Баба-хана, вторгнувшегося в Карабах.

1813. Октября 12. – Заключение в Гюлистане мирного трактата России с Персией, по которому ханства: Карабагское, Ганджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Тальшинское уступлены России.

1828. Февраля 10. – Заключение в Туркменчае мирного трактата с Персией, по которому ханства Эриванское и Нахичеванское наименованы Армянской областью.

1836. Марта 11. – Издание положения об управлении делами Армяно-григорианской церкви.

1837. Мая 21. – Открытие Эчмиадзинского армяно-григорианского Синода. Октября 31. – Заложение крепости при г. Гюмри; наименование крепости и города Александрополем.

1843. Августа 13. – Утверждение архиепископа Нерсеса Патриархом эчмиадзинским и Католикосом всех армян.

1845. Июля 29. – Восхождение профессора Абиха на Арарат.

1846. С января. – Издание в Тифлисе газеты «Кавказ» на русском и армянском языках.

1849. Июня 9. – Высочайший указ об образовании в Закавказском крае особой губернии Эриванской, из уездов: Эриванского, Нахичеванского, Александропольского, Новобаязетского и Ордубатского.

1850. Января 1. – Открытие Эриванской губернии. Января 2. – Открытие в Эривани женского благотворительного учебного заведения во имя св. Рипсимеи.

1864. Января 21. – Открыто телеграфное сообщение от Тифлиса через Делижан, Эриван и Нахичеван до селен. Джульф. Апреля 7. – В Баку учреждено Человеколюбивое общество во имя св. Григория, Просветителя Армении.

1866. Июля 1. – Открыто дилижансовое сообщение между Тифлисом, Кутаисом, Эриванью и Джульфами.

1867. Февраля 19. – Открыта новая Елисаветпольская губерния, составленная из Елисаветпольского уезда Тифлиской и Нухинского и Шушинского уездов Бакинской губернии.

1886. Марта 1. – Открыт почтовый тракт между Шушею и Гирюсами. Декабря 23. – Высочайшее повеление об управлении Армяно-григорианскими церквями в Карсской области и в округах: Артвинском, Батумском и Сухумском, Кутаисской губернии.

1890. Октября 17. – Открытие в Эривани городской лечебницы.

1893. Апреля 17. – Утверждение штата Эриванского городского полицейского управления.

Приложение II

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК БЫЛОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПОЗЕМЕЛЬНОГО СТРОЯ НАРОДНОСТЕЙ, НАСЕЛЯЮЩИХ МУСУЛЬМАНСКИЕ РАЙОНЫ КАВКАЗСКОГО КРАЯ

Часть II

Мусульманские районы Закавказья, входящие в состав Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и отчасти Тифлиской губерний.

Краткие этнографические и исторические сведения.

Главную массу населения восточной половины Закавказья, входящей в состав Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и отчасти Тифлиской губерний, составляют азербейджанские турки, называемые обыкновенно закавказскими татарами. По свидетельству Е. Г. Вейденбаума («Путеводитель по Кавказу», отделение первое, «Очерк этнографии Кавказского края»), эти представители монгольской расы на Кавказе являются остатками тюрко-татарских племен, наводнивших некогда всю переднюю Азию и восточную часть Европы. Проникнув на кавказский перешеек с северо-востока из-за Волги и с юго-востока из Персии, они завладели здесь всеми местами, которые представляли необходимые для степных кочевников удобства. Означенным обстоятельством, по мнению упомянутого выше автора, объясняется современное распределение тюрко-татарских племен на перешейке: они занимают степи Северного Кавказа, западное побережье Каспийского моря и все закавказские равнины и плоскогорья...

...Тюрко-татарское население степей северного Кавказа сохранило еще почти в неприкосновенности типические черты своей расы и своего быта, но в губерниях Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и Тифлисской пришельцы уже в значительной мере утратили свой монгольский тип, вследствие смешения с туземными племенами. Как полагает Е. Г. Вейденбаум, весьма вероятно, что многие из вошедших в состав закавказских татар этнических элементов представляют собою в действительности коренных обитателей страны, но заимствовавших от завоевателей только язык (тюркское наречие, подвергшееся сильному влиянию персидского языка и называемое азербейджанским, по имени пограничной с Закавказьем персидской провинции) и религию...

...По религии закавказские татары принадлежат к двум главным исповеданиям ислама: сунитскому и шиитскому...

Поземельный строй

...Коран составляет основу всего мусульманского учения о праве. Сообразно с этим учением, право на вещи установлено следующим положением: «Бог сотворил для вас все, что есть на земле». На этом основании закон предоставляет каждому мусульманину приобретать всякого рода движимое и недвижимое имущество, но земля, однако, по общему правилу, не считается принадлежащей частным лицам на правах собственности. Настоящим собственником земли считается один лишь Бог, а на земле его наместник имам (в Турции – султан, в Персии – шах); частным же лицам принадлежит только право владения и пользования землею.

Поэтому и в упомянутых выше мусульманских частях Закавказья, при персидском и турецком владычестве, права частной земельной собственности не существовало; земля принадлежала государству и пользующееся ею лицо обязано было вносить в казну 7/30 частей урожая и небольшую денежную повинность. Из этих 7/30 урожая правительство обычно, в награду за службу или по другим основаниям, представляло лицам высших классов (ханам, бекам, агаларам и пр.) право получения с населения известных районов (отдельных деревень или целых их групп) 4/30 урожая без денежного оброка ... с одновременным возложением на этих представителей высших классов обязательства управления населением означенных районов ...

...Большей частью указанные права ханов, беков и т. д. переходили к их потомству, иногда сопровождаясь подтверждениями об этом со стороны правительства, иногда же без таких подтверждений ...

Общественно-политический строй

Ханства Ганжинское, Шушинское или Карабахское, Ширванское, Бакинское и Талышинское были присоединены к России в период 1804-1813 г.г. ...

...В настоящее время эти бывшие ханства входят, первые три, в состав Елисаветпольской губернии, а последнее – в состав Бакинской.

Поименованные выше владения еще со времен глубокой древности подвергались всевозможным политическим переворотам, которые имели влияние на образование различных, возвысившихся над массой населения, сословий. Среди

народов, распространивших на протяжении истории свое владычество на территорию названных владений, наиболее заметные следы в общественном устройстве коренного населения оставили по себе арабы, монголы, турки и особенно персы. По временам, иноземное господство прерывалось возникавшими в тех или иных провинциях самостоятельными туземными владетельными династиями...

...Перемена владычества, как общее правило, отражалась и на положении высших агентов управления, но, тем не менее, нередко некоторые из последних удерживали свои места и при новых условиях, а в случае устранения от управления, не переставали пользоваться среди населения уважением, основанным на воспоминании власти и заслуг их предков.

Таким путем возникали наследственные высшие сословия и древность некоторых из входящих в их состав родов восходит до самых отдаленных времен. Однако, большинство принадлежащих ныне к высшим сословиям родов обязано своему возвышению тем переворотам, которые постигли Закавказье при нашествии Надир-Шаха (1734 г.). В одних провинциях владетельные династии были ими ниспровергнуты и заменены иными. Из других – коренные обитатели страны были выселены и на их место водворены пришельцы. С новыми владетельными династиями, с новым водворенным населением явилось и много новых лиц высших сословий...

...Высшие сословия упомянутых ханств составляли следующие три разряда:

1) Беки – прямые потомки последующих владетельных династий:

2) Коренные беки:

а) родственники представителей последних правящих династий и потомки прежних владетельных родов;

б) родоначальники кочующих племен и наследственные управители отдельных обществ и поселений; среди многочисленных категорий этих лиц, известных под различными наименованиями, особенно выделялись султаны и некоторые мелики из армян; оба эти звания являлись почетнейшими между беками и свидетельствовали о знатности происхождения тех родов, членам коих они присваивались, и

в) лица, пожалованные в бекское или иное высшее звание Надир-Шахом и другими следовавшими за ним персидскими шахами, а также турецкими султанами.

3) Беки нового пожалования:

а) потомственные беки и мелики, возведенные в это звание представителями последних владетельных династий, с пожалованием им в управление деревень на бекском праве...

...Управление деревнями налагало на бека по отношению к хану известные обязательства, которые, главным образом, сводились к участию в защите страны и вообще к содействию, по требованию хана, в военных предприятиях лично явкою и выставлением известного числа вооруженных людей.

Лишенный своего имения и удаленный от двора и даже из ханства коренной и потомственный бек не терял права именоваться прежним своим званием ...

Приложение III

АРЦАХ

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

Арцах ([арм.](#) Արցախ) — историческое название провинции [Великой Армении](#), на территории которой в настоящее время находится [Нагорно-Карабахская Республика](#).

О древней истории этой области известно немного, главным образом из-за того, что письменные источники или почти полностью отсутствуют, или носят разрозненный характер. Историческая принадлежность этого региона в последние годы стала темой ожесточённых споров между [армянами](#) и [азербайджанцами](#) в связи с конфликтом из-за Нагорного Карабаха, причём обе стороны выдвигают исторические требования на данную территорию.



Клинопись урартского царя [Сардура II](#), в которой содержится упоминание об Арцахе.

Впервые Арцах под названием «Уртехе» или «Уртехини» упоминается в клинописях урартского царя [Сардура II](#), обнаруженных у села Цовк. После падения царства [Урарту](#) (начало VI века до н. э.) Арцах являлся частью первого Армянского царства, которое с момента своего возникновения находилось в подчинении вначале [Мидии](#), а в 550—331 гг. до н. э. — [Ахеменидской Персии](#). С начала [II века до н. э.](#) Арцах находился в границах армянского государства династии [Арташесидов](#), северо-восточная граница которого, по свидетельству ряда греко-римских историков и географов, проходила по реке Кура (Кур).

В [I веке до н. э.](#) Арцах выступает под именем «Орхистене». [Страбон](#) упоминает Орхистену в числе армянских провинций (так же, как Фавнену и Комбисену). В это время [Армения](#) становится самым могущественным государством в Передней Азии. Армянский царь [Тигран II](#) (Великий) построил здесь город [Тигранакерт](#) — один из четырёх городов того времени, носивших его имя. Руины этого города находятся в окрестностях нынешнего [Аглама](#). На месте древнего города сохранились курганы, каменные изваяния, выдолбленные в скалах культовые сооружения.

[Клавдий Птолемей](#) в своей «Географии» сообщает, что «[Великая Армения](#) ограничивается с севера частью [Колхиды](#), [Иберией](#) и [Албанией](#) по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кир ([Куру](#))». Он же пишет: «Кир, которая течет по всей Иберии и Албании, отделяя от них Армению...» То же говорит и [Плиний Старший](#), который пишет: «Теперь будут перечислены жители пограничных с Арменией областей: всю равнину, начиная от реки Кура, заселяют племена албанов (Planitiem omnem a Cygo usque Albanorum gens tenet), а затем иберов...» Далее Плиний подтверждает это: «Племя албанцев, расселившееся по кавказским горам, доходит, как сказано, до реки Кира». В описании Армении он сообщает также, что Великая Армения «тянется до реки Кура». Это подтверждается и [Страбоном](#): «Она (Кура) берет начало в Армении и, тотчас вступая в вышеупомянутую равнину (в Иберии), принимает Араг, текущий с Кавказа, и другие притоки, а затем через узкую долину течет в Албанию; между нею и Арменией река мощно проносится по равнинам».

Об армяно-албанской границе существуют также другие, косвенные данные античных первоисточников. Например, [Дион Кассий](#), который свидетельствует: «Оройс, царь албанцев, живших выше (ὁ π ἔ ρ) Кирна». В [66-428](#) гг. н. э. Арцах входил в состав армянского царства [Аршакидов](#). После его распада и раздела Армении между [Византией](#) и [Персией](#) ([387](#)) вместе с армянской провинцией [Утик](#) был присоединён к [Албанскому царству](#), расположенному к северу от реки Кур (Кура), которое, в свою очередь, также оказалось в подчинении Персии. В [469](#) году это царство было преобразовано в персидское марзпанство (наместничество) [Арран](#). По сообщению [Зоранамака](#) в армии Великой Армении в [IV](#) – начале [V](#) вв. Арцах выступал по одной тысяче воинов.

Согласно армянскому историку [V века Мовсесу Хоренаци](#), граница между Албанией Кавказской ([арм.](#) Алуанк) проходила «от реки Ерасх ([Аракс](#)) до крепости, называемой Хнаракерт», «вдоль большой реки по названию Кур (Кура)». [Мовсес Хоренаци](#) ([V век](#)) называет Арцах «Малым Сюником» ([арм.](#) «Покр Сюник»). Именно здесь, в [Амарасе](#), согласно Мовсесу Хоренаци, был погребён юный [Григорис](#) (внук [св. Григория Просветителя](#)) после его гибели на поле Ватнян.

В этом же монастыре в начале [V века](#) создатель [армянского алфавита св. Месроп Маштоц](#) основал первую армянскую школу, откуда началось распространение [армянской письменности](#). Важно отметить также, что по сведениям армянского историка Мовсеса Каганкатваци из Арцах и Утика Месроп отправился и к албанцам, которым тоже проповедовал «на их же языке».

Другой армянский историк [V века](#) — [Егише \(Елише\)](#) пишет, что после поражения в [Аварайрском сражении](#) (451) многие из [армян](#), восставших против [персов](#), бежали «в непроходимые страны Тморика и в густые леса Арцах». В «[Армянской географии](#)» [VII века](#) («[Ашхарацуйц](#)») Арцах упоминается как 9-я из 15-ти провинций [Великой Армении](#). Об Арцах упоминает армянский автор [VIII века](#) [Степанос Сюнеци](#): «И так же /следует/ знать все окраинные диалекты своего языка, кои суть корчайский и хутский, и Четвертой Армении, и сперский, и сюнникский, и арцахский».



Надписи на стенах [Гандзасарского монастыря](#) на [древнеармянском языке](#).

Начиная с [X века](#) в исторических трудах и источниках Арцах выступает под названием «Хачен» по имени крепости, где располагалась резиденция араншахикского князя Сахла Смбацяна «одного из армянских батриков». О «древнем роде армян – Ераншаиков» весьма важные сообщения оставил историограф [Мовсес Каганкатваци](#). [Хаченское княжество](#) существовало с [X](#) по [XVI](#) века. В это время здесь был построен [Гандзасарский монастырь](#) (1238), одним из видных деятелей Хаченского княжества Гасан Джалалом «мужем благочестивым, богобоязненным и скромным, армянина по происхождению». Там с XV века располагался Гандзасарский католикосат северо-восточных провинций Армении, где «армяне Гандзасара» свято хранили христианские традиции. [Византийский император \[Константин Багрянородный\]\(#\)](#) свои письма адресовал «князю Хачена – в Армению».

Первым европейцем, побывавшим в Карабахе, стал немец Ганс Шильдбергер, который посетил Карабах в [1420](#) году. Он пишет: «Я также провёл много времени в Армении. По смерти Тамерлана, попал я к сыну его, владевшему двумя королевствами в Армении. Этот сын, по имени Шах-Рох, имел обыкновение зимовать на большой равнине, именуемой Карабаг... Хотя эта равнина лежит в Армении, тем не менее она принадлежит язычникам, которым армянские селения принуждены платить дань. Армяне всегда обходились со мной хорошо...» Наименование «Карабах» впервые упоминается в грузинской летописи [XIV](#) века «[Картлис цховреба](#)» ([ქართლის ცხოვრება](#)). В это время Арцах распался на пять княжеств ([меликств](#)), объединяющим центром которых выступал Гандзасарский католикос. В [1672](#) Гандзасарский католикос Пётр в письме к русскому царю [Алексею Михайловичу](#) называет себя «католикосом армянским». Как сообщает

историк Мирза-Адигезаль бек в «Карабах-наме», из этих меликств только Хаченское имело корни в Карабахе, тогда как остальные меликства были созданы переселенцами из других регионов: в частности, мелики [Дизака](#) были беженцами из [Лори](#), мелики Варанды – переселенцами из [Гёкчи](#), мелики [Джераберда](#) – выходцами из селения Магавуз в [Зангезуре](#), а мелики [Гюлистана](#) – родом из [Ширвана](#).

В течение [XVIII](#) века Арцах стал очагом освободительной борьбы армян. В письме к русскому царю [Павлу I](#) карабахские мелики сообщали: «В области Карабагской, яко едином остатке древняя Армения сохранявшем чрез многие веки независимость свою». Российская Империя стала основной надеждой карабахских меликов, для освобождения от персидского ига. В начале XVIII века царь [Пётр I](#), обращаясь к меликам, писал: «Армяне карабахской и капанской провинции желают жить под нашею протекциею...»

Динамика роста населения Карабаха в течение XVIII века была довольно противоречивой. Так, если в документе [1740](#) года сказано, что «всего армянского народу, военного и протчаго, одной Карабахской провинции, которой желают притти под протекцию е. и. в., будет сто тысяч дворов...», то уже в [1798](#) Гандзасарский католикос Ованес сообщал [Екатерине II](#) о наличии 30 тыс. семейств: «... Пребывающие в Гарабаге и в Хамсе армяне, аз недостойный патриарх и раб, мелик Атам с находящимися в земли нашей епископами, священниками, пятью меликами, южбамами, всем войском и всеми обывателями до тридцати тысяч домов находящимися повергаемса вернейшими рабами быть владычества вашего...»

Начиная с XVIII века Карабах становится также одним из культурных центров тюркских племен Кавказа. Мирза Джамал Джеваншир Карабахский пишет: «Панах хан задумал подчинить себе армянские магалы Хамсе». Панах Али, «прибывший в древние времена из Туркестана», основывает в Карабахе свою правящую династию. Карабах входит сначала в состав Гянджа-Карабахского беглярбекства, затем Гянджинского ханства. В 1747 году после убийства Надир-шаха и ослабления центральной власти в Персии возникло самостоятельное [Карабахское ханство](#), только номинально признававшее над собой власть персидских шахов.

Царь Грузии [Ираклий II](#) пишет: «Хамс (Карабах) составляет владение и во оных сем воеводских правленей, народ весь армянского закона, в том владении находится армянской патриарх... один человек (Панах Али), закону магометанскаго и от народа жаванширскаго, принял силу; среди того правления, Хамсы, состоит старинная крепость, которая им обманом взята... и армяне хамские к воинству весьма храбры; а как в показанных семи частях воеводы между собой несогласны, то по такому их не согласию жаваншарами под свою власть приведены». В [1813](#) году между Россией и Персией был заключён [Гюлистанский мирный договор](#), согласно которому Карабахское ханство от Персии перешло к [России](#), что было окончательно закреплено [Туркменчайским договором](#).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
СЛОВО О ГЕРОИНЕ.....	5
МОИ ШУШИНСКИЕ РОДСТВЕННИКИ.....	10
ЕЕ НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ.....	17
ПОЕЗДКА В КОСТРОМУ.....	23
ИСТОРИЯ ШУШИ.....	27
КОМАНДИРОВКА В АНГЛИЮ.....	34
НЕФТЯНОЙ ФАКТОР.....	38
ПОЧЕМУ АНГЛИЯ, ПОЧЕМУ БАКУ?.....	44
УРОКИ НА ВСЮ ЖИЗНЬ.....	50
ПРОГНОЗ ОКАЗАЛСЯ ТОЧНЫМ.....	55
ПОПОВ ИЛИ МАРКОНИ?.....	60
ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ.....	64
СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА.....	68
РОМАН РАЗВЕДЧИКА И РОМАН «ОВОД».....	74
НАПРАШИВАЮТСЯ АНАЛОГИИ.....	77
СХВАТКА ГИГАНТОВ.....	81
ПРАВИТЕЛЬСТВО БЕЗДЕЙСТВУЕТ.....	85
СОБЫТИЯ В ШУШИ.....	91
ПОКАЗАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ.....	98
АЙ-ДА ВИЛЛАРИ!.....	102
«КРОВЬ И ПОЖАРЫ В ГОРОДЕ НЕФТИ».....	107
ПОЧЕМУ Я ТАК ЛЮБЛЮ АЛЕШУ.....	114
КОМИССИЯ БАТЮШИНА.....	118
ЭПИЛОГ.....	122
ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЛИ НЕМНОГО ИСТОРИИ.....	126
ПРИЛОЖЕНИЕ I.....	129
ПРИЛОЖЕНИЕ II.....	132
ПРИЛОЖЕНИЕ III.....	135

Սարգիս Ղանթարջյան

ՇՈՒՇԵՑԻ ԿՆՈՋ ՕՐԱԳԻՐԸ

ՓԱՍՏԱԳՐԱՅԻՆ ԿԻՊԱԿ

«ՀԱՅԱԳԻՏԱԿ»

ԵՐԵՎԱՆ 2007

КАНТАРДЖЯН САРКИС ЛЕВОНОВИЧ

Доктор экономических наук, профессор. Действительный член Инженерной академии Республики Армения.

Родился в 1939 г. в Ереване. После окончания школы в 1956 г. поступил на электротехнический факультет Ереванского политехнического института.

В 1966г. в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук, а в 1980 г. в том же институте ему была присуждена ученая степень доктора экономических наук.

С 1966г. – заведующий лабораторией технико-экономических исследований Всесоюзного научно-исследовательского и проектного института полимерных продуктов, с 1975 по 1977гг. – декан факультета экономической кибернетики Ереванского института народного хозяйства.

В 1977г. назначается на должность помощника председателя Совета Министров АрмССР, с 1983г. – заведующий отделом охраны природы правительства республики. С 1992г. – начальник Патентного управления при правительстве РА, с 2003г. – заведующий кафедрой бизнеса и менеджмента Ереванского государственного университета.

С 1996 по 1998 гг. – вице-президент Административного совета Евразийской патентной организации (Москва), с 1997 по 1999 гг. – вице-президент Ассамблеи Мадридского союза (Женева), с 1999 по 2001 гг. – вице-президент Ассамблеи Парижского союза (Женева).

Автор свыше ста научных трудов, в том числе трех монографий и пяти тематических обзоров в области экономики типовых процессов химической технологии. Автор трех учебных пособий для студентов экономических факультетов и десятков публикаций в республиканской печати по вопросам охраны и оценки объектов интеллектуальной собственности.

В 2005 году издал книгу воспоминаний «Я выбираю вас», а в 2006 году роман «Разные судьбы. Хроника жизни одной семьи».